

**Управление систематизации законодательств и анализа судебной
практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обобщение правовых позиций межгосударственных
органов по защите прав и свобод человека¹ и
специальных докладчиков (рабочих групп),
действующих в рамках Совета ООН по правам
человека, по вопросу защиты *права лица на уважение
частной и семейной жизни, жилища*²**

2019 г.

---

¹ Включая Европейский Суд по правам человека (далее также – Европейский Суд, Суд).

² Перечень упомянутых в Обобщении правовых позиций не носит исчерпывающего характера. В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

Содержание

1.	Общие положения	6
2.	Понятие «частной жизни». Сферы распространения	9
2.1.	Идентичность и самостоятельность	9
2.1.1.	Вопросы самоидентификации лица, в том числе вопросы использования его изображения (образа)	9
2.1.2.	Родительский статус	13
2.2.	Физическая и психологическая неприкосновенность	15
2.2.1.	Медицинское вмешательство. Вопросы недееспособности лица	15
2.2.1.	Уход лица из жизни	17
2.2.2.	Профессиональная (трудовая) деятельность лица	18
2.2.3.	Вопросы, связанные с погребением	29
2.3.	Неприкосновенность частной жизни	30
2.3.1.	Использование современных информационных технологий	30
2.3.2.	Распространение личной информации. Хранение и доступ к указанной информации. Защита персональных данных. Публикация фотографий	38
2.3.3.	Осуществление личных переговоров (разговоров). Защита корреспонденции ..	42
3.	Понятие «семейной жизни» («семьи»)	44
4.	Понятие «жилища» («достаточного жилища»)	47
5.	Критерии (условия) правомерного вмешательства в право лица на уважение частной и семейной жизни, жилища	53
5.1.	Соблюдение критерия законности (правовой определенности) при осуществлении вмешательства в право лица на уважение частной и семейной жизни, жилища	57
5.2.	Соблюдение критерия наличия законной (социально-значимой) цели при осуществлении вмешательства в право лица на уважение частной и семейной жизни, жилища	62
5.3.	Соблюдение критерия необходимости (пропорциональности) при осуществлении вмешательства в право лица на уважение частной и семейной жизни, жилища	63
6.	Позитивные обязательства государства по защите права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища	67
6.1.	Процедурные (процессуальные) аспекты защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища как элемент позитивных обязательств государства. Право на эффективные средства правовой защиты	79
6.2.	Вопросы судебной защиты права лица на уважение (достаточного) жилища ...	87
7.	Возможные сферы вмешательства в право лица на уважение частной жизни	108
7.1.	Вопросы физической и психологической неприкосновенности	108

7.1.1.	Ограничение дееспособности гражданина.....	108
7.1.2.	Экологические вопросы	109
7.1.3.	Медицинское вмешательство. Вопросы стерилизации.....	113
7.1.4.	Вопросы экстракорпорального оплодотворения (ЭКО)	115
7.1.5.	Вопросы прерывания беременности	118
7.1.6.	Рождение ребенка (роды).....	123
7.1.7.	Вопросы ухода лица из жизни.....	125
7.2.	Вопросы неприкосновенности частной жизни	128
7.2.1.	Использование персональных данных. Их хранение и обработка. Публикация материалов о частной жизни лица	128
7.2.2.	Составление перечня террористов	137
7.2.3.	Вмешательство в право лица на изображение	138
7.2.4.	Умаление личной (деловой) репутации.....	147
7.2.5.	Вмешательство в право лица на уважение частной жизни на рабочем месте ..	153
7.2.6.	Производство принудительных действий, связанных с ограничением права лица на уважение частной жизни.....	157
8.	Возможные сферы вмешательства в право лица на уважение семейной жизни	160
8.1.	Установление и оспаривание отцовства.....	160
8.2.	Вопросы усыновления. Отобрание ребенка у родителей. Ограничение родительских прав	162
8.3.	Исполнение судебных постановлений в аспекте защиты права лица на уважение семейной жизни.....	168
8.4.	Признание решений иностранных судов в аспекте защиты права лица на уважение семейной жизни. Вопросы реализации государством положений Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г.	171
8.5.	Защита права лица на проживание со своей семьей (вопросы иммиграционного контроля)	182
8.6.	Защита права лишенного свободы лица на уважение семейной жизни.....	189
9.	Возможные сферы вмешательства в право лица на уважение (достаточного) жилища	195
9.1.	Принудительное выселение	195
9.1.1.	Доступ к правосудию в случаях принудительного выселения.....	217
9.2.	Благоустройство неформальных поселений	221
9.3.	Защита права лиц с ограниченными возможностями на жилье.....	229
9.4.	Защита права пожилых лиц на жилье	230
10.	Защита права лица на уважение частной и семейной жизни и жилища, нарушенного (нарушаемого) в ходе осуществления уголовного судопроизводства	231
11.	Соотношение права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища с иными правами	231
11.1.	Соотношение права на жизнь и права на уважение жилища. Бездомность.....	233
11.2.	Соотношение права на частную жизнь и права на свободу выражения своего мнения	243

Согласно статье 12 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. «[н]икто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

В силу статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. «1. Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию.

2. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Статьей 23 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривается: «1. Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства.

2. За мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, признается право на вступление в брак и право основывать семью.

3. Ни один брак не может быть заключен без свободного и полного согласия вступающих в брак.

4. Участвующие в настоящем Пакте государства должны принять надлежащие меры для обеспечения равенства прав и обязанностей супругов в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении. В случае расторжения брака должна предусматриваться необходимая защита всех детей».

Согласно статье 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. «1. Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни. Государства - участники примут надлежащие меры к обеспечению осуществления этого права, признавая важное значение в этом отношении международного сотрудничества, основанного на свободном согласии.

2. Участвующие в настоящем Пакте государства, признавая основное право каждого человека на свободу от голода, должны принимать необходимые меры индивидуально и в порядке международного сотрудничества, включающие проведение конкретных программ, для того чтобы:

а) улучшить методы производства, хранения и распределения продуктов питания путем широкого использования технических и научных знаний, распространения знаний о принципах питания и усовершенствования или реформы аграрных систем таким образом, чтобы достигнуть наиболее эффективного освоения и использования природных ресурсов; и

б) обеспечить справедливое распределение мировых запасов продовольствия в соответствии с потребностями и с учетом проблем стран как импортирующих, так и экспортирующих пищевые продукты».

В соответствии со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. «1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

1. Общие положения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации³

Основной целью статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] является защита человека от произвольного вмешательства органов государственной власти. Это положение защищает, в частности, право на личное развитие и право устанавливать и развивать отношения с другими людьми и внешним миром ... Чрезвычайно важно, чтобы Конвенция толковалась и применялась таким образом, который делал бы гарантированные ею права практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными (пункт 84 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

Практика Комитета ООН по правам человека⁴

Статья 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] предусматривает право каждого человека на защиту от произвольного или незаконного вмешательства в его личную и семейную жизнь, произвольных или незаконных посягательств на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции, а также от незаконных посягательств на его честь и репутацию. По мнению Комитета, это право должно быть

---

³ Здесь и далее, если иное не следует из контекста излагаемого материала, неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека, принятых по делам в отношении Российской Федерации, был получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

⁴ Комитет ООН по правам человека (далее также – Комитет) действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее также – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признаёт компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Здесь и далее переведенные на русский язык тексты решений и иных документов договорных и внедоговорных органов, действующих в рамках Организации Объединенных Наций, включая Совет ООН по правам человека, выдержки из которых, а равно ссылки на которые приведены в настоящем Обобщении, размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций:
<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>,
<https://www.ohchr.org/RU/Pages/Home.aspx>

подкреплено гарантиями от любого такого вмешательства и таких посягательств, независимо от того, совершаются ли они государственными органами, физическими или юридическими лицами. Обязательства, вытекающие из данной статьи, требуют от государства принятия законодательных и других мер для действенного запрещения такого вмешательства и таких посягательств, а также защиты этого права (пункт 1 Замечания общего порядка № 16. Статья 17. Право на личную жизнь. Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

Практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам⁵

В соответствии со статьей 11 (1)... [Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах] государства-участники «признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него самого и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни». *Право человека на достаточное жилище, которое, таким образом, признано, имеет решающее значение для пользования экономическими, социальными и культурными правами* (пункт 1 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 6-й сессии (1991 г.). E/1992/23).

Хотя большое число международных документов затрагивает *различные аспекты права на достаточное жилище*⁶, статья 11 (1)... [Международного

⁵ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее - Комитет) действует с целью контроля за обеспечением выполнения государствами - участниками их обязательств по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (далее - Пакт). Российская Федерация является участником указанного международного договора в качестве государства - продолжателя Союза ССР.

Комитет вправе принимать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Пакта на основании Факультативного протокола к Пакту от 10 декабря 2008 г. По состоянию на 30 июля 2019 г. Российская Федерация не являлась участником этого Протокола.

⁶ См., например, статью 25 (1) Всеобщей декларации прав человека, статью 5 е) iii) Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, статью 14 (2) Международной конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, статью 27 (3) Конвенции о правах ребенка, статью 10 Декларации социального прогресса и развития (режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/socdev.shtml), раздел III 8) Ванкуверской декларации по населенным пунктам 1976 года (режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/vancouver.pdf) (*Доклад Хабитат: Конференция Организации Объединенных Наций по населенным пунктам* (издание

пакта об экономических, социальных и культурных правах] является наиболее всеобъемлющей и, возможно, самой важной из всех соответствующих положений (пункт 3 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 6-й сессии (1991 г.). E/1992/23).

*Право человека на достаточное жилище является основополагающим правом, которое представляет собой основу для пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами⁷ и всецело связано с другими правами человека, включая те из них, которые изложены в Международном пакте о гражданских и политических правах⁸. Право на жилище должно обеспечиваться всем, вне зависимости от уровня дохода или доступа к экономическим ресурсам⁹, и государства-участники обязаны принимать все необходимые меры, с тем чтобы обеспечить полную реализацию этого права в максимальных пределах имеющихся у них ресурсов¹⁰ (пункт 13.1 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).*

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Неприкосновенность частной жизни является основным правом человека, которое было определено в качестве презумпции того, что в жизни частных лиц должна существовать область, связанная с их независимым развитием, взаимодействием и свободой, т.е. сфера «частной жизни», при наличии или отсутствии отношений с другими лицами, которая является свободной от вмешательства государства, а также свободной от чрезмерного нежелательного вмешательства со стороны других лиц, не имеющих на это разрешения. Эволюция права на неприкосновенность частной жизни проходила по двум различным направлениям.

В универсальных документах по правам человека основное внимание сосредоточено на негативном аспекте права на

Организации Объединенных Наций в продаже под № R.76.IV.7 и исправление), глава I), статью 8 (1) Декларации о праве на развитие (режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml), а также Рекомендацию МОТ в отношении жилищного строительства для трудящихся 1961 года (режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901766159>) (Рекомендация № 115).

⁷ Замечание общего порядка № 4 (1991) о праве на достаточное жилище, пункт 1.

⁸ Там же, пункты 7 и 9.

⁹ Там же, пункт 7.

¹⁰ Там же, пункт 12.

неприкосновенность частной жизни путем установления запретов на любое произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь, посягательство на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, в то время как в некоторые региональные и национальные документы также включен *позитивный* аспект: каждый имеет право на уважение его/ее личной и семейной жизни, его/ее жилища и корреспонденции или право на его/ее достоинство, личную неприкосновенность или признание и уважение доброй репутации.

Хотя право на неприкосновенность частной жизни не всегда прямо упоминается в конституциях в качестве отдельного права, практически все государства признают его значение в качестве принципа, имеющего конституционную важность. В некоторых странах право на неприкосновенность частной жизни возникает путем расширительного толкования принципов обычного права, относящихся к нарушению доверия, праву на свободу, свободе на выражение мнений или праву на должную процедуру. В других странах право на неприкосновенность частной жизни возникает как религиозная ценность. Таким образом, *право на неприкосновенность частной жизни является не только основным правом человека, но и таким правом человека, из которого возникают другие права человека* и формируются базовые принципы любого демократического общества (пункт 11 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 г.).

2. Понятие «частной»¹¹ жизни». Сферы распространения¹²

2.1. Идентичность и самостоятельность

2.1.1. Вопросы самоидентификации лица, в том числе вопросы использования его изображения (образа)

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

«[Л]ичная жизнь» является широким понятием, охватывающим, в частности, аспекты физической и социальной индивидуальности человека, включая право на личную автономию, личное развитие и установление и развитие

¹¹ Личной.

¹² Упомянутые здесь *сферы распространения* понятия «частной жизни» не носят исчерпывающего характера.

отношений с иными людьми и окружающим миром (пункт 27 постановления от 7 мая 2009 г. по делу Калачева против Российской Федерации).

[П]онятие «личная жизнь» в значении статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... охватывает такие элементы, как *гендерное определение... и половая жизнь, которые относятся к личной сфере, защищаемой статьей 8 Конвенции* (пункт 379 постановления от 6 декабря 2016 г. по делу *А. Н. против Российской Федерации*).¹³

[П]онятие частной жизни включает в себя аспекты, связанные с *самоидентификацией, такие как имя человека и его образ. Образ человека представляет собой одно из основных качеств личности, поскольку отражает уникальные характеристики человека и отличает его от остальных людей. Право на защиту своего образа, таким образом, является одним из значимых компонентов персонального развития. В основном такое право предполагает право человека на контроль за использованием такого образа, в том числе на отказ от его публичного распространения* (пункт 40 постановления от 12 декабря 2013 г. по делу *Хмель против Российской Федерации*).¹⁴

Европейский Суд признавал, что *репутация... и честь человека...являются частью его самоидентификации и психологической целостности, а значит, также охватываются понятием «личная» жизнь* (пункт 51 постановления от 20 июня 2017 г. по делу *Богомолова против Российской Федерации*).¹⁵

¹³ «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 3 (189) 2018 г. Перевод с английского языка *Д.Г. Николаева*.

Заявители жаловались на то, что в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» они подверглись дискриминации по признаку гражданства Соединенных Штатов Америки в нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции.

¹⁴ ««Личная жизнь» по смыслу положений статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] – это широкое понятие, которое распространяется на множество аспектов самоидентификации человека, например, *на имя человека и его изображение, а кроме того, включает в себя его физическую и психическую целостность*» (пункт 51 постановления от 20 июня 2017 г. по делу *Богомолова против Российской Федерации*).

¹⁵ «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 6 (192) 2018 г. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. *Ю.Ю. Берестнева*.

В ноябре 2007 года заявительница узнала, что на обложке буклета «Дети нуждаются в семье», подготовленного Центром психолого-медико-социального сопровождения, была опубликована фотография ее сына.

Заявительница со ссылкой на статью 8 Конвенции от своего имени и от имени своего несовершеннолетнего сына жаловалась в Европейский Суд на то, что

[С]вязь между взрослыми детьми и их родителями попадает под понятие «частная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 88 постановления от 15 марта 2016 г. по делу Новрук и другие против Российской Федерации).¹⁶

Европейский Суд отмечает, что в ряде случаев он устанавливал, что *споры, касающиеся фамилий и имен физических лиц, попадают в сферу действия статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]*. И хотя это положение не содержит прямого упоминания о праве на имя, *имя человека - как средство идентификации личности и связи с семьей - тем не менее касается его частной или семейной жизни* (пункт 23 постановления от 2 июля 2005 года по делу Знаменская против Российской Федерации).

[П]оскольку статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] защищает право устанавливать и развивать отношения с другими людьми и внешним миром, и может в некоторых случаях распространяться на аспекты социальной идентичности индивида, необходимо признать, что совокупность социальных связей между оседлыми мигрантами и обществом, в котором они проживают, составляет часть концепции «частной жизни» в рамках значения статьи 8. Вне зависимости от наличия или отсутствия «семейной жизни», высылка оседлого мигранта представляет собой вмешательство в его право на уважение частной жизни... Действительно, оседлый мигрант лишь в редком случае не сможет продемонстрировать, что его высылка помешает его «частной жизни» (пункт 85 постановления от 15 марта 2016 г. по делу Новрук и другие против Российской Федерации).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] защищает *право человека на личностное развитие*, а также его право устанавливать и развивать отношения с другими людьми и с внешним миром... Ни в одном

несанкционированная публикация фотографии ее сына в буклете, изготовленном Центром, затронуло ее личную и семейную жизнь. Она также утверждала, что суды Российской Федерации не защитили ее право и право ее сына на уважение их личной и семейной жизни.

¹⁶ Заявительница делит семейные расходы с семьей своего сына и не имеет друзей или родственников за пределами России. Данные обстоятельства являются дополнительными показателями *личных, социальных и экономических связей*, которые составляют ее «личную жизнь» в России, которую грозило прекратить решение о нежелательности пребывания (пункт 88 постановления от 15 марта 2016 г. по делу Новрук и другие против Российской Федерации).

из рассмотренных им дел Суд не признавал, что в статье 8 Конвенции содержится право на самоопределение личности как таковое. Несмотря на это, Суд считает, что *понятие независимости личности является важным принципом, лежащим в основе интерпретации гарантий, которые предоставляет данная статья Конвенции* (пункт 61 постановления от 29 апреля 2002 г. по делу *Претти против Соединенного Королевства*).¹⁷

[С]татья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] защищает *право на совершенствование личности...*, будь то в форме личностного развития... или же в аспекте самостоятельности личности, что отражает важный подразумеваемый принцип, лежащий в основе толкования гарантий статьи 8 Конвенции .... Если, с одной стороны, Суд признаёт, что каждый имеет право жить частным образом вдали от нежелательного внимания..., то, с другой стороны, Суд полагает чрезмерно ограничительным сведение понятия «частная жизнь» к «интимному кругу», где каждый может вести личную жизнь желательным ему образом, и полное исключение из этого круга внешнего мира... *Статья 8 Конвенции гарантирует... «частную жизнь» в широком смысле данного выражения, включая право вести «частную социальную жизнь», то есть возможность для индивидуума развивать свою социальную идентичность.* В этом аспекте указанное право включает возможность обращения к другим с тем, чтобы устанавливать и развивать отношения с себе подобными (пункт 22 постановления от 28 мая 2009 г. по делу *Бигаева против Греции*).¹⁸

---

¹⁷ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100304>

По делу заявительница, страдающая неизлечимым быстро прогрессирующим заболеванием, которое привело к параличу, мучениям и унижительному положению, пожелала совершить самоубийство, но, будучи не в состоянии покончить с жизнью сама, она заручилась согласием своего супруга помочь ей в совершении самоубийства. Однако в Соединенном Королевстве содействие в совершении самоубийства является уголовно наказуемым деянием, поэтому адвокат обратился в ведомство государственного обвинения с просьбой дать обязательство не подвергать супруга заявительницы судебному преследованию, в случае если тот поможет ей совершить самоубийство. В данной просьбе было отказано со ссылками на закон. В своей жалобе в Европейский Суд заявительница утверждает, что отказ властей дать обязательство не подвергать ее супруга судебному преследованию за оказание содействия в ее добровольном уходе из жизни, а также предусмотренный законодательством Соединенного Королевства запрет на оказание содействия при совершении самоубийства ущемляют ее права, предусмотренные статьями 2, 3, 8, 9 и 14 Конвенции.

Европейский Суд не счел доводы заявительницы убедительными и отклонил все ее правопритязания на эвтаназию, не усмотрев в действиях властей государства-ответчика каких-либо нарушений Конвенции.

¹⁸ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100333>

Заявительница в своей жалобе в Европейский Суд утверждала, что отказ в ее ходатайстве о допуске к экзаменам для внесения в реестр адвокатов Коллегии адвокатов г. Афины на том основании, что она не является гражданкой Греции, что требуется статьей 3

Практика Комитета ООН по правам человека

[С]огласно статье 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] личная жизнь «относится к сфере жизни лица, в которой он или она может *свободно выразить свою идентичность*, будь то путем установления взаимоотношений с другими или самостоятельно¹⁹». В соответствии с установившейся правовой практикой, которая сторонами не оспаривается, Комитет полагает, что эта констатация распространяется и на идентичность лица²⁰ (пункт 7.2 Соображений Комитета по правам человека от 17 марта 2017 г. по делу *G. против Австралии*).²¹

2.1.2. Родительский статус

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[П]онятие «личная жизнь» в значении статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод].... охватывает... *право на уважение решения иметь или не иметь детей..., включая право пары зачать ребенка и воспользоваться репродуктивными методами при медицинском содействии*

Кодекса адвокатской деятельности нарушил право на защиту ее частной профессиональной жизни и что исключение иностранных граждан из профессии адвоката в Греции является дискриминационной мерой государства. При этом заявительница ссылалась на статью 8 Конвенции, взятую отдельно и в сочетании со статьей 14 Конвенции.

Европейский Суд пришел к выводу, что, фактически отказав заявительнице, имеющей надлежащую юридическую квалификацию, в приеме в адвокатуру, власти государства-ответчика допустили нарушение ее права на уважение частной жизни, гарантируемого статьей 8 Конвенции.

¹⁹ См. *Кориел и Орик против Нидерландов*, пункт 10.2.

²⁰ См., например, *Райхман против Латвии*, пункт 8.3; и *Тунен против Австралии*, пункт 8.2.

²¹ Автор утверждает, что отказ государства-участника изменить сведения о ее половой принадлежности в свидетельстве о рождении без расторжения брака с супругом представляет собой произвольное или незаконное вмешательство в ее личную и семейную жизнь по смыслу статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах. Автор утверждает, что вмешательство в частную жизнь вытекает из того факта, что ее нынешний пол отличается от зарегистрированного в свидетельстве о рождении; что тем самым ее свидетельство о рождении раскрывает личную информацию о том, что она является трансгендером, а также о ее медицинском опыте; и что в соответствии с действующим в Австралии законодательством единственный путь получения свидетельства о рождении, правильно отражающего ее половую принадлежность, лежит через расторжение брака с супругом, что тем самым является вмешательством в ее семейную жизнь.

для этой цели (пункт 379 постановления от 17 января 2017 г. по делу *А. Н. и другие против Российской Федерации*).²²

Европейский Суд уже рассматривал дела, в которых муж желал в судебном порядке *оспорить отцовство* в отношении ребенка, рожденного в браке. В этих делах остался открытым вопрос о том, касалась ли процедура оспаривания отцовства, имеющая целью правовое прекращение существующих семейных отношений, «*семейной жизни*» заявителя, так как было признано, что *в любом случае определение правовых отношений отца с его предполагаемым ребенком касалось его «частной жизни»* (пункт 30 постановления от 24 ноября 2005 года по делу *Шофман против Российской Федерации*).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

[Большая Палата Европейского Суда] напоминает..., что в деле «*Одьевр против Франции*»... Европейский Суд указал, что «*роды и, в частности, обстоятельства, при которых родился ребенок, составляют часть гарантированной статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] личной жизни ребенка, а впоследствии и взрослого*».... [В] ... деле «*Терновски против Венгрии*»... [Европейский Суд] отмечал, что «*обстоятельства родов неоспоримо составляют часть личной жизни для целей данного положения*» (пункт 162 постановления Большой Палаты от 15 ноября 2016 г. по делу *Дубска и Крейзова (Dubská and Krejzová) против Чешской Республики*).²³

Большая Палата Европейского Суда находит, что в то время как статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не может

²² Бюллетень Европейского Суда по правам человека № 3 [189] 2018.

²³ Перевод с английского языка *Г.А. Николаева*. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 6 / 2017.

Заявительницы жаловались на то, что законодательство Чешской Республики не допускает оказание им помощи медицинскими специалистами при домашних родах в нарушение их права на уважение личной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции. Европейский Суд по результатам рассмотрения дела постановил, что вмешательство в право заявительниц на уважение их личной жизни не было непропорциональным. Основанием для этого вывода служит позиция, согласно которой выбор того, где проводить роды, касается сложного комплекса вопросов, куда входит сфера здравоохранения, а также общие соображения социально-экономической политики. Кроме того, отсутствует консенсус между государствами – членами Совета Европы по вопросу о домашних родах, способный сузить пределы усмотрения государства в пользу разрешения домашних родов.

По делу требования статьи 8 Конвенции нарушены не были.

толковаться как наделяющая правом домашних родов как таковых, *тот факт, что на практике для женщин было невозможно получить помощь при родах в их частных домах, относится к сфере их права на уважение личной жизни* и, соответственно, статьи 8 Конвенции. Действительно, роды – это уникальный и деликатный момент в жизни женщины. Они касаются вопросов физической и моральной неприкосновенности, медицинской помощи, репродуктивного здоровья и защиты информации относительно здоровья. *Эти вопросы, включая выбор места родов, являются фундаментально связанными с личной жизнью женщины и относятся к пределам этого понятия для целей статьи 8 Конвенции* (пункт 163 постановления Большой Палаты от 15 ноября 2016 г. по делу *Дубска и Крейзова (Dubská and Krejzová) против Чешской Республики*).

2.2. Физическая и психологическая²⁴ неприкосновенность

2.2.1. Медицинское вмешательство. Вопросы недееспособности лица

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[П]ризнание недееспособным может составлять вмешательство в личную жизнь заинтересованного лица (пункт 77 постановления от 22 января 2013 г. по делу *Лашин против Российской Федерации*).

[С]татья 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] распространяется на физическую неприкосновенность человека, поскольку тело человека является самым интимным аспектом частной жизни, а медицинское вмешательство, пусть и незначительное, составляет вмешательство в это право (пункт 40 постановления от 9 октября 2014 г. по делу *Коновалова против Российской Федерации*).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Европейский [С]уд счел, что *решение об осуществлении лечения против воли пациента* свидетельствует о наличии вмешательства в его право, гарантированного статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 29 постановления от 18 декабря 2012 г. по делу *G.B. и R.B. против Молдовы*).²⁵

²⁴ Моральная.

²⁵ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-138759>

Понятие «частная жизнь» является широким и не поддается исчерпывающему определению; оно может, в зависимости от обстоятельств, включать моральную и физическую неприкосновенность личности. Эти аспекты *распространяются на ситуации лишения свободы...* К лицу *нельзя применять виды обращения, приводящие к потере достоинства, поскольку «сутью Конвенции является уважение человеческого достоинства и свободы человека»...* Кроме того, *взаимное общение между членами семьи составляет основу семейной жизни.* В этом контексте Суд... повторяет, что основной целью статьи 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] является защита личности от произвольного вмешательства со стороны государственных органов (пункт 538 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).²⁶

Стерилизация заявительницы повлияла на состояние ее репродуктивного здоровья и на различные аспекты ее личной и семейной жизни. Таким образом, она представляла собой вмешательство в ее права, предусмотренные статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Это не оспаривалось сторонами (пункт 143 постановления от 8 ноября 2011 г. по делу *V.C. против Словакии*).²⁷

Европейский Суд... устанавливал,... что *решение беременной женщины о сохранении или прерывании беременности относится к сфере личной жизни и автономии.* Следовательно, законодательство, регулирующее прерывание беременности, также затрагивает сферу личной жизни, поскольку, если женщина беременна, ее личная жизнь становится тесно связанной с

Заявители жаловались на нарушение их прав, гарантированных статьей 8 Конвенции, вследствие стерилизации и номинального размера присужденной им компенсации.

²⁶ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-156791>

По делам обжалуется жалоба заявителей на содержание под стражей в ходе операции, включающей экстраординарную передачу заявителей в распоряжение центрального разведывательного управления, и после нее.

По делам допущены нарушения требований статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

²⁷ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116215>

Заявительница жаловалась на нарушение ее права на уважение личной и семейной жизни в результате стерилизации без ее полного и информированного согласия. Она ссылалась на статью 8 Конвенции. Европейский Суд пришел к выводу, что отсутствие в период, относящийся к обстоятельствам дела, гарантий, уделяющих особое внимание репродуктивному здоровью заявительницы как цыганки, привело к несоблюдению государством-ответчиком своего позитивного обязательства по предоставлению ей достаточной меры защиты, позволяющей ей эффективно пользоваться правом на уважение личной и семейной жизни. Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

развивающимся плодом... Из рассмотрен[ных]... дел также следует, что вопрос неизменно решался путем сопоставления различных и часто конфликтующих прав или свобод, на которые ссылались мать или отец в отношении друг друга или *vis-à-vis* плоду (пункт 181 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).²⁸

Практика Комитета ООН по правам человека

[П]од действие [статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах] подпадает *решение женщины просить о прерывании беременности*²⁹ (пункт 7.7 Соображений Комитета по правам человека от 31 марта 2016 г. по делу *Аманда Джейн Меллет против Ирландии*).

См. также *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на охрану здоровья*.³⁰

2.2.1. Уход лица из жизни

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

В деле «*Претти против Соединенного Королевства*» ... Европейский Суд счел, что *выбор заявителя избежать недостойного и тяжелого, по ее мнению, окончания жизни попадает в поле применения статьи 8 Конвенции*

²⁸ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116212>

Заявительница жаловалась на то, что факты дела свидетельствуют о нарушении статьи 8 Конвенции. Ее право на уважение личной жизни и ее психологической и моральной неприкосновенности было нарушено уклонением властей от предоставления доступа к генетическим анализам в контексте неопределенности относительно поражения плода генетическим расстройством и отсутствия комплексной правовой базы, гарантирующей ее права.

Европейский Суд заключил, что власти допустили несоблюдение своих позитивных обязательств по обеспечению эффективного уважения личной жизни заявительницы, и, соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

²⁹ См. *К.Л. против Перу*, пункт 6.4, *Л.М.Р. против Аргентины*, Соображения от 29 марта 2011 года, пункт 9.3. См. также Замечание общего порядка Комитета № 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин, пункт 10.

³⁰ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrff.ru/documents/international_practice/27840/

[о защите прав человека и основных свобод] (пункт 50 постановления от 20 января 2011 г. по делу *Хаас против Швейцарии*).³¹

*[П]раво лица решать, каким образом и в какое время его жизнь должна закончиться при условии, что оно в состоянии свободно выразить свое желание на этот счет и действовать впоследствии, является одним из аспектов права на уважение личной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 51 постановления от 20 января 2011 г. по делу *Хаас против Швейцарии*).*

2.2.2. Профессиональная (трудовая) деятельность лица

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

*Понятие личной автономии является важным принципом, который лежит в основе толкования... гарантий [статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод]... Статья 8... может относиться к деятельности профессионального или делового характера. Следовательно, существует зона взаимодействия лица с другими, даже в публичном контексте, которая может подпадать под сферу действия «личной жизни». Существует ряд элементов, имеющих значение для рассмотрения того, затрагивается ли личная жизнь лица мерами, осуществляемыми вне жилища или личных помещений этого лица. В связи с этим важным, хотя не обязательно решающим, фактором могут быть разумные ожидания лица в отношении неприкосновенности частной жизни (пункт 63 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).³²*

³¹ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116190>

Заявитель жаловался на условия, соблюдение которых требуется для получения содистого пентобарбитала, а именно медицинского рецепта, выписанного по итогам проведения тщательной психиатрической экспертизы. Он утверждал, что эти условия не могли быть выполнены в его случае, и его право самому выбрать время и способ смерти не было соблюдено. Он утверждал, что в исключительных случаях, к которым относится его случай, доступ к медикаментам, необходимым для совершения самоубийства, должен быть гарантирован государством.

Европейский Суд счел, что, даже если допустить, что государства имеют позитивные обязательства принять меры, позволяющие облегчить совершение самоубийства достойно, власти Швейцарии не нарушили свое обязательство в настоящем деле. Следовательно, нарушение статьи 8 Конвенции места не имело.

³² Прецеденты Европейского Суда по правам человека № 4. 2018.

«Европейский Суд... заключал, что *досмотр и «изъятие» электронных данных представляют собой вмешательство в право на уважение «корреспонденции» по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... При обстоятельствах настоящего дела и с учётом недостаточности элементов для вывода о том, что*

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

Европейский Суд подтверждает, что *нет никаких принципиальных оснований полагать, что «частная жизнь» исключает профессиональную деятельность. На ограничения, налагаемые на профессиональную деятельность, может распространять свое действие статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], если они влияют на то, каким образом индивидуум формирует свою социальную идентичность, развивая общение с другими людьми. В этой связи достаточно указать, что именно в рамках своей работы большинство людей имеют возможность укреплять множество, то есть максимум, своих связей с внешним миром... [П]рофессиональная жизнь очень часто переплетена с частной жизнью в строгом смысле этого понятия таким образом, что всегда затруднительно различить, в каком качестве выступает индивидуум в данный момент.... [П]рофессиональная жизнь, являясь частью зоны взаимодействия одних индивидуумов с другими, даже в публичном контексте может подпадать под понятие «частная жизнь» (пункт 23 постановления от 28 мая 2009 г. по делу *Бигаева против Греции*).³³*

Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] не гарантирует свободу осуществления какой-либо профессии... Суд согласен с государством-ответчиком в том, что *адвокат осуществляет безусловно свободную профессию, являющуюся в то же время исполнением функций, служащих публичному интересу*. В этом отношении Суд напоминает, что в его прецедентной практике уже выявлялась эта особенность профессии адвоката: Суд, с одной стороны, признаёт, что указанная профессия не включена в должности публичной службы,... но, с другой стороны, Суд отмечает, что *адвокат является слугой правосудия, что налагает на него особые обязанности, связанные с выполнением его функций* (пункт 39 постановления от 28 мая 2009 г. по делу *Бигаева против Греции*).

[Д]аже в публичной сфере существует зона взаимодействия человека с другими людьми, которая может принадлежать к сфере «частной жизни»

«корреспонденция» заявителя была отрицательным образом затронута действиями сотрудников таможни. Европейский Суд находит более уместным сосредоточиться на понятии «личная жизнь» (пункт 62 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).

³³ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100333>

Информацию по делу см. выше.

(пункт 50 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).³⁴

Европейский Суд... полагает, что было бы слишком строго ограничивать понятие «личная жизнь» «*внутренним кругом*», в котором человек может вести свою личную жизнь по своему выбору, полностью исключая, таким образом, внешний мир, не входящий в указанный круг ... Следовательно, *статья 8 Конвенции* [о защите прав человека и основных свобод] *гарантирует право на «личную жизнь» в широком смысле, включая право вести «частную общественную жизнь», то есть возможность для человека развивать себя как социальную единицу.* В этом отношении рассматриваемое право содержит в себе возможность обращаться к другим людям с целью установления и развития отношений с ними (пункт 70 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).³⁵

Европейский Суд отмечает, что настоящее дело касается трудового спора между индивидом и государством. Заявитель был отстранен от должности публичными властями. При определении того, существует или нет в подобном случае затрагивающая *частную жизнь* проблема с точки зрения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], вопросы применимости и существа дела тесно связаны между собой. *Как только признано, что какая-либо мера имела серьезные последствия для частной жизни заявителя, это означает, что его жалоба является совместимой с правилом *ratione materiae* Конвенции, и наряду с этим такая мера рассматривается в качестве «вмешательства» в осуществление «права на уважение частной жизни» для целей трех составляющих материально-*

³⁴ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108728>

Заявительница утверждала, что решение немецких судов по ее делу нарушило ее право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции. С начала 90-х годов прошлого века заявительница пыталась, часто через суд, предотвратить публикации в бульварной печати нескольких европейских стран фотографий, касающихся ее частной жизни. Заявительница жаловалась не на действия государства, а, на отсутствие достаточной защиты государством ее частной жизни и своего собственного имиджа.

Суд посчитал, что немецкие суды не смогли обеспечить справедливое равновесие между противоположными интересами. Таким образом, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

³⁵ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 10. С.

По делу обжалуется жалоба на решение работодателя заявителя о прекращении заключенного с ним трудового договора, основанное на нарушении права на уважение частной жизни и корреспонденции, на невыполнение внутригосударственными судами обязательства по защите указанного права заявителя.

По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

правового критерия, вытекающего из статьи 8 Конвенции (оценка законности, правомерности цели и «необходимости» такого вмешательства). Из этого следует, что вопросы о применимости и наличии «вмешательства» неразрывно связаны друг с другом, когда предъявляются подобного рода жалобы (пункт 92 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).³⁶

В [п]остановлении по делу «*Пфайфер против Австрии*» .... Европейский Суд отметил с учетом своей прецедентной практики, что *репутация лица, даже если оно подвергается критике в контексте публичных дебатов, составляет часть его индивидуальности и психологической неприкосновенности и поэтому также охватывается понятием «частная жизнь»* (пункт 97 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).³⁷

*[Л]ицо не может ссылаться на статью 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], чтобы обжаловать посягательство на свою репутацию, являющееся предсказуемым последствием его собственных действий, например, совершения уголовного преступления.... В... [п]остановлении по делу «*Йильберг против Швеции*» Большая Палата Европейского Суда не ограничила применение этого правила к посягательству на репутацию, а расширила его до более общего принципа, согласно которому любой личный, социальный, моральный и экономический вред может рассматриваться как предсказуемое последствие совершения уголовного преступления и не может служить основанием для жалобы, заключающейся в утверждении о том, что вынесение обвинительного приговора само по себе является нарушением права на уважение «частной жизни»... Данный общий принцип касается не только уголовных преступлений, но и нарушений иного характера, которые определенным образом влекут за собой юридическую ответственность лица и предсказуемые неблагоприятные последствия для «частной жизни» (пункт*

³⁶ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 11(23)2018. Перевод с французского языка *Е.В. Приходько*.

Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-189074>

По делу обжалуются освобождение заявителя от занимаемой должности председателя апелляционного суда и отсутствие со стороны Верховного суда достаточного контроля, касающегося нарушения права заявителя на доступ к суду.

По делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

³⁷ «[Б]ыло бы чрезмерно ограничительным сведение понятия «частная жизнь» к «ближнему кругу», где каждый может вести личную жизнь по своему усмотрению, и полное исключение внешнего мира из этого круга» (пункт 96 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

98 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

В делах, относящихся к... категории [трудовых споров³⁸], Европейский Суд применяет понятие «частная жизнь», следуя двум различным подходам:

а) установление наличия вопроса, касающегося «частной жизни», в качестве причины спора (*подход, основанный на причинах*) и

б) вывод о существовании вопроса, касающегося «частной жизни», с точки зрения последствий оспариваемой меры (*подход, основанный на последствиях*) (пункт 102 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

(а) Подход, основанный на причинах

Европейский Суд установил, что жалобы, касающиеся выполнения профессиональных обязанностей, охватывались понятием «частная жизнь», когда элементы, относящиеся к частной жизни, рассматривались в качестве квалификационных требований к соответствующей должности, а оспариваемая мера обосновывалась причинами, нарушающими свободу выбора индивида в сфере частной жизни (пункт 103 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

Так, что касается спорных мер, принятых властями в государственном секторе, Европейский Суд, например, указал, что расследование, проведенное военной полицией по факту гомосексуализма заявителей, и последовавшее за этим их административное отстранение от должности, основывавшееся исключительно на сексуальной ориентации заявителей, прямо нарушили их право на уважение их частной жизни.... В... деле «*Озпынар против Турции*» Европейский Суд отметил, что процедура освобождения заявительницы от должности судьи относилась к сфере действия статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], поскольку касалась не только результатов ее профессиональной деятельности, но и некоторых аспектов ее частной жизни, а именно ее

---

³⁸ «Структура дел, рассмотренных Европейским Судом в отношении *трудовых споров*, попадающих под действие статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], разнообразна. Речь, в частности, идет об увольнении лица с военной службы..., об освобождении от должности судьи..., об отстранении судьи от его административной ... или о переводе на другую должность в рамках государственной службы... Другие дела касались ограничений на доступ к трудоустройству на государственную службу..., потери работы вне государственного сектора..., а также ограничений на доступ к некоторым профессиям в частном секторе» (пункт 101 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

частных личных контактов, одежды и макияжа, а также того, что заявительница жила отдельно от своей матери... В другом деле перевод заявителя на менее значимую должность на государственной службе поднял вопрос с точки зрения его «частной жизни», так как эта мера рассматривалась в качестве скрытого взыскания и основывалась на верованиях заявителя и на манере его жены одеваться (пункт 104 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

Европейский Суд применил подобную логику в сфере позитивных обязательств властей обеспечивать баланс между частными интересами работника и интересами негосударственного работодателя в случаях, когда причины увольнения были непосредственно связаны с поведением заявителя в его *частной* жизни, например, с прелюбодеянием ... или внебрачным сожителем после расставания .... Европейский Суд счел, что увольнение работника частной компанией в результате контроля работодателя за его перепиской на рабочем месте входило в сферу применения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], поскольку касалось «*корреспонденции*» соответствующего лица и негативно отражалось на разумной возможности для него осуществлять «*частную жизнь*» на рабочем месте (пункт 105 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

Из этих примеров следует, что причины принятия оспариваемых мер, затрагивающих профессиональную деятельность, могут иметь отношение к частной жизни соответствующего лица и как таковые могут привести к применению статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 106 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

(β) Подход, основанный на последствиях

Когда причины принятия меры, затрагивающей профессиональную деятельность лица, не имеют какого-либо отношения к его частной жизни, тем не менее может возникнуть вопрос с точки зрения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], *если эта мера повлекла или может повлечь за собой серьезные неблагоприятные последствия для его частной жизни*. В связи с этим Европейский Суд принял во внимание неблагоприятные последствия

i) для «ближнего круга» соответствующего лица, в частности, когда имеются серьезные материальные последствия,

ii) для его возможности «устанавливать и развивать отношения с другими людьми» и

iii) для его репутации (пункт 107 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

На основе применения этого подхода Европейский Суд установил, что освобождение судьи от должности в связи с невыполнением своих должностных обязанностей, в данном случае в связи с нарушением присяги, оказало влияние на значительную часть его профессиональных или других отношений. Эта мера также сказалась на его «ближнем круге» из-за потери заработка, а также на его репутации... Европейский Суд также счел, что на отказ в предоставлении заявительнице, иностранной гражданке, возможности сдать экзамен для включения в реестр адвокатов в Греции распространяется действие статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], поскольку такой отказ оказал влияние на то, как заявительница хотела бы продолжать свою профессиональную и *частную* жизнь... Кроме того, Европейский Суд пришел к выводу, что включение заявительницы в реестр несостоятельных должников повлекло ряд правовых ограничений при осуществлении ее профессиональной деятельности и гражданских прав, и эта мера, таким образом, негативно сказалась на возможности заявительницы устанавливать отношения с внешним миром, связанные с ее частной жизнью... Наконец, Европейский Суд также счел посягательством на «*частную жизнь*» ограничение, распространенное на доступ к трудоустройству в частном секторе (пункт 108 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

*Когда подход, основанный на причинах, не позволяет обосновать применимость статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], следует анализировать последствия применения оспариваемой меры для вышеупомянутых элементов частной жизни с целью определить, попадает ли жалоба под действие понятия «частная жизнь». Это разделение, однако, не исключает того, что Европейский Суд может счесть целесообразным использовать во взаимосвязи оба подхода, стремясь установить, существует ли вопрос, затрагивающий частную жизнь, в основаниях для применения оспариваемой меры, и, помимо этого, изучая последствия ее применения (пункт 109 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).*

В делах, в которых Европейский Суд использует подход, основанный на последствиях применения соответствующей меры, *важную роль играет анализ серьезности таких последствий*. Европейский Суд рассматривал в различных контекстах вопрос о тяжести или серьезности предполагаемого нарушения, в частности, с точки зрения понятия «значительный ущерб», предусмотренного подпунктом «b» пункта 3 статьи 35 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в качестве специального условия

приемлемости жалобы для рассмотрения по существу для всей системы прав Конвенции... Европейский Суд всегда применяет *уровень тяжести* в делах, касающихся статьи 3 Конвенции (пункт 110 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).³⁹

Европейским Судом... было установлено, что *посягательство на репутацию лица должно достигать определенного уровня серьезности* и должно быть совершено таким образом, чтобы причинять вред личному пользованию правом на уважение частной жизни... Это условие относится к социальной репутации в целом и к профессиональной, в частности (пункт 112 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

В недавнем деле «*Эрменьи против Венгрии*» Европейский Суд отметил, что отстранение заявителя от его административной должности заместителя председателя Верховного суда расценивалось как вмешательство в осуществление его права на уважение его частной жизни... Хотя Европейский Суд не остановился на этом пункте из-за того, что стороны не высказались по данному вопросу, он косвенно пришел к выводу, что *соответствующая мера представляла собой серьезное нарушение частной жизни заявителя*. Из указанного заключения нельзя вывести презумпцию, согласно которой отстранение заявителя от должности «автоматически» затрагивало вопрос в сфере частной жизни... Европейский Суд напомнил, что *уровень серьезности занимает важное место в делах, где наличие вопроса с точки зрения частной жизни рассматривается с использованием подхода, основанного на последствиях* (пункт 113 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

---

³⁹ «*Понятие степени тяжести* [последствий для частной жизни] было специально рассмотрено с точки зрения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В частности, в делах, касающихся окружающей среды, вопрос, касающийся применения гарантий статьи 8 Конвенции, может возникнуть, если экологический ущерб достиг такого уровня серьезности, который существенно снижает возможности заявителя пользоваться своим жилищем или отрицательно сказывается на его частной или семейной жизни. Европейский Суд постановил, что оценка этого минимального уровня в таких делах носит относительный характер и зависит от всех обстоятельств дела, таких как интенсивность и длительность вредного воздействия, а также его физические или психологические последствия для здоровья или качества жизни заявителя... Эта аргументация была также применена в охватываемых статьей 8 Конвенции делах о вредном воздействии, очень схожих с упомянутыми выше делами, касающимися окружающей среды» (пункт 111 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

Обязанность заявителя убедительно продемонстрировать, что уровень серьезности был достигнут, представляет собой, таким образом, неотъемлемую особенность подхода, основанного на последствиях, с точки зрения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Как отметила Большая Палата Европейского Суда, *заявитель обязан определить и разъяснить как конкретные последствия оспариваемой меры для своей частной жизни, так и характер и масштабы причиненного ему ущерба, а также надлежащим образом обосновать свои утверждения....* Условие исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты требует, чтобы данные утверждения были в достаточной степени представлены на внутригосударственном уровне (пункт 114 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

*[Т]рудовые споры в силу своей природы не исключены из сферы применения понятия «частная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В подобных спорах увольнение, понижение в должности, отказ в доступе к профессии или другие столь же неблагоприятные меры могут отразиться на некоторых типичных аспектах⁴⁰ частной жизни.... Проблема применительно к частной жизни в рамках споров этого типа возникает, как правило, по двум направлениям: либо из-за принятия соответствующей меры (в этом случае Европейский Суд следует подходу, основанному на причинах), либо в некоторых случаях из-за последствий для частной жизни (тогда Европейский Суд использует подход, основанный на последствиях) (пункт 115 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).⁴¹*

Европейский Суд установил критерии, позволяющие оценить серьезность или тяжесть предполагаемых нарушений в рамках различных режимов.

---

⁴⁰ Как было отмечено, к этим аспектам относятся

i) «ближний круг» заявителя,
 ii) его возможность по установлению и развитию отношений с другими людьми, а также iii) его социальная и профессиональная репутация.

⁴¹ Как подчеркивалось выше, «[е]сли используется подход, основанный на последствиях, то уровень серьезности, который должен быть достигнут для каждого из вышеупомянутых аспектов, имеет ключевое значение. Именно заявитель обязан убедительно продемонстрировать, что в его случае данный уровень был достигнут. Заявитель должен представить доказательства, подтверждающие наличие последствий оспариваемой меры. Европейским Судом применимость статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] будет признана, только если эти последствия являются весьма серьезными и весьма существенно затрагивают частную жизнь заявителя» (пункт 116 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

Причиненный заявителю ущерб оценивается в сравнении его жизни до и после применения соответствующей меры. Европейский Суд, кроме того, отмечает, что *для определения тяжести последствий в трудовом споре следует анализировать в свете объективных обстоятельств дела субъективное восприятие заявителя*. Подобный анализ охватывает как материальные, так и нематериальные последствия применения соответствующей меры. Тем не менее *именно заявителю надлежит определить и уточнить характер и масштабы ущерба, который должен иметь причинно-следственную связь с оспариваемой мерой* (пункт 117 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

Что касается последствий освобождения заявителя от должности, в первую очередь необходимо установить, есть ли основания рассматривать вопрос с точки зрения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в свете принципа исключения, следующего из... [п]остановления Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Йильберг против Швеции»*.... Согласно данному принципу, *если обжалуемое негативное воздействие ограничивается последствиями противоправного поведения, которые были предсказуемы для заявителя, то заявитель не может ссылаться на статью 8 Конвенции*, чтобы утверждать, что это негативное воздействие нарушило его частную жизнь. Стоит отметить, что в деле *«Йильберг против Швеции»* реальность соответствующего противоправного поведения в значительной степени была неоспоримой..., тогда как в настоящем деле заявитель оспаривает саму достоверность любого нарушения, а это значит, что мера, порождающая его правовую ответственность, то есть его освобождение от должности, не могла являться предсказуемым последствием его поведения на посту председателя апелляционного суда. При таких обстоятельствах нельзя сравнивать настоящее дело с делом *«Йильберг против Швеции»*..., и Европейский Суд не может следовать его аргументации (пункт 121 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

Что касается последствий соответствующего освобождения от должности для «ближнего круга» заявителя, заявитель утверждал, что эта мера привела к снижению его заработка и сокращению возможностей его пенсионного обеспечения. Данное обстоятельство следует рассматривать как довод, основанный на ухудшении материального благосостояния заявителя и его семьи. *Если материальный элемент спора был признан значимым для целей применимости статьи 6 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в ее гражданско-правовом аспекте, это не означает, что статья 8 Конвенции становится автоматически применимой* (пункт 122

постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).⁴²

Что касается возможности по установлению и поддержанию отношений с другими лицами, отстранение заявителя от должности председателя Киевского апелляционного административного суда не повлекло за собой его освобождения от должности судьи. Заявитель продолжил исполнять обязанности обычного судьи в том же суде вместе со своими коллегами. По этому поводу заявитель не сформулировал каких-либо других заявлений. Следовательно, даже если бы наступили последствия для его возможности по установлению и поддержанию отношений с другими лицами, в том числе профессиональных, какие-либо фактические данные не позволяют сделать вывод о серьезности этих последствий. С учетом всех обстоятельств дела *представляется неуместным оценивать сферу охвата и качество отношений в частной жизни применительно к осуществляемым административным обязанностям и функциям* (пункт 123 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

Относительно профессиональной репутации заявителя Европейский Суд отмечает, что его основная профессиональная функция заключалась в выполнении обязанности судьи. Осуществление этой профессии требовало от него наличия специальных знаний, дипломов об образовании, навыков и опыта. Заявитель получал бóльшую часть своего заработка в обмен на работу, которую он выполнял в этом качестве. С другой стороны, надлежащее выполнение обязанностей председателя или административных функций в суде не является, строго говоря, атрибутом судебной профессии. Таким образом, *объективно именно в качестве судьи заявитель играл профессиональную роль. Его должность председателя суда, какой бы важной и престижной она ни была в судебной системе, и независимо от того, как заявитель представлял ее себе или субъективно ее оценивал, не находилась в самом центре его профессиональной миссии* (пункт 125 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).⁴³

---

⁴² «В настоящем деле заявитель не представил каких-либо доказательств, позволяющих утверждать, что уменьшение его ежемесячного вознаграждения в связи с его освобождением от должности... оказало серьезное влияние на «ближний круг» его частной жизни. При отсутствии таких доказательств обратное предположение являлось бы гипотезой. Отсутствуют какие-либо основания полагать, что спорная мера имела другие последствия для «ближнего круга» частной жизни заявителя» (пункт 122 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу *Денисов (Denisov) против Украины*).

⁴³ «[Е]сли проанализировать субъективное восприятие заявителя в сравнении с объективными доказательствами и оценить материальные и нематериальные последствия

*[П]рофессиональную деятельность государственных адвокатов нельзя считать вопросом их частной жизни (пункт 194 постановления Большой Палаты от 8 ноября 2016 г. по делу Венгерский Хельсинкский комитет (Magyar Helsinki Bizottság) против Венгрии).*⁴⁴

2.2.3. Вопросы, связанные с погребением

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[Р]азличные аспекты погребальных церемоний попадают в сферу как «частной жизни», так и «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 33 постановления от 24 апреля 2018 г. по делу Лозовые против Российской Федерации).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Европейский Суд... приходил к заключению, что *отказ следственных органов вернуть тела умерших родственников являлся вмешательством в личную и семейную жизнь заявителей* (пункт 89 постановления от 13 января 2015 г. по делу Элберте против Латвии).⁴⁵

его отстранения от должности на основании представленных Европейскому Суду доказательств, следует заключить, что эта мера имела ограниченное негативное воздействие на частную жизнь заявителя и не достигла уровня серьезности, необходимого для того, чтобы возник вопрос с точки зрения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 133 постановления Большой Палаты от 25 сентября 2018 г. по делу Денисов (Denisov) против Украины).

⁴⁴ «Европейский Суд при[шел] к выводу, что разглашение фамилий государственных адвокатов и сведений о количестве дел, порученных каждому из них, не повлекло бы за собой огласки в большей степени, чем они могли бы ожидать, регистрируясь в качестве защитников по назначению.... Отсутствуют основания полагать, что общество не смогло бы узнать фамилии государственных адвокатов и количество порученных им дел другими способами, например, получив эту информацию из списков адвокатов, оказывающих юридическую помощь, из расписания судебных заседаний или в ходе публичного разбирательства, хотя понятно, что на момент проведения исследования эта информация не была собрана в одном месте» (пункт 196 постановления Большой Палаты от 8 ноября 2016 г. по делу Венгерский Хельсинкский комитет (Magyar Helsinki Bizottság) против Венгрии).

⁴⁵ Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

По делу рассматривалось вопрос об изъятии тканей умершего без его согласия и согласия его семьи. Допущено нарушение требований статей 3 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2.3. Неприкосновенность частной жизни

2.3.1. Использование современных информационных технологий

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Хотя понятие частной жизни существует во всех обществах и культурах и сохраняется на протяжении всей истории человечества, нет какого-либо обязательного и общепринятого определения этого понятия⁴⁶. Для лучшего понимания права на неприкосновенность частной жизни необходимо рассмотреть его с двух различных точек зрения.

Во-первых, следует рассмотреть вопрос о том, каковы элементы позитивной основы этого права.

Во-вторых, возникает вопрос о том, как ограничить это право, прибегнув к негативному определению. Обе эти задачи, однако, еще только предстоит осуществить (пункт 19 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. Размещен 24 ноября 2016 г. A/HRC/31/64).

Как подтвердил Совет по правам человека в своей резолюции 28/16, статья 12 Всеобщей декларации прав человека и статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах составляют основу права на неприкосновенность частной жизни в рамках международного права прав человека. Если при этом иметь в виду ряд других международных и национальных правовых документов, включая конституции и соответствующие законы, это означает, что в мире существует значительная правовая основа, которая могла бы быть полезной для защиты и поощрения права на неприкосновенность частной жизни. Полезность этой правовой основы, тем не менее, серьезно страдает от отсутствия общепринятого и общепризнанного определения неприкосновенности частной жизни. Даже если 193 государства поставили свои подписи под принципом защиты неприкосновенности частной жизни, это мало что значит в отсутствие четкого понимания того, что именно они договорились защищать (пункт 20 Доклада Специального докладчика по вопросу о

---

⁴⁶ Для более подробного ознакомления с оценкой Специальным докладчиком понятия частной жизни с позиций существования и времени, места и пространства на протяжении тысячелетий см. Joseph A. Cannataci, ed., *The Individual and Privacy. Volume I* (Oxford, Ashgate, 2015).

праве на неприкосновенность частной жизни. Размещен 24 ноября 2016 г. A/HRC/31/64).

Отсутствие общепринятого и общепризнанного определения неприкосновенности частной жизни является не единственной серьезной проблемой, стоящей перед Специальным докладчиком. Даже если бы авторы всех соответствующих правовых документов включили в них общепринятое определение права на неприкосновенность частной жизни, все равно необходимо было бы учитывать такие аспекты, как время, место, экономика и технология. *Факторы времени и влияния технологий в сочетании с различными темпами экономического развития и внедрения технологий в различных географических точках означают, что правовые принципы, установленные 50 лет назад (когда был принят Международный пакт о гражданских и политических правах) или даже 35 лет назад (например, Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера), не говоря уже о 70 годах тому назад (Всеобщая декларация прав человека), возможно, нуждаются в пересмотре, дальнейшем развитии и, возможно, дополнении, с тем чтобы сделать их более актуальными с учетом современных реалий* (пункт 21 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. Размещен 24 ноября 2016 г. A/HRC/31/64).

[В]озникает очевидная необходимость в выработке понимания того, *что означает неприкосновенность частной жизни для различных людей, живущих в различных местах и в различных условиях на всей планете* (пункт 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. Размещен 24 ноября 2016 г. A/HRC/31/64).

В некоторых культурах обсуждение неприкосновенности частной жизни включает обсуждение *вопроса об абортах*. Не вдаваясь в существо такого подхода, во избежание каких-либо сомнений следует отметить, что на этом предварительном этапе мандата внимание Специального докладчика будет сосредоточено на *информационном аспекте неприкосновенности частной жизни*. Такой подход позволит сосредоточить внимание на функции и роли частной жизни при определении потоков информации в обществе и последующем воздействии на развитие личности. Сюда войдут и такие смежные вопросы, как распределение власти и богатства в обществе. При этом, однако, становится ясно, что *речь идет не только о воздействии неприкосновенности частной жизни на поток информации в обществе, но и о других правах, таких как свобода выражения мнений и свобода*

доступа к общественной информации. Все эти права имеют важное значение, и обязательства в отношении одного права не должны умалять значения и защиты другого права. *Рассмотрение прав в совокупности в тех случаях, когда это возможно, является более продуктивным, чем рассмотрение их как противоречащих друг другу.* Таким образом, по сути дела бесполезно говорить о «неприкосновенности частной жизни в противовес безопасности», а следует скорее иметь в виду «*неприкосновенность частной жизни и безопасность*», поскольку как неприкосновенность частной жизни, так и безопасность необходимы. *Оба права можно считать не самоцелью, а правами, создающими возможности.* Безопасность является правом, создающим возможность реализации основополагающего права на жизнь, в то время как неприкосновенность частной жизни можно также рассматривать в качестве права, создающего возможности во всеобъемлющей и сложной системе информационных потоков в обществе, которые имеют основополагающее значение в плане самостоятельности и способности людей выявлять и выбирать варианты на информированной основе по мере развития собственной личности на протяжении всей жизни (пункт 23 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. Размещен 24 ноября 2016 г. A/HRC/31/64).

Специальный докладчик твердо убежден в том, что:

а) такое право⁴⁷ на достойную жизнь и свободное, беспрепятственное развитие личности следует рассматривать как универсально применимое; и

б) уже признанные права, такие как *право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу выражения мнений и право на свободу доступа к информации*, представляют собой *триаду создающих возможности прав*, которые лучше всего рассматривать в контексте их полезности в деле обеспечения возможности того, чтобы человек свободно развивал свою личность (пункт 24 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. Размещен 24 ноября 2016 г. A/HRC/31/64).

Триада... создающих возможности прав – неприкосновенность частной жизни, свобода выражения мнений и свобода доступа к информации – существовала до появления цифровых технологий, равно как и право на достойную жизнь и свободное, беспрепятственное развитие личности. Цифровые технологии, однако, оказали огромное воздействие на эти

---

⁴⁷ Право на достойную жизнь и свободное, беспрепятственное развитие личности.

права, как вне сети (например, посредством использования кредитных карточек, радиочастотной идентификации и других электронных систем), так и в сетевом режиме, где в настоящее время киберграждане генерируют на десятки тысяч больше наборов данных о себе, чем они это делали два десятилетия назад, до того, как стали выходить в Интернет. *Мобильные устройства и конвергентные технологии, такие как мобильные смартфоны, где телефонная связь, Интернет и фотография сведены воедино, создают новый образ жизни, предлагают новые блага и порождают новые ожидания в плане удобства и неприкосновенности частной жизни* (пункт 26 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. Размещен 24 ноября 2016 г. A/HRC/31/64).

[П]рава человека должны соблюдаться и осуществляться везде, а не только в тех местах, где располагаются серверы (пункт 34 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. Размещен 24 ноября 2016 г. A/HRC/31/64).

Подобно многим другим основным правам, *право на неприкосновенность частной жизни носит динамический, а не статический характер*. Несмотря на то, что люди на протяжении тысяч лет добивались и стремились к неприкосновенности частной жизни, это не означает, что уровень защиты этого права или понимание его границ не претерпели никаких изменений за то время, пока люди постепенно делали выбор в пользу расширения такой защиты. Понятие неприкосновенности частной жизни развивалось с течением времени, и тот факт, что значительная доказательственная база была сформирована еще до учреждения мандата Специального докладчика и назначения действующего Специального докладчика, указывает на то, каким образом понимание неприкосновенности частной жизни и осуществление этого права изменялись в контексте таких аспектов, как *«время, место и пространство»*⁴⁸. Вопреки распространенному мнению, признание этого факта никоим образом не ставит под угрозу ни существование данного права, ни его всеобщий характер. Напротив, оно заставляет людей задуматься о комплексе ценностей, которые лежат в основе этого права, и о том, какие изменения должно претерпеть наше понимание этого права в связи с меняющимися обстоятельствами для того, чтобы обеспечить дальнейшую защиту этих базовых ценностей и,

---

⁴⁸ Более подробная информация об оценке Специальным докладчиком таких аспектов, как существование неприкосновенности частной жизни, а также ее время, место и пространство, на протяжении тысячелетий приводится в работе Joseph A. Cannataci, ed., *The Individual and Privacy* (Farnham, United Kingdom, Ashgate Publishing, 2015).

по мере возможностей, ее расширение. Появление и применение новых технологий, таких как смартфоны, — это лишь один типичный пример того, почему нам необходимо пересмотреть свое понимание такого понятия, как неприкосновенность частной жизни. Как сказал судья Верховного [С]уда Соединенных Штатов Америки Сэмюэль Аліто в знаменитом деле «*Райли против штата Калифорния*» в 2014 г.⁴⁹:

«Мы не должны механически применять нормы, использовавшиеся в доцифровую эпоху, когда речь идет о досмотре мобильного телефона. Многие используемые сегодня мобильные телефоны способны хранить такой объем информации о человеке, в том числе чрезвычайно личной, — или получать доступ к ней — которой никогда прежде не существовало на бумажных носителях».

В данном случае Аліто выражает мнение большинства, которое верховный судья Джон Робертс сформулировал следующим образом:

«Современные мобильные телефоны — это не просто очередное технологическое удобство. Если учесть все их содержимое и все те данные, к которым с помощью них можно получить доступ, то для многих американцев они представляют собой элемент “частной жизни”. Тот факт, что технологии сегодня дают человеку возможность носить при себе подобную информацию, не означает, что эта информация в меньшей степени заслуживает той защиты, за которую боролись отцы-основатели».

Само собой, американцы не единственные, кто сознательно или неосознанно хранит информацию о своей «частной жизни» на мобильном телефоне. Практически все обладатели смартфонов на планете доверяют этому наиболее часто используемому портативному устройству информацию о своей частной жизни, независимо от их вероисповедания, цвета кожи, этнической принадлежности, пола, национальности или географического местоположения. Вот почему многие из замечаний, которые были сделаны в рамках дела «*Райли против штата Калифорния*», также имеют международное значение. Специальный докладчик приводит в настоящем докладе значительное число цитат из данного дела, которое рассматривалось в США, поскольку в нем фигурируют некоторые из аргументов, которые должны быть впредь приниматься во внимание в контексте спора между «Эппл» и ФБР всякий раз, когда подобные вопросы вновь поднимаются в той или иной стране мира. (пункт 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. А/71/368. Размещен 30 августа 2016 г.).

Судьи Верховного [С]уда... отмечают, что:

---

⁴⁹ Supreme Court of the United States of America, *Riley v. California*, Decision of 25 June 2014, No. 13-132. Размещено по адресу https://www.supremecourt.gov/opinions/13pdf/13-132_8l9c.pdf

«Мобильные телефоны значительно отличаются от прочих предметов, которые может иметь при себе арестованный человек, как в количественном, так и в качественном отношении. Само понятие “мобильный телефон” представляет собой лишь условное обозначение, которое вводит в заблуждение; многие из этих устройств, по сути, являются миникомпьютерами, которые также могут использоваться как телефоны. Их с тем же успехом можно было бы назвать видеокамерами, видеопроигрывателями, записными книжками, звукозаписывающими устройствами, библиотеками, дневниками, альбомами, телевизорами, картами или газетами. Одной из наиболее примечательных характеристик современных мобильных телефонов является колоссальная емкость их памяти. До появления мобильных телефонов обыск человека ограничивался лишь физическими аспектами и в целом представлял собой незначительное покушение на частную жизнь».⁵⁰

Судьи Верховного [С]уда Соединенных Штатов Америки неоднократно отмечали, что:

«В отличие от физических записей мобильные телефоны отличаются повсеместным распространением. Во времена, предшествовавшие цифровому веку, люди обычно не носили при себе каждый день конфиденциальную личную информацию в каком-нибудь контейнере. Сегодня редко можно встретить человека, у которого нет с собой мобильного телефона со всем его содержимым. Согласно одному исследованию, почти три четверти пользователей смартфонов сообщают, что большую часть времени их мобильные телефоны находятся от них на расстоянии не более полутора метров, а 12 процентов признаются, что пользуются телефонами, даже когда принимают душ».

Верховные судьи также отмечают, что телефон может стать источником очень подробной и точной информации обо всех характеристиках его владельца:

«Несмотря на то, что данные, которые хранятся на мобильном телефоне, отличаются от физических записей как минимум объемом, существуют и некоторые качественные различия, которые касаются определенных видов данных. Так, например, на телефоне, подключенном к Интернету, можно обнаружить поисковые запросы и историю браузера и таким образом выяснить, в чем заключаются личные интересы или проблемы пользователя — например, найти примеры поиска симптомов конкретного заболевания в сочетании с частными посещениями такого медицинского консультационного сайта, как WebMD. Благодаря данным, содержащимся на мобильном телефоне, можно также установить местонахождение человека» (пункт 23 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. А/71/368. Размещен 30 августа 2016 г.).

---

⁵⁰ Как отмечалось в деле *«Райли против штата Калифорния»*: «Современные мобильные телефоны [...] сегодня являются такой повсеместной и неотъемлемой частью современной жизни, что какой-нибудь марсианин, на которых так любят ссылаться, наверняка решил бы, что это важная часть человеческой анатомии» (пункт 23 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. А/71/368. Размещен 30 августа 2016 г.).

Самым важным, возможно, является признание судьями Верховного [С]уда США того факта, что *колоссальный объем содержимого мобильных телефонов и его чрезвычайно личный характер означают, что при их досмотре право на неприкосновенность частной жизни ущемляется в значительно большей степени, чем при проведении традиционного обыска в доме*, который должен проводиться в соответствии с положениями Четвертой поправки к Конституции Соединенных Штатов Америки:

«При досмотре мобильного телефона представители государственной власти, как правило, получают доступ к значительно большему объему информации, нежели при самом тщательном обыске дома: телефон содержит не только множество конфиденциальных цифровых записей, которые ранее могли быть найдены дома в бумажной форме, но и огромный объем частной информации, которую обнаружить в доме не представлялось возможным — без помощи телефона».

Таким образом, судьи Верховного [С]уда США продемонстрировали, до какой степени новые технологии, материальным воплощением которых являются смартфоны, изменили правила игры и что в этот конкретный момент «времени» (2014 год) «место» (Соединенные Штаты Америки — и мобильный телефон, который находится на территории этой страны), где находятся личные данные, претерпело значительные изменения, в результате которых портативность, количество и качество личной информации, находящиеся в этом месте, способны полностью изменить аспект неприкосновенности частной жизни в личном «пространстве» и придать ему особую важность (пункт 24 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. A/71/368. Размещен 30 августа 2016 г.).

В деле *«Райли против штата Калифорния»* судьи Верховного [С]уда США в первую очередь рассматривали возможность запрета на досмотр смартфонов без соответствующего ордера из соображений защиты права на неприкосновенность частной жизни в соответствии с положениями Четвертой поправки Конституции Соединенных Штатов Америки. Следует отметить, однако, что ситуация, сложившаяся вокруг безопасности мобильных телефонов и шифрования данных, может носить значительно более сложный характер и не ограничиваться исключительно вопросами неприкосновенности частной жизни и безопасности. Это лишь вопрос времени, когда судьи Верховного [С]уда США будут вынуждены столкнуться с той же самой дилеммой, которая стоит сегодня перед множеством стран, признающих право на молчание или право не свидетельствовать против самого себя в качестве стандартов, приличествующих любому демократическому обществу. Это связано с тем, что те самые характеристики мобильного телефона,

которые превращают его в особое хранилище личных данных, как описывается в деле «Райли против штата Калифорния», также делают его инструментом, способным совершенно очевидным образом нанести полный и существенный урон праву на молчание, которое начиная с шестнадцатого века постепенно признавалось в самых разных юрисдикциях, а в Соединенных Штатах Америки закреплено в качестве Пятой поправки. Иными словами, во многих — хотя и не во всех — юрисдикциях мира обвиняемый имеет право не свидетельствовать против самого себя, сохраняя молчание во время проведения в отношении него или нее судебного разбирательства. Существует очень мало исключений или ограничений этого права, которое действует в самых разных странах мира, включая Австралию, Бангладеш, Германию, Индию, Новую Зеландию, Соединенные Штаты. Этот список можно продолжать очень долго. Однако выдача судебными органами ордера на получение доступа к информации, хранящейся на телефоне, может привести к фактическому нарушению этого права. Обвиняемый, до этого момента не являвшийся лицом, которое может быть привлечено к даче показаний, может иметь право хранить молчание, однако его телефон способен рассказать очень многое о самых личных мыслях, интересах и действиях своего владельца вместо него. Во многих юрисдикциях супруги или близкие родственники обвиняемых также имеют право отказаться от дачи показаний. Впрочем, многие люди скажут, что их смартфонам известно о них гораздо больше, чем их супругам; так почему же тогда смартфон по-прежнему должен выступать в качестве свидетеля, обязанного давать показания, пусть даже для получения доступа к его содержимому и требуется судебный ордер? Какое решение будет логичным и логически непротиворечивым? (пункт 25 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. A/71/368. Размещен 30 августа 2016 г.).

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, где, как это ни парадоксально, право на молчание в той или иной форме начало действовать более четырехсот лет назад, придерживается позиции, согласно которой вопросы национальной безопасности и борьбы с преступностью имеют приоритет перед правом на неприкосновенность частной жизни и правом на молчание, когда речь заходит об электронных устройствах. Согласно разделам 49 и 53 Закона о правовом регулировании следственных полномочий от 2000 года, отказ от предоставления ключей к зашифрованным данным по требованию является преступлением (мера наказания — два года тюремного заключения, а в случаях, когда речь идет о сексуальном насилии над детьми, — пять лет). Таким образом, в Соединенном

Королевстве не только смартфон может использоваться в качестве свидетеля, обязанного давать показания, но и человек, не предоставивший пароли к информации, зашифрованной на устройстве, может быть приговорен к дополнительному тюремному сроку. Небольшое отличие дела «Эппл» против ФБР заключалось в том, что обвиняемые на тот момент уже были мертвы и сомнений в их виновности не было; доступ к телефону был необходим для получения более полной картины фактов и подготовки террористического акта, а также о сообщниках и связях с возможной национальной или международной террористической сетью. Тем не менее тот интерес, который вызвало это дело, совершенно оправдан, так как оно позволяет нам сосредоточиться на самой сути дискуссий на тему неприкосновенности частной жизни, безопасности и права на молчание (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. А/71/368. Размещен 30 августа 2016 г.).⁵¹

2.3.2. Распространение личной⁵² информации. Хранение и доступ к указанной информации. Защита персональных данных. Публикация фотографий

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[С]огласно прецедентной практике по статье 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] концепция «частной жизни» является общим термином, не допускающим исчерпывающего определения, который включает, помимо прочего, *информацию, относящуюся к данным о личности*, таким как имя, фотографии, или физическая и психическая неприкосновенность.... и, как правило, *включает всю частную информацию лица, которая, как определено законодательством, не должна публиковаться без его разрешения* (пункт 193 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу *Агеевы против Российской Федерации*).

---

⁵¹ «Несмотря на постановления многочисленных национальных конституционных и региональных судов по правам человека, Специальный докладчик видит, что правительства все чаще поддерживают принятие законов о слежении, которые расширяют возможности для вторжения в частную жизнь людей, разрешая постоянное массовое слежение за гражданами под различными благовидными предложениями» (пункт 28 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. А/71/368. Размещен 30 августа 2016 г.).

⁵² Персональной.

Европейский Суд напоминает, что *право на доступ к информации, касающейся частной и/или семейной жизни, порождает вопрос в соответствии со статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 32 постановления от 24 апреля 2018 г. по делу Лозовые против Российской Федерации).*⁵³

[П]онятие личной жизни включает элементы, относящиеся к праву лица на его изображение, и что публикация фотографии относится к сфере его личной жизни (пункт 115 постановления от 23 октября 2008 г. по делу Хужин и другие против Российской Федерации).

Суд несколько раз в рамках различных дел приходил к выводу, что *запись видео в контексте деятельности правоохранительных органов или передача фотографий заявителей СМИ полицейскими властями представляют собой нарушение права заявителей на уважение их частной жизни... [Р]аскрытие СМИ в целях показа видеоизображения, на котором была запечатлена попытка самоубийства заявителя с камер видео наблюдения, было признано серьезным нарушением права заявителя на частную жизнь, несмотря на то, что в момент указанных событий заявитель находился в общественном месте. В деле, где милиция отрегулировала камеру видеонаблюдения в помещении предварительного содержания под стражей в полицейском участке таким образом, чтобы четко записывать действия заявителя и потом показать запись свидетелям, а также во время судебного слушания в помещении суда, Суд отметил, что уловка милиции вышла за рамки обычного или ожидаемого применения камеры, а запись такого видеоизображения приравнивалась к сбору и обработке личных данных заявителя. Отметив, что видеозапись не была получена добровольно или в обстоятельствах, когда можно было бы обоснованно ожидать ее съемок. Суд посчитал, что запись и использование видео представляли собой нарушение права заявителя на уважение его частной жизни (пункт 41 постановления от 12 декабря 2013 г. по делу Хмель против Российской Федерации).*

[Р]аскрытие клиникой — без согласия пациента — медицинских документов, содержащих личную и конфиденциальную информацию о пациенте, Службе социального страхования, и, соответственно, более широкому кругу государственных служащих, представляет собой вмешательство в право

---

⁵³ Российская хроника Европейского Суда. № 1(49)2019. Перевод с английского языка Д.Г. Николаева.

Заявители, муж и жена, жаловались на то, что власти не уведомили их надлежащим образом о смерти их сына, в результате чего они длительное время ничего не знали о его местонахождении и были лишены возможности похоронить его.

Имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

пациента на уважение частной жизни... Предоставление медицинскими организациями информации о состоянии здоровья пациента в распоряжение органов прокуратуры и работодателя пациента, а также совершение органом, уполномоченным на осуществление контроля за качеством медицинской помощи, действий по сбору информации о здоровье пациента также представляет вмешательство в право на уважение частной жизни (пункт 39 постановления от 23 февраля 2016 г. по делу *У.У. против Российской Федерации*).⁵⁴

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

*[X]ранение в секретном реестре и передача данных, относящихся к «личной жизни» лица,.... относятся к сфере действия пункта 1 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Данные публичного характера могут затрагивать личную жизнь, если они систематически собираются и хранятся публичными органами (пункт 168 постановления от 24 мая 2011 г. по делу *Ассоциация 21 декабря 1989 года и другие против Румынии*).⁵⁵*

Европейский Суд, учитывая содержание понятия «личная жизнь», как оно толкуется в его прецедентной практике..., приходит к выводу, что *сведения о заявителях, которые хранились в полиции безопасности и были им предоставлены, явно являлись информацией, относящейся к их личной жизни.* В самом деле, они охватывают даже те элементы информации, которые были преданы гласности, поскольку они систематически собирались

---

⁵⁴ Европейский Суд установил, что «Комитет здравоохранения при Администрации города ... осуществил сбор и исследование медицинских документов заявителя и ее детей по поручению Министерства здравоохранения Российской Федерации, данному в ответ на поступившие от матери заявителя жалобы. Подготовленная Комитетом и направленная в адрес Министерства рецензия содержала информацию об указанных документах, в частности, информацию личного и конфиденциального характера о жизни заявителя, в том числе о количестве прерванных беременностей. Какого-либо согласия на совершение подобных действий заявитель не давала, а соответствующие запросы органами государственной власти не направлялись ни на одном из этапов рассмотрения поданной матерью заявителя жалобы» (пункт 40 постановления от 23 февраля 2016 г. по делу *У.У. против Российской Федерации*).

⁵⁵ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116217>

Со ссылкой на статьи 8 и 34 Конвенции второй заявитель Теодор Мэриеш утверждал, что являлся объектом тайных мер наблюдения, а именно прослушивания телефонных разговоров. По его мнению, эти меры составляют средство воздействия властей в связи с его деятельностью президента ассоциации, борющейся за эффективное расследование большого числа жертв, убитых и раненых в декабре 1989 г.

Европейский Суд постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении заявителя.

и хранились в различных государственных органах. Соответственно, положения пункта 1 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] применимы к обжалуемому по настоящему делу хранению этой информации (пункт 72 постановления от 6 июня 2006 г. по делу *Сегерстедт-Виберг и другие заявители против Швеции*).⁵⁶

*[П]убликация фотографии и распространение изображений в рамках телевизионных программ, сопровождающиеся... мнениями, критическими высказываниями или комментариями о разных аспектах строго частной жизни лица... представляют собой вмешательство в частную жизнь последнего, даже если это лицо является публичной фигурой... При некоторых обстоятельствах лицо, даже известное общественности, может ссылаться на «правомерное ожидание» защиты и уважения его частной жизни (пункт 26 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).⁵⁷*

⁵⁶ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100316>

По делу пятеро заявителей, связанных с политическими партиями левой ориентации, а именно либеральной и коммунистической партиями, жаловались в Европейский Суд на то, что сбор и хранение информации о них в полиции государственной безопасности, отчасти предоставленной им для ознакомления, отказ разрешить им доступ к информации в полном объеме и отрицательные последствия, которые для их карьеры имело хранение такой информации в полиции безопасности, нарушили их право на уважение их частной жизни; они также жаловались на то, что эти обстоятельства повлекли за собой ограничение их политических свобод, гарантируемых положениями статей 10 и 11 Конвенции, равно как и нарушение требований статьи 13 Конвенции о гарантиях возможности воспользоваться эффективными средствами правовой защиты. В постановлении подробно описывается порядок сбора, обработки и хранения информации в делах оперативного учета полиции безопасности Швеции.

Европейский Суд признал факты нарушений указанных статей Конвенции и присудил выплатить заявителям суммы компенсации за причиненный им моральный вред.

⁵⁷ Бюллетень Европейского Суда по правам человека № 10 (196) 2018. Перевод с французского языка А.С. Новиковой.

Заявительница считала, что комментарии, сделанные в отношении нее в различных телевизионных программах, нарушили ее право на честь и на уважение ее частной жизни. Она уточнила, что эти комментарии касались:

- a) ее сексуальной ориентации и что они ироничным и комедийным образом отражали слухи о ее гомосексуальности или бисексуальности;
- b) намеренного прерывания беременности по профессиональным причинам;
- c) роли, которую она предположительно играла в употреблении ее партнером наркотиков;
- d) жестокого обращения и унижений по отношению к ее партнеру.

Заявительница жаловалась на нарушение ее прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский Суд пришел к выводу, что суды Испании не выполнили своих позитивных обязательств в соответствии со статьей 8 Конвенции. Следовательно, в настоящем деле имело место нарушение данного положения Конвенции.

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет считает, что сбор ДНК-материала для целей анализа и хранения собранного материала в базе данных, которая может быть использована в будущем в целях уголовного расследования, является достаточно интрузивной мерой и, следовательно, представляет собой «вмешательство» в личную жизнь автора в соответствии со статьей 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] 58. Даже если... профиль ДНК автора был позднее уничтожен в результате нового приговора суда в рамках апелляции, Комитет считает, что вмешательство в личную жизнь автора уже произошло (пункт 9.3 Соображений Комитета по правам человека от 18 июля 2017 г. по делу *Н.К. против Нидерландов*).

2.3.3. Осуществление личных переговоров (разговоров). Защита корреспонденции

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[Р]азговоры по мобильному телефону подпадают под понятие «личная жизнь» и «корреспонденция» согласно пункту 1 статьи 8 (пункт 173 постановления от 4 декабря 2015 г. по делу Роман Захаров против Российской Федерации).

Европейский Суд согласен с неоспоренным сторонами утверждением, что *действия по прослушиванию телефонных разговоров заявителей являлись вмешательством в их права, предусмотренные статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод].* В связи с этим Европейский Суд напоминает, что *телефонные разговоры входят в определения «частной жизни» и «корреспонденции» в значении пункта 1 статьи 8 (пункт 120 постановления от 7 ноября 2017 г. по делу Зубков и другие против Российской Федерации).*

---

⁵⁸ Комитет согласен со следующими выводами Европейского суда по правам человека, содержащимися в его решении *С. и Марпер против Соединенного Королевства*, решение от 4 декабря 2008 года, пункты 72–73: «...Помимо сугубо личного характера образцов клеток, Суд отмечает, что они содержат весьма чувствительную информацию о физическом лице, включая информацию о его или ее здоровье. Кроме того, образцы содержат уникальный генетический код, имеющий огромное значение как для самого этого лица, так и для его родственников». «С учетом характера и объема персональных данных, содержащихся в образцах клеток, их сохранение само по себе должно рассматриваться как посягательство на право на уважение частной жизни соответствующих лиц».

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

[В] том, что касается понятия «*корреспонденция*», необходимо отметить, что в тексте статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] это слово не сопровождается каким-либо прилагательным в отличие от слова «*жизнь*». И действительно, Европейский Суд уже приходил к выводу, что в контексте общения посредством телефонных разговоров отсутствует необходимость проводить такую квалификацию. В ряде случаев, касающихся общения (корреспонденции) с адвокатом, Европейский Суд даже не рассматривал возможность применения статьи 8 Конвенции к делу на том основании, что общение (корреспонденция) носило профессиональный характер... Кроме того, Европейский Суд постановил, что *на телефонные разговоры распространяется понятие «личная жизнь» и «корреспонденция» по смыслу статьи 8 Конвенции*... В принципе это также применимо к ситуации, когда телефонные звонки осуществляются из офисных помещений или принимаются в них... То же самое применимо к электронным письмам, отправляемым с рабочего места, на которые также распространяется защита статьи 8 Конвенции, как и на информацию, извлекаемую из просмотра результатов использования человеком Интернета (пункт 72 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).⁵⁹

Из прецедентной практики Европейского Суда следует, что на контакты, осуществляемые как из офисных помещений, так и из дома, могут распространяться понятия «личная жизнь» и «корреспонденция» по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... Чтобы уточнить, применимы ли понятия «личная жизнь» и «корреспонденция», Европейский Суд неоднократно рассматривал вопрос о том, могли ли частные лица разумно ожидать, что приватность их общения будет соблюдена и защищена... В этом контексте Европейский Суд утверждал, что разумное ожидание сохранения приватности является существенным, хотя

---

⁵⁹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 10. С.

По делу обжалуется жалоба на решение работодателя заявителя о прекращении заключенного с ним трудового договора, основанное на нарушении права на уважение частной жизни и корреспонденции, на невыполнение внутригосударственными судами обязательства по защите указанного права заявителя.

По делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

и необязательно решающим фактором (пункт 73 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).⁶⁰

3. Понятие «семейной жизни» («семьи»)

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Существование или отсутствие «семейной жизни» для целей статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] является по существу *вопросом факта*, зависящим от *реального* существования в жизни близких личных связей (пункт 27 постановления от 2 июля 2005 года по делу *Знаменская против Российской Федерации*).

В соответствии с прецедентным правом Суда, *факт наличия или отсутствия «семейной жизни», по существу, является вопросом, зависящим от существования тесной межличностной связи*. Понятие «семейная жизнь» согласно статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не ограничивается брачными отношениями, и может охватывать другие *фактические «семейные»* отношения, в которых стороны живут совместно, не заключая при этом брак (пункт 85 постановления от 15 марта 2016 г. по делу *Новрук и другие против Российской Федерации*).⁶¹

В прецедентно[й] [практике] Европейского Суда ясно установлено, что понятие «семейная жизнь» в статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] подразумевает существование «семейных уз» между женатыми или неженатыми партнерами, и ребенок, рожденный ими, является

---

⁶⁰ «Европейский Суд прежде всего отмечает, что рассматриваемая в деле программа обмена мгновенными сообщениями является просто еще одной из форм общения, позволяющей людям вести частную жизнь в качестве члена общества. В то же время отправка и получение сообщений подпадают под действие определения «корреспонденция», даже если они отправлены с компьютера работодателя. Однако Европейский Суд отмечает, что работодатель дал указание самому заявителю и его коллегам по работе воздерживаться от какой-либо деятельности в личных интересах на рабочем месте. Это требование работодателя нашло свое отражение в ряде мер, включая запрет на использование ресурсов компании в личных целях» (пункт 74 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

⁶¹ «Что касается понятия «семейной жизни», Европейский [С]уд напоминает, что согласно его прецедентной практике понятие семьи в значении статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] *включает в себя не только зарегистрированные супружеские отношения, но и другие «семейные» связи, которые предусматривают, что их участники живут совместно вне законного брака*» (пункт 69 постановления от 27 сентября 2011 г. по делу *Алим против Российской Федерации*).

*ipso jure*⁶² частью этой связи с момента своего рождения и самим фактом своего рождения (пункт 26 постановления от 2 июля 2005 года по делу *Знаменская против Российской Федерации*).⁶³

[В]заимное общение родителя и ребенка друг с другом является основополагающим элементом семейной жизни (пункт 91 постановления от 8 января 2009 г. по делу *Куимов против Российской Федерации*).⁶⁴

[О]тношения между приемными родителями и приемным ребенком, которые живут вместе на протяжении многих месяцев, представляют собой семейную жизнь по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], несмотря на отсутствие биологического родства между ними (пункт 57 постановления от 16 июля 2015 г. по делу *Назаренко против Российской Федерации*).

Европейский Суд отмечает, что «семейная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] включает как минимум связи между ближайшими родственниками (пункт 121 постановления от 18 июля 2017 г. по делу *Макилрот (McIlwrath) против Российской Федерации*).⁶⁵

[П]оложения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не гарантируют право на создание семьи или усыновление... *Право на уважение «семейной жизни» не охватывает простое желание создать семью, оно предполагает существование семьи....*, или, по крайней мере, потенциальную связь, например, между внебрачным ребенком и его биологическим отцом..., или отношения, возникающие из фактического брака, даже если семейная жизнь не сформировалась в полном объеме..., или

---

⁶² В силу закона.

⁶³ «Понятие «семейной жизни» должно, по меньшей мере, включать в себя такие отношения, которые возникают из законного и подлинного брака..., а дети, рожденные вне таких отношений, в силу закона являются частью «семейной» ячейки с момента и вследствие самого факта их рождения» (пункт 86 постановления от 15 марта 2016 г. по делу *Новрук и другие против Российской Федерации*).

⁶⁴ «Для родителя... продолжать жить вместе со своими детьми является основным фактором, естественно относящимся к его семейной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], применяемой в данном случае» (пункт 119 постановления от 1 августа 2013 г. по делу *Антонюк против Российской Федерации*).

⁶⁵ «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 6 (192) 2018 г. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

отношения, которые возникают (пункт 377 постановления от 17 января 2017 г. по делу *А.Н. и другие против Российской Федерации*).⁶⁶

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

Хотя, как правило, совместное проживание лиц и может выступать в качестве необходимого элемента таких [семейных] отношений, в исключительных случаях для подтверждения того, что отношения носят достаточно постоянный характер, чтобы составить *de facto* «семейные узы», могут служить и другие факторы... Вопрос наличия или отсутствия «*семейной жизни*» по смыслу [с]татья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] является, главным образом, *вопросом факта, который зависит от действительного существования на практике тесных семейных отношений...* В том случае, если вопрос касается возможных отношений, которые могут установиться между внебрачным ребенком и его биологическим отцом, соответствующие факторы включают характер отношений между биологическими родителями ребенка, а также проявляемый отцом интерес к ребенку и привязанность отца к ребенку как до, так и после его рождения (пункт 36 постановления от 1 июня 2004 г. по делу *Леббинк против Нидерландов*).⁶⁷

Практика Комитета ООН по правам человека

Что касается термина «*семья*», то назначение... [Международного пакта о гражданских и политических правах] требует, чтобы *для целей статьи 17 это понятие толковалось широко и охватывало всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в обществе соответствующего государства-участника* (пункт 5 Замечания общего порядка № 16. Статья 17. Право на личную жизнь. Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

⁶⁶ Бюллетень Европейского Суда по правам человека № 3 [189] 2018.

⁶⁷ Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Заявитель жаловался на то, что отказ в удовлетворении его ходатайства на право общения с его дочерью, рожденной вне брака, свидетельствует о нарушении его права, гарантированного статьей 8 Конвенции.

Допущено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

«Европейский Суд пришел к выводу, что, когда прекратились отношения заявителя с матерью его дочери, между заявителем и Амбер продолжали существовать - в дополнение к биологическому родству - определенные узы, достаточные для того, чтобы на них распространялось действие гарантий статьи 8 Конвенции» (пункт 40 постановления от 1 июня 2004 г. по делу *Леббинк против Нидерландов*).

Комитет отмечает, что *понятие семьи в определенных аспектах может отличаться в различных государствах и даже в разных районах одного государства*, в связи с чем не представляется возможным дать стандартное определение этому понятию. Вместе с тем Комитет подчеркивает, что когда в законодательстве и практике какого-либо государства группа лиц рассматривается в качестве *семьи*, то она должна являться объектом защиты, предусмотренной *статьей 23* [Международного пакта о гражданских и политических правах] (пункт 2 Замечания общего порядка № 19. Статья 23 (семья). Принято Комитетом по правам человека на его 39-й сессии (1990 г.)).

4. Понятие «жилища» («достаточного жилища»)

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Суд напоминает, что понятие «жилище» по смыслу ст[атьи] 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] *не сводится к занимаемому на законных основаниях или зарегистрированному жилью, а является автономным понятием, содержание которого не зависит от его квалификации во внутреннем законодательстве*. При рассмотрении вопроса о том, является ли конкретное жилое помещение «жилищем» в значении ст[атьи] 8 Конвенции, *следует учитывать фактические обстоятельства дела, в частности, наличие у заинтересованных лиц достаточных и непрерывных связей с таким местом* (пункт 88 постановления от 11 октября 2016 г. по делу *Багдонавичюс и другие против Российской Федерации*).⁶⁸

[Х]отя и возможно значительное совпадение понятий «дом»⁶⁹ и «жилая недвижимость» в рамках [с]татья 1 Протокола №. 1 [к Конвенции о защите

---

⁶⁸ «Применительно к обстоятельствам настоящего дела, тот факт, что заявители официально зарегистрированы не в домах, являющихся предметом настоящей жалобы, не имеет решающего значения. Важность этого факта дополнительно снижается, если учесть, что внутригосударственные суды признали осуществление такой регистрации невозможной до тех пор, пока спорное жилье является самовольной постройкой. Кроме того, власти Российской Федерации в некоторой степени противоречат сами себе, когда ссылаются на данное обстоятельство, в то время как они допускают, что Леонас Иона Багдонавичюс проживал в одном из этих домов. Что касается довода о том, что некоторые заявители владели на праве собственности иным недвижимым имуществом в других местах, то это необязательно означает, что заявители использовали его для проживания» (пункт 89 постановления от 11 октября 2016 г. по делу *Багдонавичюс и другие против Российской Федерации*).

⁶⁹ Жилище.

прав человека и основных свобод], *дом может существовать даже там, где у заявителя нет права владения или интереса в недвижимом имуществе...* С другой стороны, гражданин может иметь право собственности на определенное здание или земельный участок в рамках значения [с]татьи 1 Протокола № 1, не имея достаточного количества связей с таким зданием или земельным участком, чтобы считать их домом в рамках [с]татьи 8 (пункт 128 постановления от 15 ноября 2007 г. по делу *Хамидов против Российской Федерации*).

Необходимо признать,... что *понятие «дом» вправе интерпретироваться широко и, в соответствии с прецедентн[ой] [практикой] Суда, вправе использоваться по отношению к помещению делового предприятия.* В частности, [Европейский] Суд установил, на основании динамичной интерпретации⁷⁰ Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], что право компании на уважение зарегистрированного офиса, филиала или других помещений компании, попадает под действие [с]татьи 8 Конвенции... С другой стороны. Суд... признал, что такую широкую интерпретацию понятия «дом» и динамичную интерпретацию [с]татьи 8 необходимо некоторым образом ограничить *во избежание противоречия здравому смыслу и полного искажения намерений авторов Конвенции*, и установил, что, например, свиноферма, на которой выращиваются несколько сотен свиней, едва ли может считаться «домом» или даже помещением делового предприятия (пункт 131 постановления от 15 ноября 2007 г. по делу *Хамидов против Российской Федерации*).

[Б]удет ли конкретное жилище считаться «домом» для целей пункта 1 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], зависит от действительных обстоятельств конкретного дела, а именно *наличия достаточных и непрерывных связей* (пункт 35 постановления от 13 июня 2017 г. по делу *Лунина и Мухамедова против Российской Федерации*).⁷¹

---

⁷⁰ Речь идёт об *эволютивном толковании*. Согласно указанному толкованию положения международных договоров, включая положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколов к ней, с целью эффективной защиты прав и свобод человека должны интерпретироваться с учетом изменяющихся общественных отношений.

⁷¹ Суд не согласился с замечаниями заявительницы о том, что она имела существенную связь с квартирой. Как указали Власти, заявительница не оспаривала, что не проживала в квартире. Таким образом, Суд не удовлетворен заявлением *Л.* о том, что квартира является ее домом, по смыслу статьи 8 Конвенции. Из этого следовало, что поданная жалоба несовместима *ratione materiae* с положениями Конвенции по смыслу пункта 3 статьи 35 и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции (пункт 35 постановления от 13 июня 2017 г. по делу *Лунина и Мухамедова против Российской Федерации*).

Европейский Суд считает, что *простой факт того, что заявитель был зарегистрирован в качестве проживающего в комнате своей бывшей жены, не является достаточным основанием, позволяющим прийти к выводу, что он имел здесь свое жилище*. С другой стороны. Европейский Суд считает, что проживая в комнате Б. в течение 10 лет, заявитель приобрел достаточную и постоянную связь с этой комнатой для того, чтобы считать ее «жилищем» для целей статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Отказ в признании заявителя в качестве члена семьи Б. и в признании его права проживать в ее комнате *составил вмешательство в его право на уважение жилища*, гарантированное статьей 8 Конвенции (пункт 32 постановления от 14 марта 2017 г. по делу *Евгений Захаров против Российской Федерации*).

Европейский Суд неоднократно отмечал, что предусмотренное пунктом 1 статьи 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] *понятие «жилище» включает в себя не только жилое помещение физического лица*. Суд напоминает, что в статье 8 на французском языке слово «*domicile*» (жилище) имеет более широкое значение, чем слово «*home*», и может, например, включать в себя место работы физического лица (пункт 37 постановления от 7 ноября 2017 г. по делу *Ахлюстин против Российской Федерации*).⁷²

Практика Комитета ООН по правам человека

Слова «*home*» в английском, «*manzel*» в арабском, «*zhùzhái*» в китайском, «*domicile*» во французском, «*жилище*» в русском и «*domicilio*» в испанском текстах, употребленные в статье 17... [Международного пакта о гражданских и политических правах], должны пониматься как термины, указывающие то место, *в котором человек проживает или занимается своими обычными делами* (пункт 4 Замечания общего порядка № 16. Статья 17. Право на личную жизнь. Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

[Т]ермин «*жилище*», используемый в статье 17... [Международного пакта о гражданских и политических правах], относится к месту, *где человек живет или занимается своими обычными делами*⁷³. В настоящем сообщении

⁷² «Европейский Суд неоднократно толковал понятие «*жилище*», закрепленное в пункте 1 [с]татья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], как *распространяющееся и на место жительства лица, и на место его профессиональной работы*» (пункт 36 постановления от 7 июня 2007 г. по делу *Смирнов против Российской Федерации*).

⁷³ См. сообщение № 2073/2011, *Найденова и другие против Болгарии*, Соображения, принятые 30 октября 2012 года, пункт 14.2.

неоспоримым является то, что поселение в *Халандри* – это место, в котором находятся дома авторов и в котором они непрерывно проживали без внимания со стороны властей государства-участника в течение более 20 лет. В этих обстоятельствах Комитет считает, что дома авторов в поселении *Халандри* являются их «жилищами» по смыслу статьи 17 Пакта, независимо от того, что авторы не выступают в качестве законных владельцев участка земли, на котором эти дома были построены (пункт 12.3 Соображений Комитета по правам человека от 3 ноября 2016 г. по делу «*И Эльпида*» – культурная ассоциация греческих цыган из *Халандри* и пригородов и *Стилианосом Каламиотисом против Греции*).

Практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

Право на достаточное жилье принадлежит каждому. Хотя выражение «для него самого и его семьи» отражает предположения в отношении роли мужчин и женщин и общепринятого порядка осуществления экономической деятельности в 1966 году, когда был принят... [Международный пакт о гражданских и политических правах], это выражение сегодня нельзя толковать как подразумевающее какие-либо ограничения применимости этого права к отдельным лицам или домашним хозяйствам, возглавляемым женщинами, или к иным таким группам. Таким образом, отдельные лица, а также семьи имеют право на достаточное жилье, независимо от возраста, экономического положения, принадлежности к какой-либо группе или иной принадлежности или статуса и других таких факторов. В частности, согласно статье 2 (2) Пакта, осуществление этого права не должно быть объектом какой бы то ни было дискриминации (пункт 6 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 6-й сессии (1991 г.). E/1992/23).

[П]раво на жилище не следует толковать в узком или ограничительном смысле, что уравнивало бы его, например, с предоставленным кровом, означающим лишь то, что кто-то имеет крышу над своей головой. Его скорее следует рассматривать как право жить где бы то ни было в безопасности, мире и с достоинством. Это [з]амечание уместно по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, право на жилье в полной мере связано с другими правами человека и основополагающими принципами, на которых покоится... [Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах]. Таким образом, «присущее человеческой личности достоинство», из которого, как заявлено, вытекают права, закрепленные в Пакте, требует,

чтобы термин «жилье» толковался с учетом других различных соображений.

Во-вторых, содержащаяся в статье 11 (1) Пакта ссылка должна толковаться как касающаяся не только жилья как такового, а *достаточного* жилья. И в документах Комиссии по населенным пунктам, и в Глобальной стратегии в области жилья до 2000 года указывается: *«Надлежащее жилье означает...*

*отдельное жилье,
надлежащую площадь проживания,
надлежащую безопасность,
надлежащее освещение и вентиляцию,
надлежащую основную инфраструктуру и
надлежащее местоположение с точки зрения работы и основных услуг, причем все это - по разумной цене»* (пункт 7 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 6-й сессии (1991 г.). E/1992/23).

[К]онцепция достаточности имеет особое значение применительно к праву на жилье, поскольку она позволяет подчеркнуть ряд факторов, которые должны учитываться при определении того, могут ли конкретные формы жилья считаться образующими *«достаточное жилье»* для целей... [Международного пакта о гражданских и политических правах]. Хотя достаточность определяется отчасти социальными, экономическими, культурными, климатическими, экологическими и иными факторами, Комитет считает, что, тем не менее, *можно определить некоторые аспекты этого права*, которые должны приниматься во внимание для этой цели в каком-либо конкретном контексте. Они включают следующее:

а) *Правовое обеспечение проживания.* Проживание может принимать различные формы, включая арендуемое (государственное и частное) жилье, кооперативное жилье, собственное жилье, жилье, предоставленное в чрезвычайных случаях, и неофициальное жилье, включая захват земли или имущества. Независимо от вида проживания, все лица должны пользоваться определенной степенью обеспечения проживания, которая гарантирует правовую защиту от принудительного выселения, преследования и других угроз. Следовательно, государства-участники должны принять срочные меры, направленные на предоставление правового обеспечения проживания тем лицам и домашним хозяйствам, которые в настоящее время лишены такой защиты, в подлинной консультации с заинтересованными лицами и группами.

б) *Наличие услуг, материалов, возможностей и инфраструктуры.* Адекватное жилье должно предоставлять определенные возможности, имеющие существенно важное значение для здоровья, безопасности,

комфорта и питания. Все бенефициары права на достаточное жилье должны иметь устойчивый доступ к системам

*снабжения питьевой водой,
санитарии и гигиены,
хранения продуктов питания,
удаления отходов,
канализации и
чрезвычайных служб.*

с) *Доступность с точки зрения расходов.* Финансовые расходы какого-либо лица или домашнего хозяйства, связанные с жильем, должны быть такого размера, чтобы возникновение и удовлетворение иных основных потребностей не ставились под угрозу и не сталкивались с препятствиями⁷⁴... В соответствии с принципом доступности с точки зрения расходов квартиросъемщики должны быть защищены с помощью соответствующих средств против неразумных размеров квартирной платы или ее увеличения. В тех странах, где природные материалы являются главным источником строительных материалов для жилья, государства-участники должны принять меры по обеспечению наличия таких материалов.

d) *Пригодность для проживания.* Достаточное жилье должно быть пригодным для проживания с точки зрения защиты жильцов от холода, сырости или иных угроз для здоровья, структурных опасностей и переносчиков болезней. Также должна быть гарантирована физическая безопасность жильцов. Комитет призывает государства-участники всеобъемлющим образом применять *Медико-санитарные принципы жилищного строительства*, разработанные ВОЗ⁷⁵, в которых *жилье рассматривается как экологический фактор*, наиболее часто увязываемый с причинами заболеваемости в эпидемиологическом анализе; другими словами, недостаточное и неадекватное жилье неизбежно связано с более высокими показателями смертности и заболеваемости.

e) *Доступность.* Достаточное жилье должно быть доступным для тех, кто имеет на него право. Группы, находящиеся в неблагоприятном положении, должны получить полный и устойчивый доступ к адекватному жилому фонду. Нужды в области жилья престарелых, детей, инвалидов,

⁷⁴ «Государства-участники должны предпринять шаги с целью обеспечения такого положения, чтобы доля расходов, связанных с жильем, в целом была соразмерной размеру доходов. Государства-участники должны установить субсидии на жилье для тех, кто не в состоянии получить доступное с точки зрения расходов жилье, а также различные формы и уровни финансирования жилищного строительства, которые должным образом отражают потребности в жилье» (пункт 8 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 6-й сессии (1991 г.). E/1992/23).

⁷⁵ Женева, Всемирная организация здравоохранения, 1990 год.

неизлечимо больных, лиц, инфицированных ВИЧ, лиц со значительным расстройством здоровья, душевнобольных и других групп должны до некоторой степени учитываться в первоочередном порядке. И жилищное право, и политика в области жилья должны в полной мере принимать во внимание особые потребности этих групп в отношении жилья....

f) *Местонахождение.* Достаточное жилье должно находиться в таком месте, которое позволяет *иметь доступ к возможностям в области занятости, медицинскому обслуживанию, школам и другим социальным учреждениям.* Это особенно верно в отношении больших городов, где временные и финансовые издержки, связанные с поездками к месту работы и возвращением домой, могут ложиться чрезмерным бременем на бюджеты бедных домашних хозяйств. Аналогичным образом *жилье не следует строить в загрязненных районах или в непосредственной близости к источникам загрязнения, которые ущемляют право жителей на здоровье.*

g) *Адекватность с точки зрения культуры.* Архитектура сооружаемого жилья, используемые строительные материалы и политика, предусматривающая эти аспекты, *должны соответствующим образом отражать культурные традиции общества.* Деятельность, направленная на строительство или модернизацию жилья, должна обеспечивать учет культурных аспектов, связанных с жилищем (пункт 8 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 6-й сессии (1991 г.). E/1992/23).

5. Критерии (условия) правомерного вмешательства в право лица на уважение частной и семейной жизни, жилища

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Любое вмешательство в право, охраняемое в соответствии с пунктом 1 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], должно быть обосновано с точки зрения второго пункта, а именно как осуществляемое

«в соответствии с законом» и

«необходимое в демократическом обществе»

для достижения одной или нескольких законных целей, перечисленных в этом пункте. *Понятие необходимости подразумевает, что вмешательство соответствует насущной социальной необходимости и, в частности, пропорционально одной из преследуемых органами власти правомерных целей* (пункт 85 постановления от 7 марта 2017 г. по делу Полякова и другие против Российской Федерации).

Широкие рамки свободы усмотрения должны быть представлены национальным властям, которые по той причине, что они напрямую и продолжительное время взаимодействуют с населением своих стран, находятся в лучшем положении, чем международный суд, для оценки местных нужд и условий. Широта свободы усмотрения варьируется в зависимости от характера конвенционного права, его важности для лица и характера ограничивающих действий, а также от характера цели, которую преследуют эти ограничения... Процессуальные гарантии, предоставленные лицу, будут иметь особенно важное значение при разрешении вопроса о том, не вышло ли государство-ответчик за отведенные ему пределы оценки (пункт 86 постановления от 7 марта 2017 г. по делу Полякова и другие против Российской Федерации).

Практика Комитета ООН по правам человека

Вмешательство в личную или семейную жизнь по смыслу статьи 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] не должно носить произвольный или незаконный характер⁷⁶... Комитет должен рассмотреть вопрос о том, носит ли такое вмешательство произвольный характер. Комитет ссылается на свою правовую практику, из которой следует, что понятие произвольности призвано обеспечить, чтобы любое вмешательство соответствовало положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае являлось обоснованным в конкретных обстоятельствах⁷⁷. Следовательно, любое вмешательство в личную и семейную жизнь должно быть соразмерным законной преследуемой цели и необходимым с учетом обстоятельств каждой конкретной ситуации⁷⁸ (пункт 7.4 Соображений Комитета по правам человека от 17 марта 2017 г. по делу G. против Австралии).

Комитет напоминает, что *даже предусмотренное законодательством вмешательство должно соответствовать положениям, задачам и целям Пакта и быть разумным в конкретных обстоятельствах⁷⁹. Понятие «произвольности» включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и надлежащей правовой*

⁷⁶ Требование о том, чтобы лицо не состояло в браке на момент подачи заявления о регистрации изменения пола и выдаче нового свидетельства о рождении, предусматривается внутренним законодательством.

⁷⁷ См. Замечание общего порядка № 16 Комитета, пункт 4.

⁷⁸ См. *Тунен против Австралии*, пункт 8.3.

⁷⁹ См. Замечание общего порядка № 16 Комитета, пункт 4. См. также постановление Европейского Суда по правам человека по делу *C. и Марпер*, пункт 107, в котором Суд заявил, что: «...Основные принципы защиты данных требуют, чтобы сохранение данных было соразмерно цели их сбора и чтобы срок их хранения был ограничен».

процедуры⁸⁰ наряду с элементами разумности, необходимости и соразмерности⁸¹. Даже несмотря на то, что в обществе защита личной жизни не может быть абсолютной, компетентные государственные органы должны иметь возможность запрашивать только ту информацию, касающуюся личной жизни индивида, получение которой *необходимо* в интересах общества, как они понимаются в Пакте⁸². Даже в отношении вмешательства, которое соответствует Пакту, в соответствующем законодательстве должны подробно определяться конкретные обстоятельства, в которых такое вмешательство может допускаться. *Решение о санкционировании... вмешательства должно приниматься только конкретным органом, предусмотренным законом, и строго индивидуально*⁸³ (пункт 9.5 Соображений Комитета по правам человека от 18 июля 2017 г. по делу *Н.К. против Нидерландов*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Специальный докладчик придерживается мнения о том, что, несмотря на различия в формулировках⁸⁴, статью 17... [Международного пакта о гражданских и политических правах]... следует толковать в качестве содержащей... элементы процедуры проверки на допустимость ограничений⁸⁵. *Ограничения, не установленные законом, являются*

⁸⁰ См., в частности, Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 12, и сообщения № 2009/2010, *Ильясов против Казахстана*, Соображения, принятые 23 июля 2014 года, пункт 7.4, и № 2081/2011, *Д.Т. и А.А. против Канады*, Соображения, принятые 15 июля 2016 года, пункт 7.6.

⁸¹ См. Замечание общего порядка № 35 Комитета, пункт 12.

⁸² См. Замечание общего порядка № 16 Комитета, пункт 7.

⁸³ Там же, пункт 8.

⁸⁴ «В соответствии с формулировкой статьи 17 Пакта запрещены «произвольное или незаконное» вмешательство в личную и семейную жизнь или тайну корреспонденции, а также «незаконные посягательства» на честь и репутацию лица. Эта формулировка может быть сопоставлена с формулировкой положений пункта 3 статьи 12; пункта 3 статьи 18, пункта 3 статьи 19; и пункта 2 статьи 21 и статьи 22, в которых детализированы элементы процедуры проверки допустимости соответствующих ограничений. Наиболее подробно эта процедура описана в статье 21 и в пункте 3 статьи 22, где указаны следующие три элемента:

а) ограничения должны налагаться национальным законом;

б) они должны быть необходимы в демократическом обществе; и

с) они должны служить одной из законных целей, изложенных в каждом из положений, содержащих клаузулу об ограничениях» (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 г.).

⁸⁵ «Наиболее подробно... процедура [проверки допустимости соответствующих ограничений] описана в статье 21 [Международного пакта о гражданских и политических

«незаконными» по смыслу статьи 17, а ограничения, не являющиеся необходимыми и не направленными на достижение законной цели, представляют собой «произвольное» вмешательство в права, предусмотренные статьей 17. Таким образом, ограничение права на неприкосновенность частной жизни или другие положения статьи 17 являются предметом проверки на допустимость ограничений, как это указано в Замечании общего порядка № 27 (1999 год) Комитета по правам человека⁸⁶. Это [З]амечание общего порядка касается свободы передвижения (статья 12), а именно одного из относящихся к ней положений, которым предусматриваются ее ограничения. В то же время оно кодифицирует позицию Комитета по правам человека по вопросу о допустимых ограничениях прав, закрепленных Пактом. Проверка на допустимость ограничений, как она изложена в [З]амечании общего порядка, включает в себя, среди прочего, следующие элементы:

а) Любые ограничения должны предусматриваться законодательством (пункты 11-12).

б) Существо права человека не должно быть ущемлено ограничениями (пункт 13).

с) Ограничения должны являться необходимыми в демократическом обществе (пункт 11).

д) Любые дискреционные полномочия лиц, которым поручено применение ограничений, не должны быть неограниченными (пункт 13).

е) Для обеспечения допустимости ограничений недостаточно, чтобы они служили достижению одной из указанных законных целей; они должны быть необходимыми для достижения законной цели (пункт 14).

ф) Ограничительные меры должны соответствовать принципу соразмерности; они должны быть уместными для выполнения своей защитной функции; они должны представлять собой наименее ограничительное средство из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат; и они должны являться соразмерными защищаемому интересу (пункты 14-15).

правах] и в пункте 3 статьи 22, где указаны следующие три элемента: а) ограничения должны налагаться национальным законом; б) они должны быть необходимы в демократическом обществе; и с) они должны служить одной из законных целей, изложенных в каждом из положений, содержащих клаузулу об ограничениях» (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 г.).

⁸⁶ Режим доступа:

http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f21%2fRev.1%2fAdd.9&Lang=en

g) Любые ограничения не должны противоречить другим правам, гарантируемым Пактом (пункт 18) (пункт 17 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 г.).

5.1. Соблюдение критерия законности (правовой определенности) при осуществлении вмешательства в право лица на уважение частной и семейной жизни, жилища

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Чтобы определить, было ли вмешательство обоснованным в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], Европейский Суд сначала рассмотрел, было ли оно «*в соответствии с законом*» (пункт 43 постановления от 18 ноября 2004 года по делу *Прокопович против Российской Федерации*).

В сфере, охватываемой писаным правом, «закон» является действующим актом в его толковании компетентными судами .... «Закон» может охватывать акты более низкого статуса и, например, регулятивные меры, принимаемые органами профессионального регулирования в соответствии с независимыми нормотворческими полномочиями, которые делегированы им парламентом (пункт 71 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).

[В]мешательство государства в права человека не будет нарушением пункта 2 [с]татья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], если это вмешательство осуществляется «*в соответствии с законом*». *Нарушение внутреннего законодательства в этих случаях обязательно приводит к установлению нарушения Конвенции* (пункт 95 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

В соответствии с прецедентной практикой Суда, выражение «*предусмотрено законом*» в пункте 2 статьи 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] требует, помимо прочего, чтобы оспариваемая мера основывалась на национальном законодательстве..., а также *отсылает к качеству рассматриваемого законодательства*, требуя, чтобы оно было *доступно* для заинтересованных лиц, а результат его применения был *предсказуем*... В целях соответствия законодательства критерию предсказуемости оно должно с достаточной степенью точности устанавливать условия, при которых возможно применение конкретной меры с тем, чтобы лица, которых оно

затрагивает, могли — при необходимости воспользовавшись соответствующей консультацией — регулировать свое поведение. В контексте оказания медицинской помощи национальное законодательство должно предусматривать определенную степень защиты лиц от произвольного вмешательства в их частную жизнь в соответствии со статьей 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] (пункт 42 постановления от 9 октября 2014 г. по делу *Коновалова против Российской Федерации*).

Для того чтобы национальное законодательство соответствовало... требованиям [доступности и предсказуемости], оно должно предусматривать надлежащую правовую защиту от произвола и, соответственно, с достаточной ясностью указывать сферу действия дискреционных полномочий, возлагаемых на компетентные органы, а также порядок ее осуществления... Меры, которые необходимо принять для защиты от произвола, будут, по крайней мере, в определенной степени зависеть от характера и степени рассматриваемого вмешательства. *Необходимы гарантии, которые помогут убедиться, что дискреционные полномочия, возложенные на исполнителя, осуществляются в соответствии с законом и без злоупотребления должностными полномочиями. Концепции законности и верховенства права в демократическом обществе требуют, чтобы на меры, влияющие на основные права человека, распространялась бы некая состязательная процедура в независимом органе, уполномоченном оценивать причины принятия решения и соответствующие доказательства, при необходимости с соответствующими процессуальными ограничениями* (пункт 91 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).⁸⁷

---

⁸⁷ «[Н]ациональное законодательство должно предусматривать надлежащие гарантии, направленные на предотвращение передачи или разглашения данных о состоянии здоровья лица как противоречащих гарантиям, закрепленным в статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 38 постановления от 23 февраля 2016 г. по делу *У.У. против Российской Федерации*).

«Европейский Суд напоминает, что там, где национальным властям предоставлены широкие пределы усмотрения, доступные лицу процессуальные гарантии будут иметь особое значение при определении того, не вышло ли государство-ответчик при установлении механизма регулирования за пределы своего усмотрения. В частности. *Европейский Суд должен исследовать вопрос о том, был ли процесс принятия решения, повлекшего меры вмешательства, справедливым и обеспечивал ли он как таковой должное уважение интересов, гарантированных лицу Конвенцией* [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 75 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).

«Что же касается конкретно обыска и изъятия или аналогичных мер (особенно в контексте получения физических доказательств определённых правонарушений), то

В вопросах, затрагивающих основные права, предоставление исполнительной власти правового усмотрения, сформулированного в терминах неограниченных полномочий, противоречило бы верховенству права, одному из основных принципов демократического общества, закреплённых в Конвенции. Следовательно, *закон должен указывать с достаточной ясностью сферу действия любого такого усмотрения*, которым наделены компетентные власти, и способ его осуществления.... *Уровень точности*, требуемой от внутригосударственного законодательства, которое никоим образом не может предусматривать все случаи, в значительной степени зависит от содержания соответствующего акта, области, которую он призван охватывать, и количества и статуса тех, кому он адресован (пункт 73 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).⁸⁸

[П]о мнению Европейского Суда,... *отсутствие ясности* в отношении внутригосударственной правовой основы и практики само по себе не является достаточным для того, чтобы признать нарушение властями Российской Федерации их позитивных обязательств по статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 42 постановления от 24 апреля 2018 г. по делу *Лозовые против Российской Федерации*).⁸⁹

важно оценивать, были ли причины, приведённые для оправдания таких мер, относимыми и достаточными и был ли соблюден принцип соразмерности ... В отношении последнего вопроса Европейский Суд должен,

во-первых, удостовериться, что относимые законодательство и практика предоставляют физическим лицам *«адекватные и эффективные гарантии от злоупотреблений»*; независимо от пределов усмотрения, которые Европейский Суд признаёт за Договаривающимися Государствами в этой сфере, он должен быть особенно бдителен в случаях, где власти согласно национальному законодательству уполномочены предписывать и производить обыски без судебного решения ... Если физические лица подлежат защите от произвольного вмешательства властей в права, гарантированные статьёй 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], то необходимы соответствующий правовой механизм и очень строгие ограничения таких полномочий.

Во-вторых, Европейский Суд должен рассмотреть конкретные *обстоятельства каждого дела* для определения того, было ли оспариваемое вмешательство соразмерным преследуемой цели» (пункт 76 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).

⁸⁸ Прецеденты Европейского Суда по правам человека № 4. 2018.

⁸⁹ Российская хроника Европейского Суда. № 1(49)2019. Перевод с английского языка Д.Г. Николаева.

Заявители, муж и жена, жаловались на то, что власти не уведомили их надлежащим образом о смерти их сына, в результате чего они длительное время ничего не знали о его местонахождении и были лишены возможности похоронить его.

Имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

[В] тех случаях, когда заявитель жалуется на неисполнение государством своих обязанностей по обеспечению его законных прав, *внутреннее законодательство анализируется не отдельно и в последнюю очередь, а наряду со многими другими аспектами*, которые должны быть приняты во внимание при оценке, *сумело ли государство найти «справедливый баланс» интересов в соответствии с пунктом 2 [с]татья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]* (пункт 98 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

Полномочия по разъяснению и толкованию положений внутреннего законодательства, в первую очередь, принадлежат органам судебной власти соответствующего государства. Несмотря на то, что Суд не вправе заменять своим постановлением постановления национальных судебных органов, а его полномочия по оценке соблюдения внутреннего законодательства весьма ограничены, функция Суда, тем не менее, заключается в изучении принятых национальными судебными органами решений с точки зрения их соответствия требованиям Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В целях защиты от произвола обеспечение формальной возможности участия в состязательном процессе в целях оспаривания применения той или иной нормы права к обстоятельствам конкретного дела представляется явно недостаточным... *В целях соблюдения требования законности национальным судам следует провести содержательный анализ действий органов государственной власти, затрагивающих права, предусмотренные Конвенцией* (пункт 50 постановления от 23 февраля 2016 г. по делу *У.У. против Российской Федерации*).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

[П]ринцип законности требует от государств не только уважать и применять предсказуемо и последовательно принятые ими законы, но также крайне необходимо гарантировать правовые и практические условия для их реализации (пункт 114 постановления от 13 января 2015 г. по делу *Элберте против Латвии*).⁹⁰

⁹⁰ Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

По делу рассматривалось вопрос об изъятии тканей умершего без его согласия и согласия его семьи.

Допущено нарушение требований статей 3 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

«[В] случае, когда внутригосударственное законодательство является предметом обсуждения, задача Европейского Суда заключается не в абстрактном пересмотре соответствующего законодательства. Напротив, он должен ограничиться, насколько это

Практика Комитета ООН по правам человека

[В] статье 17... [Международного пакта о гражданских и политических правах] *речь идет о защите как от незаконного, так и от произвольного вмешательства. Это означает, что именно в законодательстве государства должна быть прежде всего предусмотрена защита права, закрепленного в этой статье (пункт 2 Замечания общего порядка № 16. Статья 17. Право на личную жизнь. Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).*

Термин «незаконное» означает, что вмешательство вообще не может иметь места за исключением случаев, предусмотренных законом. *Вмешательство, разрешаемое государствами, может совершаться только на основании закона, который должен в свою очередь соответствовать положениям, целям и задачам...* [Международного пакта о гражданских и политических правах] (пункт 3 Замечания общего порядка № 16. Статья 17. Право на личную жизнь. Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

Статья 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] обеспечивает защиту личного достоинства и репутации, и *государства обязаны обеспечивать принятие в этих целях надлежащего законодательства. Каждому должна быть также обеспечена эффективная защита от любых имевших место незаконных посягательств и эффективные средства правовой защиты от тех, кто совершает такие посягательства (пункт 11 Замечания общего порядка № 16. Статья 17. Право на личную жизнь. Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).*

*[С]ам закон «должен соответствовать положениям, целям и задачам Пакта», а его применение должно в любом случае быть «обоснованным в конкретных обстоятельствах»⁹¹ (пункт 9.3 Соображений Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г. по делу *Петр Гатилов против Российской Федерации*).*

Практика Комитета ООН по правам ребенка

[С]огласно статье 7 Конвенции [о правах ребенка], применение государствами-участниками *права на имя* должно осуществляться в соответствии с национальным законодательством (пункт 4.2 Решения

возможно, рассмотрением вопросов, поднятых настоящим делом в Европейском Суде» (пункт 110 постановления от 13 января 2015 г. по делу *Элберте против Латвии*).

⁹¹ См. Замечание общего порядка № 16, пункт 3.

Комитета по правам ребенка от 17 января 2017 г. по делу *Х. А. Б. С. (действующего в интересах А. Б. Х. и М. Б. Х.) против Коста-Рики*).

5.2. Соблюдение критерия наличия законной (социально-значимой) цели при осуществлении вмешательства в право лица на уважение частной и семейной жизни, жилища

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[В] таких сферах как жилищная, которая играет главную роль в социально-экономической политике современных обществ, он учитывает позицию законодателя относительно того, *что отвечает общему интересу*, если эта позиция не является явно необоснованной (пункт 83 постановления от 3 февраля 2011 г. по делу *Игорь Васильченко против Российской Федерации*).

[Е]сли фотография, опубликованная в контексте сообщения о рассмотрении уголовного дела, не имеет информационной значимости сама по себе, *только существенные причины могут оправдать вмешательство в право обвиняемого на уважение его личной жизни* (пункт 117 постановления от 23 октября 2008 г. по делу *Хужин и другие против Российской Федерации*).⁹²

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Перечни правомерных целей, для достижения которых статьи 8–11 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] допускают вмешательство в гарантируемые ими права, *являются исчерпывающими*

⁹² «Даже если предположить, что статья 139 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР могла являться правовой основой для предоставления прессе доступа к материалам уголовного дела, в настоящем деле Европейский Суд не усматривает законной цели для вмешательства в право первого заявителя на уважение его личной жизни. Находясь в тот период под стражей, он не скрывался от правосудия, и демонстрация его фотографии не являлась необходимой для установления его места нахождения с помощью общественности. Она также не могла считаться отвечающей публичному характеру судебного разбирательства, поскольку во время записи и первой трансляции телевизионной передачи оно еще не началось. Соответственно, Европейский Суд находит, что при обстоятельствах настоящего дела предоставление прессе фотографии первого заявителя из уголовного дела не преследовало законной цели, предусмотренной пунктом 2 статьи 8 Конвенции» (пункт 117 постановления от 23 октября 2008 г. по делу *Хужин и другие против Российской Федерации*).

(пункт 294 постановления Большой Палаты от 28 ноября 2017 г. по делу *Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии*).⁹³

В делящихся ситуациях нельзя исключать, что оценка того, какая цель была преобладающей, может со временем изменяться (пункт 308 постановления Большой Палаты от 28 ноября 2017 г. по делу *Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии*).

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет напоминает, что даже предусмотренное законодательством вмешательство должно соответствовать положениям, задачам и *целям* [Международного пакта о гражданских и политических правах] и должно быть целесообразным в конкретных обстоятельствах⁹⁴ (пункт 11.9 Соображений Комитета по правам человека от 26 марта 2015 г. по делу *М. Дж. К. против Австралии*).

5.3. Соблюдение критерия необходимости (пропорциональности) при осуществлении вмешательства в право лица на уважение частной и семейной жизни, жилища

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Понятие необходимости предполагает, что вмешательство должно быть соразмерно преследуемой законной цели; при определении того, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе», Европейский [С]уд принимает во внимание свободу усмотрения, предоставленную государствам-участникам.... Строгие и постоянные ограничения доступа к

⁹³ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 10 (22) 2018. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

Заявитель, грузинский политик, лидер оппозиционной партии, занимавший высокие государственные должности, вскоре после смены власти на парламентских выборах в октябре 2012 года в связи с возбуждением уголовного дела был помещен в предварительное заключение. В 2014 году он был осужден по большинству предъявленных ему обвинений. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель, в частности, жаловался на то, что его преследование и задержание были использованы властями для его отстранения от политической жизни страны в нарушение статьи 18 Конвенции.

Европейский суд девятью голосами «за» при восьми - «против» установил нарушение требований статьи 18 Конвенции.

⁹⁴ См. сообщение № 2243/2010, *Хуссейни против Дании*, Соображения от 24 октября 2014 года, пункты 9.3–9.4

ребенку, действующие в течение долгого времени, несоразмерны преследуемой законной цели (пункт 96 постановления от 8 января 2009 г. по делу *Куимов против Российской Федерации*).

[С]вобода усмотрения, признаваемая за властями страны, варьируется в зависимости от характера спорных вопросов и значимости затронутых интересов... Более строгий контроль необходим в случае серьезных ограничений в сфере личной жизни (пункт 88 постановления от 27 марта 2008 г. по делу *Штукатуров против Российской Федерации*).

В то время как право первичного определения *целесообразности* тех или иных действий остается за национальными властями, право окончательной оценки *применимости* и *достаточности* принятых национальными властями решений остается за Европейским Судом (пункт 102 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

В соответствии с прецедентн[ой] [практикой] Европейского Суда *положение, при котором правовая презумпция может превалировать над биологическими и социальными реалиями без учета установленных фактов и желаний заинтересованных лиц, не принося никакой пользы кому-либо, не соответствует обязательству обеспечивать реальное «уважение» частной и семейной жизни, даже если были соблюдены пределы усмотрения Договаривающихся Государств* (пункт 44 постановления от 24 ноября 2005 года по делу *Шофман против Российской Федерации*).

[С]вобода усмотрения в жилищных вопросах является более узкой, когда дело касается прав, гарантированных статьей 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], по сравнению с правами, гарантированными статьей 1 Протокола № 1, принимая во внимание первоочередную важность статьи 8 для самосознания индивида, его самоопределения, физической и моральной неприкосновенности, поддержания отношений с другими людьми и для определенного и безопасного места в обществе (пункт 93 постановления от 6 декабря 2011 г. по делу *Гладышева против Российской Федерации*).

Гарантии Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] требуют, чтобы любое вмешательство в право заявителя на уважение его жилища не только происходило на основании закона, но и было *пропорционально*, согласно пункту 2 статьи 8, преследуемой законной цели с учетом конкретных обстоятельств дела. Кроме того, *никакое законоположение внутреннего законодательства не должно толковаться и применяться таким образом, который несовместим с обязательствами государства*

ответчика по Конвенции (пункт 94 постановления от 6 декабря 2011 г. по делу Гладышева против Российской Федерации).

Как в контексте *негативных*, так и в контексте *позитивных* обязательств, необходимо обращать внимание на справедливое соотношение конкурирующих интересов личности и общества в целом; в обоих контекстах государство пользуется определенной свободой усмотрения... Статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] требует, чтобы государственные органы обеспечивали справедливый баланс между интересами ребенка и интересами родителей, при этом *первостепенное значение следует придавать именно интересам ребенка*, которые, в зависимости от их характера и серьезности, могут преобладать над интересами родителей (пункт 63 постановления от 16 июля 2015 г. по делу Назаренко против Российской Федерации).

Суд должен рассмотреть вопрос о том, являлись ли приведенные для обоснования оспариваемой меры⁹⁵ доводы, в свете всего дела в целом, *существенными и достаточными* в контексте пункта 2 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Кроме того, он примет во внимание обязательство, которое в принципе имеется у [г]осударства-участника в отношении *сохранения связи между родителями и их детьми* (пункт 92 постановления от 19 марта 2016 г. по делу Кочеров и Сергеева против Российской Федерации).⁹⁶

Без сомнения, *изучение вопроса о том, что именно будет в наилучших интересах ребенка, является очень важным в любом деле подобного рода.*

---

⁹⁵ Речь шла об *ограничении родительских прав* во исполнение статьи 73 Семейного кодекса Российской Федерации.

⁹⁶ «[О]тсутствие навыков и опыта в воспитании детей, по любым причинам, само по себе вряд ли может рассматриваться как законное основание для ограничения родительских прав или оставления ребенка на государственном попечении» (пункт 106 постановления от 19 марта 2016 г. по делу Кочеров и Сергеева против Российской Федерации).

«По мнению Суда, один лишь данный факт [длительная продолжительность проживания первого заявителя в специализированном учреждении] не может считаться достаточным основанием для обоснования решения национальных судов об ограничении его родительских прав в отношении второй заявительницы и продления срока ее пребывания в детском доме» (пункт 108 постановления от 19 марта 2016 г. по делу Кочеров и Сергеева против Российской Федерации).

«Суд не убежден в том, что *отсутствие у лица дееспособности* само по себе делает его опасным для окружающих» (пункт 115 постановления от 19 марта 2016 г. по делу Кочеров и Сергеева против Российской Федерации).

Кроме того, следует иметь в виду, что у должностных лиц национальных органов власти имеется преимущество в виде возможности непосредственного контакта со всеми заинтересованными лицами. Из этих рассуждений следует, что задачей Суда является не подмена собой национальных органов власти при осуществлении ими своих обязанностей в отношении вопросов опеки и общения, а проверка в свете положений Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] решений, принятых этими органами при осуществлении их дискреционных полномочий (пункт 93 постановления от 19 марта 2016 г. по делу *Кочеров и Сергеева против Российской Федерации*).

Пределы свободы усмотрения, которой должны наделяться компетентные национальные органы власти, неодинаковы. Такая свобода усмотрения будет зависеть от характера вопросов, являющихся предметом спора по тому или иному делу, и от важности интересов, которые затрагивает. Поэтому Суд признал, что власти пользуются свободой усмотрения при принятии решений по вопросам опеки и попечительства. Однако в отношении дальнейших ограничений, таких как ограничение властями родительских прав на общение с детьми, либо в отношении правовых гарантий, направленных на эффективную защиту прав родителей и детей на уважение их семейной жизни, предусматривается более тщательное рассмотрение фактов. Такие дальнейшие ограничения влекут за собой опасность того, что семейные отношения между маленьким ребенком и одним или обоими родителями будут *фактически прекращены* (пункт 94 постановления от 19 марта 2016 г. по делу *Кочеров и Сергеева против Российской Федерации*).

[Р]одитель не может иметь право в соответствии со статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] на такие меры, которые могут навредить здоровью и развитию ребенка (пункт 95 постановления от 19 марта 2016 г. по делу *Кочеров и Сергеева против Российской Федерации*).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

При определении широты рамок допустимой свободы усмотрения, предоставляемой государству в связи с применением положений статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в любом деле необходимо учитывать ряд факторов. *Когда речь идет об особенно важном аспекте существования или особенностей личности индивидуума, предоставляемые государству рамки усмотрения будут сужены...* Однако в тех случаях, когда среди государств — членов Совета Европы отсутствует консенсус либо по вопросу об относительной важности затрагиваемого

*интереса, либо по вопросу об оптимальных средствах его защиты, особенно когда дело затрагивает деликатные моральные или этические проблемы, рамки допустимого усмотрения государства будут шире... Рамки усмотрения государства будут также широки, если от государства требуется установить справедливый баланс конкурирующих частных и публичных интересов или прав, охраняемых Конвенцией (пункт 77 постановления от 10 апреля 2007 г. по делу *Эванс против Соединенного Королевства*).⁹⁷*

6. Позитивные обязательства государства по защите права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[Х]отя задача статьи 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] состоит в основном в защите лица от произвольного вмешательства со стороны государственных органов, это не означает, что Власти обязаны просто воздержаться от такого вмешательства; в дополнение к этому первоначальному негативному обязательству, могут существовать и позитивные обязательства в отношении уважения частной и семейной жизни. Эти обязательства могут включать принятие мер, обеспечивающих уважение к частной и семейной жизни даже в области отношений частных лиц друг с другом. Граница между позитивными и негативными обязательствами Властей согласно этому положению не подлежит точному определению. Применимые принципы, тем не менее, похожи. В обоих контекстах необходимо уделить внимание справедливому балансу между сталкивающимися интересами отдельного лица и сообщества в целом; и в обоих контекстах Власти используют определенную свободу

⁹⁷ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99350>

По делу заявительница в своей жалобе утверждала, что в нарушение статей 2, 8 и 14 Конвенции законодательство Соединенного Королевства позволило ее бывшему сожителю фактически отозвать свое согласие на хранение и использование ею эмбрионов, произведенных ими совместно. Заявительница также настаивала на том, что на человеческий эмбрион распространяется предусмотренное Конвенцией «право на жизнь». Европейский Суд напомнил, что вопрос о том, какой момент можно считать началом действия права человека на жизнь, находится в пределах свободы усмотрения каждого государства, где возникает такой вопрос. По законодательству Соединенного Королевства человеческий зародыш не имеет самостоятельных прав или законных интересов и не может претендовать — или чтобы от его имени претендовали — на охрану права на жизнь со ссылками на статью 2 Конвенции.

Суд, исходя из норм законодательства Соединенного Королевства, пришел к выводу, что отказ сожителя заявительницы от дальнейшего хранения замороженных эмбрионов был правомерен и что по делу поэтому не было допущено никаких нарушений Конвенции.

усмотрения (пункт 219 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу *Агеевы против Российской Федерации*).

*Эти [позитивные] обязательства могут включать принятие мер, обеспечивающих уважение к частной жизни даже в области отношений частных лиц друг с другом. Имеются различные способы обеспечения уважения к частной жизни и характер обязательства Властей будет зависеть от конкретного рассматриваемого аспекта частной жизни. Хотя выбор средств по обеспечению соблюдения статьи 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] в сфере защиты от действий отдельных лиц находится, по существу, в пределах свободы усмотрения Властей, эффективное сдерживание от серьезных действий, когда под угрозу поставлены основополагающие ценности и существенные аспекты частной жизни, требует наличия действенных положений уголовного права (пункт 195 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу *Агеевы против Российской Федерации*).*

*В тех случаях, когда от государства требуется принять позитивные меры для нахождения справедливого баланса между интересами заявителя и общества в целом, цели, которые упоминаются в пункте 2 [с]татья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], могут являться предметом отдельного рассмотрения, хотя это условие относится только к «вмешательству» в права человека, защищаемые пунктом 1 - другими словами, когда речь идет о негативных обязанностях, вытекающих из требований пункта 1 [с]татья 8 Конвенции (пункт 99 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).*

*[Г]осударство имеет позитивное обязательство по обеспечению эффективной защиты детей (пункт 88 постановления от 12 февраля 2009 г. по делу *Нолан и К. против Российской Федерации*).*

*Что касается обязательства Властей по принятию позитивных мер, Суд неоднократно признавал, что статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] включает в себя право родителей на меры, принимаемые с целью их воссоединения со своими детьми, и обязательство национальных властей принимать такие меры. Это применяется не только к делам, относящимся к принудительному отбиранию детей под опеку государства и введению мер по попечительству, но также к делам, в которых между родителями и/или другими членами семьи ребенка имеют место споры по вопросам контакта и проживания в отношении детей (пункт 150 постановления от 11 декабря 2014 г. по делу *Громадка и Громадкова против Российской Федерации*).*

[Исполнение государством позитивных обязательств в сфере отношений между частными лицами]... относится и к защите изображения человека от злоупотреблений со стороны других лиц (пункт 53 постановления от 20 июня 2017 г. по делу *Богомолова против Российской Федерации*).⁹⁸

«Уважение» семейной жизни подразумевает наличие у государства обязательства действовать таким образом, чтобы способствовать нормальному развитию семейных связей (пункт 121 постановления от 18 июля 2017 г. по делу *Макилрот (McIlwrath) против Российской Федерации*).⁹⁹

Суд отмечает..., что в тех делах, где было установлено наличие семейных связей, государство-участник в принципе должно действовать таким образом, чтобы всячески способствовать развитию таких связей... Статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... налагает на каждое государство обязанность добиваться воссоединения биологических родителей с их детьми..., а любые меры, связанные с осуществлением временной государственной помощи, должны соответствовать этой конечной цели... К тому же... те же принципы устанавливаются в соответствующих

---

⁹⁸ «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 6 (192) 2018 г. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

В ноябре 2007 года заявительница узнала, что на обложке буклета «Дети нуждаются в семье», подготовленного Центром психолого-медико-социального сопровождения, была опубликована фотография ее сына.

Заявительница со ссылкой на статью 8 Конвенции от своего имени и от имени своего несовершеннолетнего сына жаловалась в Европейский Суд на то, что несанкционированная публикация фотографии ее сына в буклете, изготовленном Центром, затронуло ее личную и семейную жизнь. Она также утверждала, что суды Российской Федерации не защитили ее право и право ее сына на уважение их личной и семейной жизни.

По делу допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

⁹⁹ «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 6 (192) 2018 г. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

Заявитель жаловался на нарушение права на уважение его семейной жизни, поскольку власти Российской Федерации не помогли ему воссоединиться с его детьми после того, как их мать увезла их из Италии в Российскую Федерацию. Он ссылался на статью 8 Конвенции.

Учитывая обстоятельства дела в целом, Европейский Суд посчитал, что власти Российской Федерации не выполнили своего обязательства помочь заявителю при рассмотрении поданных им ходатайств и, таким образом, не выполнили свое позитивное обязательство в соответствии со статьей 8 Конвенции.

международных документах¹⁰⁰ (пункт 98 постановления от 19 марта 2016 г. по делу *Кочеров и Сергеева против Российской Федерации*).

[К]огда государственные органы, но не другие члены семьи знают о смерти, соответствующие органы обязаны, по крайней мере, принять *разумные* меры для обеспечения того, чтобы об этом были проинформированы оставшиеся в живых члены семьи (пункт 38 постановления от 24 апреля 2018 г. по делу *Лозовые против Российской Федерации*).¹⁰¹

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

[Н]а государства-участники возлагается позитивное обязательство обеспечивать право лиц, находящихся под их юрисдикцией, на эффективное уважение их прав на основании статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Для оценки таких *позитивных обязательств* следует учитывать, что верховенство права, один из фундаментальных принципов демократического общества, присущ всем статьям Конвенции. Соблюдение требований, налагаемых принципом верховенства права, предполагает, что нормы национального права должны обеспечивать меры правовой защиты от произвольных вмешательств публичных властей в права, гарантированные Конвенцией (пункт 140 постановления от 8 ноября 2011 г. по делу *V.C. против Словакии*).¹⁰²

---

¹⁰⁰ «Конвенция Организации Объединенных Наций о правах инвалидов и документы Совета Европы, такие как рекомендации и план действий Комитета министров, призывают государства внимательно изучить потребности родителей и детей с ограниченными возможностями и предусмотреть для них меры поддержки, которые позволят первым получить необходимые знания для выполнения своих обязанностей по отношению к своим детям, а последним — расти в своих семьях, принимать участие в жизни и деятельности общества и местных детей. Стороны, вступившие в дело в качестве третьих лиц, также отметили, что в делах *«Кутцнер против Германии»* ... и *«Савины против Украины»* ... [Европейский] Суд подтвердил наличие у государств позитивного обязательства по поддержанию семейных связей между родителями и детьми в качестве составляющей права на уважение семейной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции, а также их обязательство по усиленной защите уязвимых категорий лиц» (пункт 85 постановления от 19 марта 2016 г. по делу *Кочеров и Сергеева против Российской Федерации*).

¹⁰¹ Российская хроника Европейского Суда. № 1(49)2019. Перевод с английского языка Д.Г. Николаева.

Заявители, муж и жена, жаловались на то, что власти не уведомили их надлежащим образом о смерти их сына, в результате чего они длительное время ничего не знали о его местонахождении и были лишены возможности похоронить его.

Имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

¹⁰² Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116215>

*Европейский Суд подчеркивает важность разумного подхода к определению содержания позитивных обязательств по защите частной жизни в целом, а также необходимость признания многообразия возможных методов, при помощи которых такое уважение достигается.... Высокие Договаривающиеся Стороны обладают свободой усмотрения в отношении выбора средств, при помощи которых обеспечивается соблюдение такого позитивного обязательства в сфере взаимодействия между частными лицами... Однако такая свобода усмотрения не освобождает государства от контроля со стороны конвенциональных органов (пункт 107 постановления от 10 мая 2011 г. по делу *Мосли против Соединенного Королевства*).¹⁰³*

Заявительница жаловалась на то, что она подверглась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в связи со стерилизацией и что власти не провели тщательное, справедливое и эффективное расследование обстоятельств, которые ее сопровождали.

В настоящем деле осуществленная в отношении заявительницы стерилизация оказала серьезное влияние на ее личную и семейную жизнь, и Европейский Суд пришел выше к выводу о том, что она нарушала статью 8 Конвенции.

¹⁰³ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116193>

Заявитель утверждал, что *позитивное обязательство* государства может возникнуть на основе положений статьи 8 Конвенции даже в сфере взаимоотношений между частными лицами. В настоящем деле, с его точки зрения, государство-ответчик было обязано предоставить ему возможность просить суд выдать запретительный приказ на основе требования о предварительном уведомлении о готовящейся публикации статьи, содержащей информацию о его личной жизни. Заявитель подчеркнул, что в его деле информация о подробностях наиболее интимной сферы его частной жизни была размещена на первой и нескольких внутренних страницах газеты, примерное число читателей которой в Соединенном Королевстве составляет десять миллионов человек. Фотографии обличающего характера, сделанные тайно, были также размещены на сайте газеты и неизбежно появились на иных сайтах в сети «Интернет». Заявитель высказал мнение, что, из решения судьи явным образом следует, что, если бы у заявителя была возможность просить суд о выдаче судебного приказа, такой приказ был бы ему предоставлен.

При рассмотрении указанного дела Европейский Суд обратил внимание на необходимость выйти за пределы обстоятельств дела и рассмотреть общий характер последствий применения правила о предварительном уведомлении. При этом, по мнению Суда, не следовало выпускать из вида, что требования статьи 10 Конвенции предоставляют незначительную свободу при введении ограничений на право средств массовой информации публиковать материалы, вносящие вклад в дискуссию, имеющую общественное значение. Таким образом, приняв во внимание потенциальное охлаждающее воздействие требования о предварительном уведомлении, серьезные сомнения в эффективности последнего, а также широкую свободу усмотрения государства в этой сфере, Европейский Суд пришел к выводу, что положения статьи 8 Конвенции не требуют обязательного предварительного уведомления. Соответственно, Европейский Суд заключил, что отсутствие такого требования в законодательстве Соединенного Королевства не составило нарушения статьи 8 Конвенции.

[П]ри определении пределов свободы усмотрения, принадлежащей государству в деле о предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], во внимание принимается ряд факторов.

Во-первых, Европейский Суд повторяет, что *содержащееся в статье 8 понятие «уважение» не является однозначным, особенно в свете позитивных обязательств, неразрывно с ним связанных*: в контексте многообразия возникающих ситуаций и мер, к которым прибегают государства-участники, требования, вытекающие из этого понятия, значительным образом зависят от обстоятельств конкретного дела... Таким образом, Высокие Договаривающиеся Стороны обладают широкой свободой усмотрения при определении мер, необходимых для соблюдения требований Конвенции... В этом отношении Европейский Суд напоминает, что по причине их непосредственной и постоянной связи с жизненными силами внутри страны власти государств-участников в принципе находятся в лучшем, нежели международный судья, положении с точки зрения оценки оптимальных средств обеспечения права на уважение частной жизни в рамках национального правопорядка (пункт 108 постановления от 10 мая 2011 г. по делу *Мосли против Соединенного Королевства*).¹⁰⁴

Европейский Суд... указывал в различных контекстах, что *концепция личной жизни включает физическую и психологическую неприкосновенность лица и что государства имеют позитивное обязательство по предотвращению нарушений физической и психологической неприкосновенности лица со стороны иных лиц, когда власти знают или должны знать об этих*

---

¹⁰⁴ «Во-вторых, пределы свободы усмотрения также зависят от характера затронутой сферы общественных отношений. Европейский Суд ранее отмечал, что в случае конфликта между положениями национального права и важными аспектами, касающимися идентичности человека, речь может идти о серьезном вмешательстве в частную жизнь ... Таким образом, в делах по статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], затрагивающих особо значимые грани частной жизни человека, свобода усмотрения государства сужается... Это верно также и в отношении дел, которые касаются особо интимных аспектов частной жизни» (пункт 109 постановления от 10 мая 2011 г. по делу *Мосли против Соединенного Королевства*).

«В-третьих, для определения сферы свободы усмотрения государства еще одним важным фактором является наличие или отсутствие консенсуса среди государств – участников Совета Европы – либо относительно важности интереса, затронутого в деле, либо по вопросу наилучших средств его защиты: в случае отсутствия такого согласия свобода усмотрения государства обычно широка... Аналогичным образом при толковании гарантий, предоставляемых Конвенцией [о защите прав человека и основных свобод], и, в частности, при определении какого-либо общего европейского стандарта в той или иной области во внимание принимаются стандарты, содержащиеся в международно-правовых актах и докладах» (пункт 110 постановления от 10 мая 2011 г. по делу *Мосли против Соединенного Королевства*).

нарушениях... Европейский Суд также пришел к выводу о том, что существует *позитивное обязательство* государства по обеспечению уважения человеческого достоинства и качества жизни в определенных отношениях (пункт 49 постановления от 26 июля 2011 г. по делу *Геортели Георгета Стоическу против Румынии*).¹⁰⁵

[В]... [п]остановлении Большой Палаты по делу «*A.V. и С. Против Ирландии*» (*A.V. and C. v. Ireland*) от 16 декабря 2010 г.,... Европейский Суд напомнил следующие принципы, касающиеся *понятия позитивных обязательств*:

«247. Принципы, применимые к оценке *позитивных* и *негативных* обязательств на основании Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], являются аналогичными. *Необходимо принимать во внимание справедливое равновесие*, которое должно устанавливаться между конкурирующими интересами лица и общества в целом, при этом цели, предусмотренные пунктом 2 статьи 8 Конвенции, имеют определенное значение...

248. Понятие «*уважение*» не является четко очерченным, особенно в отношении *позитивных* обязательств: с учетом разнообразия принятых практик и возникающих ситуаций в государствах-участниках требования этого понятия будут существенно отличаться в разных делах... Тем не менее определенные факторы рассматриваются как относимые для оценки содержания указанных позитивных обязательств государств.

Некоторые факторы касаются заявителя:

важность интереса, являющегося предметом спора, и вопрос о том, затронуты ли «*фундаментальные ценности*» или «*существенные аспекты*» личной жизни...; и

воздействие на заявителя противоречий между социальной реальностью и правом, связь административных и правовых практик в рамках национальной системы рассматривается как важный фактор в оценке, осуществляемой на основании статьи 8 Конвенции....

Некоторые факторы касаются позиции государства:

является ли предполагаемое обязательство узким и определенным или широким и неопределенным..., и

тяжесть бремени, которое данное обязательство возложит на государство...» (пункт 50 постановления от 26 июля 2011 г. по делу *Геортели Георгета Стоическу против Румынии*).

Обязательство по принятию необходимых мер должно толковаться способом, который не возлагает нереальное или несоразмерное бремя на власти. С точки зрения Европейского Суда, не каждая обжалуемая угроза физической неприкосновенности может повлечь предъявление к властям конвенционного требования о принятии практических мер для

¹⁰⁵ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116198>

Ссылаясь на статьи 3 и 8 Конвенции, заявительница жаловалась на нападение на нее стаи бродячих собак, утверждая, что это было обусловлено уклонением властей от принятия адекватных мер против многочисленных бродячих собак в Бухаресте, которые представляли угрозу для безопасности его жителей.

предотвращения реализации этой угрозы. Европейский Суд полагает, что должно быть установлено к его удовлетворению, что власти знали или должны были знать на тот момент о существовании реальной и непосредственной угрозы жизни или физической целостности конкретного лица и что они не приняли меры в рамках их полномочий, от которых, рассуждая разумно, могло ожидаться устранение этой угрозы (пункт 51 постановления от 26 июля 2011 г. по делу *Георгели Георгета Стоическу против Румынии*).

Европейский Суд указывал, что, если вмешательство в право на жизнь или физическую неприкосновенность не причинено умышленно, позитивное обязательство по установлению «эффективной судебной системы» не требует с необходимостью возбуждения уголовного дела в каждом случае и может быть соблюдено, если гражданские, административные или даже дисциплинарные средства правовой защиты были доступны потерпевшему (пункт 52 постановления от 26 июля 2011 г. по делу *Георгели Георгета Стоическу против Румынии*).

*[E]сли речь идет об общем интересе, который достигает такой степени серьезности, что становится проблемой здравоохранения, публичные власти обязаны действовать своевременно, адекватным и последовательным способом... В своей оценке Европейский Суд признает, что меры и действия, которые должны быть разработаны и осуществлены, представляют собой не обязательство результата, а обязательство принятия мер (пункт 59 постановления от 26 июля 2011 г. по делу *Георгели Георгета Стоическу против Румынии*).¹⁰⁶*

---

¹⁰⁶ «В задачу Европейского Суда не входит подмена собой компетентных национальных властей при определении наилучшей политики решения проблем здравоохранения и общественной безопасности, подобных ситуации с бродячими собаками в Румынии. В этой связи он признает, что на власти не должно возлагаться нереальное или несоразмерное бремя без учета, в частности, оперативных решений, которые они вынуждены принимать в отношении приоритетов и ресурсов...; это обусловлено широкой свободой усмотрения, которой пользуются государства, как ранее постановил Европейский Суд, в различных сферах, таких как затронутая в настоящем деле¹⁰⁶ ... При оценке соблюдения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] Европейский Суд должен всесторонне рассмотреть различные затронутые интересы, принимая во внимание, что Конвенция призвана гарантировать права, являющиеся «практическими и эффективными». Это применимо и к делам, в которых обычная общественная проблема достигает такого уровня, что она начинает представлять серьезную и конкретную физическую угрозу для населения. Европейский Суд также должен игнорировать внешние стороны и исследовать реалии обжалуемой ситуации. Эта оценка должна также охватывать поведение сторон, включая меры, принятые государством, и их реализацию» (пункт 59 постановления от 26 июля 2011 г. по делу *Георгели Георгета Стоическу против Румынии*).

[О]бязанность национальных властей принимать подобные меры [право родителя на меры, способные воссоединить его с ребенком] не является абсолютной, поскольку воссоединение родителя с детьми, которые уже прожили некоторое время с другим родителем, не может быть осуществлено немедленно, и для этого может потребоваться принятие каких-либо подготовительных мер. Характер и степень такой подготовительной стадии зависят от обстоятельств каждого конкретного дела, но понимание и сотрудничество всех заинтересованных лиц всегда являются важным элементом. Хотя национальные власти должны прилагать все возможные усилия для облегчения такого сотрудничества, *обязательство, связанное с применением насилия в этой сфере, должно быть ограничено*, поскольку необходимо учитывать как интересы, так и права и свободы всех заинтересованных лиц и, прежде всего, интересы ребенка и его права, предусмотренные статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В том случае, если общение ребенка с родителями может поставить под угрозу эти интересы или вмешаться в осуществление таких прав, национальные власти должны установить между ними справедливое равновесие (пункт 82 постановления от 1 февраля 2011 г. по делу *Каруссиотис против Португалии*).¹⁰⁷

[Т]от факт, что право заявителя на уважение его личной жизни и корреспонденции было нарушено действиями частного работодателя, [обуславливает], что настоящая жалоба должна быть рассмотрена с точки зрения *позитивных обязательств* государства (пункт 111 постановления

---

¹⁰⁷ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117488>

Заявительница утверждала, что власти Португалии не предприняли эффективных и быстрых мер для того, чтобы, с одной стороны, вернуть ее ребенка в Германию, а с другой стороны, предоставить ей право содержать и воспитывать ребенка в нарушение статьи 8 Конвенции.

Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд счел, что судебные власти Португалии не приняли эффективных мер для того, чтобы оперативно провести судебные разбирательства. Проволочки в ходе разбирательства привели к разрыву между матерью и ребенком более чем на пять лет, допустив между ними возрастающее «отчуждение» в ущерб высшим интересам ребенка. Следовательно, нельзя говорить о том, что право заявительницы было эффективно защищено, как этого требует Конвенция.

«В отношении *позитивного* обязательства государства Европейский Суд неоднократно указывал, что *статья 8 Конвенции* [о защите прав человека и основных свобод] предполагает право родителя на меры, способные воссоединить его с ребенком, и *обязательство национальных властей принять такие меры*» (пункт 81 постановления от 1 февраля 2011 г. по делу *Каруссиотис против Португалии*).

Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).¹⁰⁸

*[П]ри некоторых обстоятельствах позитивные обязательства государства по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не считаются исполненными надлежащим образом, если государство не обеспечивает уважение личной жизни и взаимоотношений между людьми путем принятия соответствующих законодательных актов, учитывая различные интересы, которые подлежат защите в определенном контексте (пункт 115 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).*

*[О]рган[ы] государственной власти.... будут нести ответственность, если обжалуемые факты будут обусловлены неспособностью властей обеспечить использование заявителем его права, гарантированного статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 110 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).*¹⁰⁹

Практика Комитета ООН по правам человека

Государства-участники обязаны не участвовать сами в осуществлении вмешательств, несовместимых со статьей 17... [Международного пакта о гражданских и политических правах], и обеспечивать правовую основу, запрещающую такие действия со стороны физических или юридических лиц (пункт 9 Замечания общего порядка № 16. Статья 17. Право на личную жизнь. Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

Для обеспечения защиты, предусмотренной в статье 23... [Международного пакта о гражданских и политических правах], необходимо, чтобы

¹⁰⁸ «[О]бжалуемая заявителем мера, а именно просмотр его переписки, осуществленной с помощью программы обмена мгновенными сообщениями компании Yahoo, что привело к возбуждению против заявителя дисциплинарного производства и увольнению за нарушение правил внутреннего распорядка компании-работодательницы, которыми запрещалось пользоваться ресурсами компании в личных целях, была осуществлена не органом государственной власти, а коммерческой частной компанией» (пункт 109 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

«Существуют различные способы соблюдения права на личную жизнь, и характер обязательства государства будет зависеть от определенного аспекта рассматриваемой личной жизни» (пункт 113 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

¹⁰⁹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 10. С. 106-138.

государства-участники приняли меры законодательного, административного и иного характера (пункт 3 Замечания общего порядка № 19. Статья 23 (семья). Принято Комитетом по правам человека на его 39-й сессии (1990 г.)).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Для того чтобы установить обязательство постепенной реализации права на жилище, оно должно быть предусмотрено в законодательстве. Конституция Кении 2010 года представляет собой полезную модель, требующую от государства принятия «законодательных, политических и иных мер» для постепенной реализации права на жилище и устанавливающую принципы оценки соответствия распределения ресурсов и мер политики положениям пункта 4 статьи 8 Факультативного протокола¹¹⁰ (пункт 30 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. А/НRC/40/61).¹¹¹

¹¹⁰ Конституция Кении, ст. 21, часть 2; см., однако, Court of Appeal, *Kenya Airports Authority v. Mitu-Bell Welfare Society and others*, civil appeal No. 218, Judgment of 11 April 2013, где Суд ссылается на доктрину «политических вопросов», в обоснование ограничения защиты права на альтернативное жилье для выселенной общины.

¹¹¹ «Во многих латиноамериканских странах процедура ампаро может служить средством правовой защиты на право на жилище, в том числе в случае нарушений, связанных с его постепенной реализацией [Верховный суд Аргентины, QC., S.Y. с. Gobierno de la Ciudad de Buenos Aires, ходатайство об ампаро, постановление от 24 апреля 2012 года; Конституционный суд Эквадора, дело № 1207-10-EP, постановление от 17 апреля 2012 года; Конституционный суд Колумбии, постановление № T-025/04, 17 июня 2004 года]. Например, в деле, возбужденном женщиной и ее сыном, жившими в условиях бездомности, суд в Аргентине потребовал от правительства осуществить план по ликвидации бездомности с указанием графика осуществления, участия бездомных и распределения имеющихся ресурсов в их максимальных пределах [Cámara de Apelaciones en lo Contencioso Administrativo y Tributario de la Ciudad Autónoma de Buenos Aires, Ramallo, Beatriz y otros с. Gobierno de la Ciudad de Buenos Aires, постановление от 12 марта 2002 года]» (пункт 31 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. А/НRC/40/61).

«Индийские суды признают, что конституционное обязательство постепенной реализации права на жилище может быть выведено из гарантии права на жизнь [Supreme Court of India, *People's Union for Civil Liberties v. Union of India and Others*, No. 196 of 2001, Judgment of 30 November 2001; Bombay High Court, *Shivaji Krishna Zunjare v. State of Maharashtra and Others*, Judgment of 23 July 2004, para. 6.]. Такой толковательный подход согласуется с недавно принятым Комитетом по правам человека общим замечанием о

Пересмотренная Европейская социальная хартия¹¹² предоставила важный контекст для выдвижения требований, связанных с постепенной реализацией права на жилище. *Статья 31 пересмотренной Хартии*¹¹³ *требует от государств принятия позитивных мер по расширению доступа к достаточному жилищу в целях предотвращения и сокращения бездомности и обеспечения доступного жилья для малоимущих семей.* В деле *ЕФНОБР против Франции* Европейский комитет по социальным правам уточнил обязательство государств «принимать меры в разумные сроки, с ощутимым прогрессом и при максимальном использовании имеющихся ресурсов»¹¹⁴. Более недавние случаи касались права на жилище общин странников и рома, семей и несопровождаемых детей¹¹⁵ (пункт 33 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. А/НRC/40/61).

праве на жизнь, в котором признается, что право на жизнь требует «надлежащих мер», призванных учитывать «общие условия в обществе [такие как] бездомность», чтобы обеспечить условия, необходимые для достойной жизни [см. Замечание общего порядка № 36 (2018) о праве на жизнь, пункт 26]» (пункт 32 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. А/НRC/40/61).

¹¹² Российская Федерация является участником указанного международного договора.

¹¹³ В силу упомянутого договорного положения «[в] целях обеспечения эффективного осуществления права на жилье Стороны обязуются принимать меры, направленные на:

1. содействие доступу к жилью, отвечающему должным требованиям;
2. предотвращение бездомности и сокращение ее масштабов с целью ее постепенной ликвидации;
3. доступность цен на жилье для людей, не имеющих достаточных средств».

Нельзя не отметить, что согласно Федеральному закону от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года» Российская Федерация в соответствии с пунктом 1 статьи А части III Хартии приняла обязательства в отношении положений, предусмотренных частью I, статьями 1, пунктами 1, 3 - 7 статьи 2, статьей 3, пунктами 2 - 5 статьи 4, статьями 5 - 11, пунктом 1 статьи 12, статьей 14, пунктами 1 и 2 статьи 15, статьями 16 и 17, пунктом 4 статьи 18, пунктами 5 и 9 статьи 19, статьями 20 - 22, 24, 27 - 29 части II Хартии.

¹¹⁴ European Committee on Social Rights, *European Federation of National Organisations Working with the Homeless (FEANTSA) v. France* (complaint No. 39/2006), Merits, decision of 5 December 2007, para. 58.

¹¹⁵ European Committee on Social Rights, *European Roma and Travelers v. Czech Republic* (complaint No. 104/2014), Merits, decision of 17 May 2016; *International Federation for Human Rights (FIDH) v. Ireland* (complaint No. 110/2014), Merits, decision of 12 May 2017; and *European Committee for Home Based Priority Action for the Child and the Family v. France* (complaint No. 114/2015), Merits, decision of 24 January 2018.

6.1.Процедурные (процессуальные) аспекты защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища как элемент позитивных обязательств государства. Право на эффективные средства правовой защиты

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[П]ринцип субсидиарности не означает абсолютный отказ от контроля за результатом, полученным за счет использования внутригосударственных средств правовой защиты, иначе права, гарантированные Конвенцией [о защите прав человека и основных свобод], были бы лишены своей сути. *Когда национальным органам предоставлены полномочия, способные привести к вмешательству в осуществление гарантируемого Конвенцией права, процессуальные гарантии, предоставленные частному лицу, будут иметь особенно важное значение при разрешении вопроса о том, не вышло ли государство-ответчик за отведенные ему пределы оценки. Хотя в статье 8 Конвенции не содержится прямых процессуальных требований, процесс принятия решений, ведущий к вмешательству, должен быть справедливым и должен обеспечивать надлежащее соблюдение интересов частного лица, охраняемых статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 36 постановления от 25 октября 2016 г. по делу *Джураев и Шалкова против Российской Федерации*).*

[Европейский] Суд должен разрешить вопрос о том, были ли обеспечены достаточные процессуальные гарантии при проведении судебных разбирательств в национальных судах. В связи с этим Суд напоминает, что *даже если речь идет о государственной безопасности, концепции законности и верховенства права в демократическом обществе требуют, чтобы на меры, влияющие на основополагающие права человека, распространялась бы некая состязательная процедура в независимом органе государственной власти, уполномоченном оценивать причины принятия решения и соответствующие доказательства, при необходимости с соответствующими процессуальными ограничениями на использование информации, имеющей гриф ограниченного пользования. Частное лицо должно иметь возможность оспорить утверждение представителя исполнительной власти о том, что национальная безопасность находится под угрозой. В отсутствие таких гарантий органы внутренних дел либо иные органы государственной власти будут иметь возможность произвольно посягать на права, охраняемые Конвенцией [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 37 постановления от 25 октября 2016 г. по делу *Джураев и Шалкова против Российской Федерации*).*

[Г]раницы свободы усмотрения государства зависят от качества процедуры принятия решений. *Если процедура страдала серьезными недостатками в каком-либо отношении, выводы властей страны в большей степени открыты для критики* (пункт 89 постановления от 27 марта 2008 г. по делу *Штукатуров против Российской Федерации*).

Статья 6 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] четко предусматривает определенную быстроту проведения судебных разбирательств [по делам, связанным с защитой права лица на уважение семейной жизни], однако, она также предусматривает более общий принцип, надлежащего осуществления правосудия (пункт 144 постановления от 1 августа 2013 г. по делу *Антонюк против Российской Федерации*).

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет напоминает о том, что статья 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] обеспечивает защиту личного достоинства и репутации и что государства обязаны обеспечивать принятие в этих целях надлежащего законодательства. *Каждому должна быть также обеспечена эффективная защита от любых имевших место незаконных посягательств и эффективные средства правовой защиты от тех, кто совершает такие посягательства*¹¹⁶ (пункт 7.6 Сообщений Комитета по правам человека от 19 июля 2017 г. по делу *Хидирназар Аллакулов против Узбекистана*).¹¹⁷

Практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

Комитет рассматривает *многие составляющие элементы права на достаточное жилье как являющиеся по меньшей мере совместимыми с*

¹¹⁶ См. Замечание общего порядка Комитета ООН по правам человека № 16 (1988) о праве на личную жизнь, пункт 11.

¹¹⁷ «Комитет принимает к сведению утверждения автора, касающиеся опровержения двух газетных статей, содержащих обвинения его в мошенничестве. Эти утверждения касаются отмены в надзорном порядке Президиумом Ташкентского городского суда окончательных решений этого суда от 11 сентября 2009 года и 13 октября 2009 года, которые имели целью дать разъяснения относительно приведения в исполнение его решения от 16 января 2009 года о содержании опровержения. Эти утверждения также касаются того факта, что после отмены вышеуказанных решений Ташкентский городской суд отказался дать разъяснения относительно приведения в исполнение его решения от 16 января 2009 года, в результате чего исполнение этого решения стало фактически невозможным» (пункт 6.5 Сообщений Комитета по правам человека от 19 июля 2017 г. по делу *Хидирназар Аллакулов против Узбекистана*).

предоставлением внутренних средств правовой защиты. Такие области включают (но не ограничиваются этим):

а) *правовое обжалование*, направленное на предотвращение запланированных выселений или сноса жилья посредством вынесения судебных запрещений;

б) *правовые процедуры получения компенсации* после незаконного выселения;

с) *жалобы на незаконные действия*, предпринятые собственниками жилья (будь то государственного или частного), или - при их поддержке - в отношении размера квартирной платы, содержания жилья и расовой или иных форм расовой дискриминации;

д) *утверждения о какой бы то ни было дискриминации* при предоставлении доступа к жилью; и

е) *жалобы в отношении домовладельцев, касающиеся нездоровых или ненадлежащих жилищных условий.* В некоторых правовых системах, вероятно, было бы также целесообразным изучить возможность оказания содействия предъявлению групповых исков в ситуациях, связанных со значительно возросшим числом бездомных лиц (пункт 17 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 6-й сессии (1991 г.). E/1992/23).

[Э]то требование¹¹⁸ включает в себя принятие мер, обеспечивающих доступ к эффективным средствам судебной защиты в отношении прав, признанных в Пакте, поскольку, как отметил Комитет в своем [З]амечании общего порядка № 9, *каждое право предполагает наличие средства его защиты*¹¹⁹ (пункт 11.3 Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 17 июня 2015 г. по делу *И. Д. Г. против Испании*).

Комитет считает, что во исполнение вышеупомянутых обязательств [надлежащая процедурная защита и надлежащее судебное разбирательство] *власти обязаны предпринять все разумные шаги и усилия, направленные на обеспечение того, чтобы уведомления о наиболее важных решениях и постановлениях суда в рамках административного или судебного*

¹¹⁸ «[С]статья 2... [Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах] налагает целый ряд обязательств, имеющих *безотлагательный характер*. Таким образом, в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Пакта государства-участники обязаны принимать меры для осуществления признаваемых в Пакте прав «всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер» (пункт 11.3 Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 17 июня 2015 г. по делу *И. Д. Г. против Испании*).

¹¹⁹ См. пункт. 2 Замечания общего порядка № 9 (1998 год) Комитета о применении Пакта во внутреннем праве.

*производства осуществлялись надлежащим и эффективным образом, с тем чтобы затрагиваемые лица могли отстаивать в рамках соответствующего процесса свои права (пункт 12.2 Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 17 июня 2015 г. по делу *И. Д. Г. против Испании*).*

*[Н]енадлежащее уведомление об обращении взыскания по ипотечному кредиту, препятствующее защите соответствующим лицом своих прав, представляет собой нарушение права на жилище, в связи с чем Комитет приступает к рассмотрению вопроса о том, является ли сделанное в данном случае уведомление ненадлежащим (пункт 12.4 Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 17 июня 2015 г. по делу *И. Д. Г. против Испании*).*

*[Н]арушение в процедуре уведомления не означало бы нарушения права на жилище, если бы оно не имело существенных последствий для защиты автором права на эффективное использование своего жилища, например в случае, если бы соответствующее лицо могло прибегнуть к другому надлежащему процедурному механизму защиты своих прав и интересов (пункт 13.4 Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 17 июня 2015 г. по делу *И. Д. Г. против Испании*).*

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

В статье 8 Всеобщей декларации прав человека провозглашается, что каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения предоставленных ему основных прав в соответствии с конституцией или законом. Это относится ко всем правам во Всеобщей декларации без какого-либо различия (пункт 7 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Для профилактики посягательств на частную жизнь граждан необходимо обеспечить им более ясную и эффективную защиту. В случаях, когда совершается такое посягательство, в распоряжении всех соответствующих лиц должны иметься реальные средства правовой защиты (пункт 49 Доклада Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни. Размещен 24 ноября 2016 г. A/HRC/31/64).

Гарантированность владения обеспечивает доступ людей к своему жилью и пользование им без опасения подвергнуться принудительному выселению, а также позволяет им улучшать свои жилищные условия и условия жизни. Она закладывает основу для пользования правом на достаточное жилище и другими правами человека во всех их аспектах¹²⁰. И наоборот, когда *негарантированность владения* ведет к принудительным выселениям и бездомности, нарушаются многие права человека и людям отказывают во многих из этих прав (пункт 6 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

Права на обладание. Важной для обеспечения максимально продуктивного использования земли и жилья в социальном плане, а также для осуществления права на достаточное жилище для всех является такая мера, как *правовое признание приоритета прав тех, кто в течение определенного периода занимает государственные, частные или коммунальные земли и жилища, осуществляя свое право обладать землей и жильем без правовых оснований, по сравнению с правами отсутствующих владельцев или государства.* Например, в статье 183 Конституции Бразилии признается *usucarí* в отношении городской земли, используемой под жилье, по истечении пяти лет обладания ею без перерыва или отсутствия возражений при условии, что ее обладатель не имеет никакого другого объекта собственности (пункт 11 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

Административные и судебные процедуры признания факта обладания без правовых оснований должны быть простыми, оперативными и доступными по цене. Должны быть признаны как индивидуальная, так и коллективная формы такого обладания. В тех случаях, когда собственники были принудительно перемещены или были вынуждены бежать из своего дома,

---

¹²⁰ См. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 4 (1991) о праве на достаточное жилище; резолюцию 231 Африканской комиссии по правам человека и народов о праве на достаточное жилище и защите от принудительных выселений, в которой содержится призыв к принятию «конкретных мер по предоставлению гарантий владения всем людям, которые не имеют такой защиты, с предварительного и осознанного согласия затрагиваемых людей»; пункт 55 Основных принципов. Принципиально важный момент заключается в том, что положение о «законных правах владения» в Добровольных руководящих принципах ответственного государственного регулирования вопросов владения используется, но их определения не дает.

следует проявлять осторожность для обеспечения того, чтобы чье-либо право обладания вопреки притязаниям третьих лиц не наносило ущерба праву других лиц на возвращение¹²¹ (пункт 12 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

Права пользования. Должно быть признано и защищено на уровне закона и политики право людей на использование при определенных условиях государственной или частной собственности для удовлетворения своих потребностей в жилье (пункт 13 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

Полное право собственности. Индивидуальная собственность обеспечивает полный контроль над жильем и землей в соответствии с законом и местными нормативными актами, а также защищает собственников от претензий третьих лиц на право обладать ими и от правомочий государства на экспроприацию. Эти качества делают ее желательной формой владения для многих домохозяйств. Поскольку приобретение права собственности обычно обходится дорого, часто возникает необходимость в финансировании жилья. *Гарантированность владения подрывается в тех случаях, когда жильцы-домовладельцы не могут погасить взятых кредитов и не выполняют своих обязательств по ипотеке.* Отчуждение заложенного имущества банками и другими кредитными учреждениями представляет собой серьезную угрозу для пользования правом на достаточное жилище, при этом несоразмерно сильное влияние эта проблема оказывает на наиболее бедные слои населения. *Государства должны принимать все меры для защиты гарантий владения жильцов-домовладельцев и предотвращения утраты жилья и бездомности в результате отчуждения заложенной недвижимости за долги*¹²² (пункт 17 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

---

¹²¹ См. Принципы, касающиеся реституции жилья и имущества в контексте возвращения беженцев и перемещенных лиц. Режим доступа: <http://unhcr.org.ua/img/uploads/docs/Pinheiro%20Principles%20rus.pdf>

¹²² См. доклады Специального докладчика Генеральной Ассамблее А/67/286 и А/68/289.

*Запрещенными для дискриминации*¹²³ основаниями являются имущественное положение и местожительство, в том числе местожительство в официально незарегистрированном населенном пункте¹²⁴. Государствам следует принимать конкретные, намеренные и целевые меры для борьбы с дискриминацией отдельных лиц или групп по такому признаку, как статус владения, при пользовании ими правами человека¹²⁵. Запрет на дискриминацию применяется независимо от того, признаются или не признаются согласно закону механизмы владения, а также от того, существует или нет документальное подтверждение статуса владения (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

Доступ к базовым услугам и объектам. Людям, не имеющим официально признанного статуса владения, нередко отказывают в доступе к базовым услугам и объектам. В некоторых ситуациях государственные и частные поставщики услуг, в частности водопроводно-канализационных услуг и электричества, требуют в качестве предварительного условия подключения к сети или оказания услуги предъявить документ, подтверждающий право собственности. В других ситуациях доступ к социальным объектам, например прием в школу, обусловлен наличием зарегистрированного адреса. *Государствам следует принимать меры для гарантирования того, чтобы доступ к базовым услугам и объектам, обеспечиваемый как государственными, так и частными поставщиками, не зависел от статуса владения, официальной регистрации местожительства или предъявления документа о праве собственности*¹²⁶ (пункт 52 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве

---

¹²³ «Одним из столпов международного права прав человека является принцип недискриминации. Дискриминация представляет собой любое различие, исключение, ограничение или предпочтение или иное дифференцированное обращение, которое прямо или косвенно осуществляется на запрещенных основаниях для дискриминации и целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими прав человека» (пункт 50 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

¹²⁴ Там же, пункты 25 и 34.

¹²⁵ Там же, пункт 36.

¹²⁶ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 15 (2002) о праве на воду, пункт 16.

на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

Приобретение земли. Государства приобретают непропорционально много земель, занимаемых бедными городскими домохозяйствами с неоднозначным статусом владения для проектов, служащих «общественным целям», например для проектов развития инфраструктуры, требующих выселения жителей¹²⁷. Применительно к пользованию правом на достаточное жилище такое положение может быть равнозначно дискриминации по таким признакам, как статус владения и материальное положение. *При отборе мест для проектов, служащих общественным целям, государствам следует обеспечивать, чтобы бедное население городов не было затронуто диспропорционально и чтобы во внимание принимались все альтернативные варианты* (пункт 56 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

На гарантии владения имуществом городской бедноты влияет деятельность разного рода субъектов предпринимательства, в число которых входят застройщики недвижимости, строительные компании, участники спекулятивных операций, агентства недвижимости, землевладельцы, организаторы мегамероприятий и банки. *Защищать индивидов от нарушений прав человека должно государство, но обязанности в отношении прав человека несут и коммерческие предприятия*¹²⁸. Обязанность соблюдать право на достаточное жилище требует от предприятий избегать оказания или содействия оказанию неблагоприятного воздействия на это право и устранять последствия такого воздействия в случае, когда оно имело место. Она требует от предприятий стремиться предотвращать неблагоприятные воздействия на права человека, в частности на гарантированность владения, которые непосредственно связаны с их деятельностью, продукцией или услугами вследствие их деловых отношений, даже если они сами не способствовали оказанию такого воздействия¹²⁹ (пункт 66 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на

¹²⁷ См. *Richard Ballard*, “Geographies of development: Without the poor”, *Progress in Human Geography*, 36, No. 5, pp. 563–572.

¹²⁸ Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты».

Режим

доступа:

http://www.ohchr.org/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_ru.pdf

¹²⁹ Там же, пункт 13 а) и б).

недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

6.2. Вопросы судебной защиты права лица на уважение (достаточного) жилища¹³⁰

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Если в контексте самой статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] возникают соображения социально-экономической политики, объем пределов усмотрения зависит от содержания дела, причем особое значение придается масштабам вмешательства в личную сферу заявителя... Процессуальные гарантии, доступные лицу, имеют особое значение при определении того, вышло ли государство-ответчик за пределы своего усмотрения при создании регулятивной базы... *(Любое лицо, которому угрожает вмешательство в его право на уважение жилища, в принципе должно иметь право на проверку пропорциональности и разумности меры независимым судом с учетом применимых принципов статьи 8 Конвенции, хотя бы даже в соответствии с национальным законодательством оно не имело право на занятие квартиры... Однако Европейский Суд подчеркивает, что этот вопрос не возникает автоматически в каждом деле, затрагивающем спор о выселении. Если заявитель прибегает к защите со ссылкой на статьи 8 Конвенции с целью воспрепятствования выселению, он должен ее обосновать, а его противник вправе оспаривать этот довод (пункт 83 постановления от 3 февраля 2011 г. по делу *Игорь Васильченко против Российской Федерации*).*

Суд напоминает, что *утрата жилища является одним из наиболее серьезных вмешательств в право на уважение жилища, а также что любое лицо, которому грозит опасность стать жертвой такого посягательства, должно иметь возможность добиться рассмотрения соразмерности данной меры судом.* В частности, национальные судебные органы обязаны подробно рассмотреть аргументы, сформулированные заявителем в ходе судебного разбирательства на внутригосударственном уровне относительно соразмерности такого вмешательства, и дать им надлежащую оценку.... Вместе с тем, как следует из обстоятельств настоящего дела, национальные судебные органы приняли решение о сносе домов заявителей *без проведения*

¹³⁰ Правовые позиции по вопросам судебной защиты права на уважение жилища в случае принудительного выселения см. в соответствующей части подраздел «Принудительное выселение» раздела «Возможные сферы вмешательства в право лица на уважение жилища».

анализа пропорциональности подобной меры: установив незаконный характер соответствующих построек, они признали данный фактор решающим и не стали рассматривать аргументы, сформулированные заявителями. Они отклонили не только доводы, связанные с внушительным возрастом соответствующих построек, возведенных на муниципальных землях, но и аргументы, отсылающие к составу семьи заявителей, а также к отсутствию альтернативного варианта размещения (в отношении ряда заявителей) .... Суд напоминает, что подобный подход сам по себе является сомнительным и влечет за собой нарушение принципа пропорциональности: так, *вмешательство властей в виде сноса домов заявителей считается «необходимым в демократическом обществе» в случае, если оно отвечает «настоятельной общественной необходимости», полномочиями по оценке которой в первую очередь наделены внутригосударственные судебные органы....* Применительно к обстоятельствам настоящего дела, следует особо отметить, что национальные судебные органы не сформулировали никаких пояснений или мотивов относительно «необходимости» вмешательства (пункт 102 постановления от 11 октября 2016 г. по делу *Багдонавичюс и другие против Российской Федерации*).¹³¹

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Нарушения права на жилище – это не только сбои в отправлении правосудия, но и сбои жилищных программ. Если люди, имеющие

---

¹³¹ «Суд.... обращает внимание на позицию, сформулированную им в постановлениях по делам *«Йорданова и другие против Болгарии»*, п. 126, и *«Винтерштейн и другие против Франции»*, п. 159, согласно которой *особого внимания заслуживают такие факторы как последствия выселения членов цыганской общины из их домов, наличие риска остаться без крова, а также продолжительность проживания заинтересованных лиц и членов их семей, наличие у них устойчивого сообщества в указанном месте.* Суд также подчеркнул, что в соответствии с многочисленными документами, принятыми на международном уровне или на уровне Совета Европы, предоставление альтернативного варианта размещения представителям цыганской общины, подвергаемым принудительному выселению, является обязательным, если такому предоставлению не препятствуют обстоятельства непреодолимой силы. Кроме того, Суд подтвердил принцип, закрепляющий необходимость учета принадлежности заинтересованных лиц к социально неблагополучной группе населения и их конкретных потребностей при рассмотрении национальными судебными органами вопроса о соразмерности вмешательства при принятии решений о незаконном заселении земель, а при возникновении необходимости выселения - определение даты и порядок выселения, а также, по мере возможности, варианты переселения... Суд также отмечает, что Российская Федерация реализует указанные принципы одновременно в структуре Совета Европы и Организации Объединенных Наций» (пункт 97 постановления от 11 октября 2016 г. по делу *Багдонавичюс и другие против Российской Федерации*).

неудовлетворительные жилищные условия, и бездомные не имеют доступа к правосудию, они лишаются возможности заявлять о нарушениях, устранять коренные причины и обеспечивать надлежащие меры реагирования. Они не могут оспаривать выбор направлений политики и решения, которые создали условия, в которых они живут (пункт 2 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).¹³²

Специальный докладчик обнаружила, что *во всех странах право на жилище понимается правообладателями в основном так, как оно определено в международном праве в области прав человека: «право жить где бы то ни было в безопасности, мире и с достоинством»*¹³³. Вопрос, который следует и неизменно ставится перед Специальным докладчиком, заключается в следующем: «Куда нам обратиться, чтобы заявить о праве на жилище?».

Первый и самый важный шаг в направлении реализации права на жилище состоит в том, чтобы государства ответили на этот вопрос, *обеспечив, чтобы право на жилище получало справедливое рассмотрение действенную правовую защиту «всеми надлежащими способами», с помощью судов, других судебных органов, стратегий, основанных на правах человека, правозащитных учреждений, а также общинных и неформальных систем правосудия*¹³⁴ (пункт 6 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Все большее число государств включают в своей конституции право на жилище в число прав, *защищаемых в судебном порядке*, а в тех странах, где право на жилище не признается прямо, суды стали предоставлять действенную защиту права на жилище, признав его неотделимость от права на жизнь¹³⁵. *Обеспечение доступа к правосудию в связи с правом на жилище – это не столько вопрос конкретной имеющейся конституционной защиты,*

¹³² Режим доступа: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/40/61

¹³³ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 4 (1991) о праве на достаточное жилище, пункт 7.

¹³⁴ Специальный докладчик благодарит государства, национальные учреждения по правам человека и организации гражданского общества за их материалы для настоящего доклада. Они имеются по адресу: www.ohchr.org/EN/Issues/Housing/Pages/AccessToJustice.aspx

Специальный докладчик также благодарит Брюса Портера за помощь в подготовке доклада.

¹³⁵ См. A/71/310.

сколько вопрос о том, хотят ли суды и правительства признать, что право на жилище занимает центральное место в ряду основных ценностей прав человека, которые должны защищаться судами и за соблюдение которых должны нести ответственность правительства (пункт 11 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Государствам разрешается определять наилучшие способы – но не саму возможность – доступа к правосудию применительно к различным составляющим права на жилище. Международное право в области прав человека налагает на правительства и суды ряд всеобъемлющих обязательств в отношении доступа к правосудию в связи с правом на жилище на основе следующих десяти ключевых принципов (пункт 12 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Государства должны обеспечить доступ к правосудию в связи с правом на жилище всеми соответствующими средствами, включая законодательство, в максимальных пределах имеющихся ресурсов и без какой-либо дискриминации¹³⁶. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище должен предоставляться на открытой для всех основе с учетом различных обстоятельств различных групп. Он опирается на широкий спектр подходов, органов и институтов, включая жилищные стратегии, основанные на правах человека, суды, другие судебные органы, арендодателей, правозащитные учреждения и неформальные и обычные системы правосудия (пункт 13 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).¹³⁷

Доступ к правосудию должен быть обеспечен применительно ко всем составляющим и аспектам права на жилище, которые гарантированы международным правом в области прав человека, обеспечивая ответственность государства за соблюдение обязательств по

¹³⁶ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, *Бен Джазия и Беллили против Испании* (E/C.12/61/D/5/2015) пункт 13.4.

¹³⁷ **Принцип 1 – Доступ к правосудию должен обеспечиваться всеми соответствующими средствами и удовлетворять потребности разнообразных групп.**

*уважению,
защите и*

осуществлению права на жилище. Доступ к правосудию должен быть обеспечен применительно к праву не только на физическое жилище, но и на безопасный и надежный дом, в котором можно жить в условиях безопасности, мира и достоинства. Должны иметься эффективные средства правовой защиты для обеспечения юридической защищенности

*владения,
доступности по стоимости,
пригодности для жилья,
наличия удобств,
доступности,
удобства местоположения и*

*адекватности с точки зрения культурных норм*¹³⁸ (пункт 14 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).¹³⁹

Нарушения права на жилище могут касаться как отдельных лиц, так и групп. Планами застройки или выселениями часто затрагиваются целые общины. Поэтому доступ к правосудию должен предоставляться как отдельным лицам, так и группам. Им должна быть предоставлена поддержка для участия на всех стадиях рассмотрения заявленных ими прав и восстановления нарушенных прав (пункт 15 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).¹⁴⁰

Отказ в доступе к правосудию в связи с правом на жилище означает невыполнение государством своих обязательств по обеспечению эффективных средств правовой защиты всех основных прав человека. Это не может быть оправдано на том основании, что право на жилище или какая-либо из его составляющих не считается защищаемым по суду в рамках

¹³⁸ См. Замечание общего порядка № 4, пункт 8.

¹³⁹ **Принцип 2 – Государства должны осуществлять право на жилище в рамках внутренней правовой системы, чтобы обеспечить по крайней мере тот же уровень защиты, который предоставляется в соответствии с международным правом в области прав человека.**

¹⁴⁰ **Принцип 3 – Отдельные лица и группы, домохозяйства и общины должны иметь право заявлять требования и участвовать в судебных процессах и восстановлении нарушенных прав на всех их стадиях.**

внутреннего правопорядка, поскольку это противоречило бы статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров¹⁴¹. Таким образом, национальные суды должны отводить любые ссылки на то, что иск из права на жилище не должен приниматься к рассмотрению судом, *если не имеется альтернативного независимого органа для рассмотрения иска*. Правительствам следует воздерживаться от представления таких аргументов судам или международным органам по правам человека (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).¹⁴²

Доступ к правосудию должен быть предусмотрен как в отношении требований, касающихся положительных прав, связанных с распределением ресурсов, таких как жилищные субсидии или программы по обустройству бездомных, так и в отношении требований, касающихся негативных прав, которые оспаривают действия государства, приводящие к лишению права на жилище, такие как принудительное выселение или снос жилья. Любое различие между обеими категориями прав в отношении доступа к правосудию «несовместимо с тем принципом, что эти две группы прав человека являются неделимыми и взаимозависимыми». Кроме того, это также «резко сократило бы возможности судов по защите прав самых уязвимых и обездоленных групп общества»¹⁴³ (пункт 17 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).¹⁴⁴

Право на эффективное средство правовой защиты не всегда означает необходимость судебной защиты. Административные и другие формы правовой защиты, обеспечивающие соблюдение права на жилище, могут быть надлежащими для этой цели, если они «доступны, приемлемы,

¹⁴¹ «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора».

¹⁴² **Принцип 4 – Отказ в доступе к правосудию не может быть оправдан на том основании, что право на жилище не считается подлежащим судебной защите в рамках внутреннего правопорядка государства.**

¹⁴³ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 9 (1998) о применении Пакта во внутреннем праве, пункт 10.

¹⁴⁴ **Принцип 5 – Доступ к правосудию должен предоставляться в отношении как негативных, так и позитивных обязательств государства, включая обязательства по постепенной реализации права на жилище.**

*своевременны и эффективны»*¹⁴⁵. Многие государства опираются на органы административной юстиции в качестве средств защиты прав съемщиков, их здоровья и защищенности права собственности на землю. Однако альтернативные формы правовой защиты, как правило, должны быть усилены и дополнены судебной защитой. Всякий раз, когда право на жилище «невозможно обеспечить без определенного судебного вмешательства, необходимо предусмотреть средства судебной защиты»¹⁴⁶ (пункт 18 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).¹⁴⁷

Роль, которую играют суды и административные органы, является одним из наиболее важных факторов, определяющих соблюдение государством права на жилище. *Суды – это не просто нейтральные арбитры, рассматривающие правопритязания: они также призваны стоять на страже этих прав*¹⁴⁸. Совместно с другими ветвями власти они связаны обязательствами государства *уважать, защищать и осуществлять* право на жилище¹⁴⁹. Поэтому *судебная власть должна выполнять свои полномочия по толкованию и применению законодательства таким образом, чтобы это способствовало реализации права на жилище и обеспечивало эффективную правовую защиту этого права*¹⁵⁰. *«Пренебрежение этой ответственностью со стороны судов не совместимо с принципом господства права, который неизменно подразумевает уважение международных обязательств в области прав человека»*¹⁵¹. Когда суды дают разрешение на выселение, не убедившись в предоставлении другого жилья, или не выносят постановления о восстановлении права на жизнь, нарушенного бездомностью, они нарушают международные права человека и верховенство права и, тем самым, приводят к несоблюдению государством своих международных обязательств в области прав человека (пункт 19 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом

¹⁴⁵ Там же, пункт 9.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ **Принцип 6 – Государства могут делегировать составляющие доступа к правосудию в связи с правом на жилище административным органам, но при необходимости должны иметься средства судебной защиты.**

¹⁴⁸ См. резолюции 29/6 и 31/2 Совета по правам человека.

¹⁴⁹ См. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 4.

¹⁵⁰ См. Замечание общего порядка № 9, пункт 15.

¹⁵¹ Там же, пункт 14.

контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. А/НРС/40/61).¹⁵²

Правительства и суды должны обеспечить, чтобы все осуществляемые законные полномочия, административные решения и меры политики соответствовали обязательствам государства по обеспечению права на жилище. *В ходе судебных разбирательств правительствам следует поощрять и принимать толкования законодательства, которые соответствуют обязательству обеспечивать эффективные средства правовой защиты, в том числе при защите от предполагаемых нарушений*¹⁵³. *Лица, принимающие решения, обладающие дискреционными полномочиями, должны осуществлять эти полномочия в соответствии с правом на жилище, например, отклоняя заявление о выселении, которое может привести к бездомности, или заявление о предоставлении разрешения на строительство, которое не способствует реализации права на жилище (пункт 20 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. А/НРС/40/61).*¹⁵⁴

*Индивидуальные средства правовой защиты должны включать, где это уместно, компенсацию и возмещение за любое нарушение права на жилище, включая право на возвращение в дом после незаконного выселения. Средства правовой защиты должны также устранять структурные причины и меры политики, которые привели к нарушению, и обеспечивать неповторение. В соответствующих случаях правительства должны принимать или вносить поправки в законодательство, выделять необходимые ресурсы или регулировать деятельность частных акторов на рынке жилья для устранения структурных причин нарушений права на жилище (пункт 21 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. А/НРС/40/61).*¹⁵⁵

---

¹⁵² **Принцип 7 – Суды должны толковать и применять законодательство в соответствии с обязательствами государства уважать, защищать и осуществлять право на жилище.**

¹⁵³ E/C.12/CAN/CO/4-E/C.12/CAN/CO/5, пункты 11 b) и 36.

¹⁵⁴ **Принцип 8 – Государства должны содействовать принятию решений, согласующихся с правом на жилище.**

¹⁵⁵ **Принцип 9 – Средства правовой защиты должны устранять как конкретные, так и системные нарушения.**

С точки зрения верховенства права крайне важно, чтобы правительства уважали решения судов и органов по правам человека, устанавливая необходимые средства правовой защиты. В тех случаях, когда правительствам или другим требуется время для установления структурных средств правовой защиты, таких как разработка программ удовлетворения потребностей определенных групп в жилье, средства правовой защиты должны предусматривать независимый контроль со стороны суда или другого органа, соблюдение сроков, контроль и отчетность, а также обеспечение участия и консультаций с теми, кого они затрагивают (пункт 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).¹⁵⁶

Большинство нарушений права на жилище проистекает из неспособности государств постепенно реализовать право на жилище путем принятия соответствующих мер для устранения недопустимых условий, в которых живут люди. Независимо от того, вызвано ли это неспособностью осуществить планы реконструкции с участием населения в неформальных поселениях или осуществить планы по сокращению и ликвидации бездомности в течение разумного периода времени, *неспособность государств принять позитивные меры для обеспечения реализации права на жилище должна рассматриваться как нарушения прав человека, затрагивающие отдельных людей и общины. Затрагиваемые этим должны иметь доступ к правосудию, чтобы государства несли ответственность по обязательствам, изложенным в пункте 1 статьи 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах: «принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление [права на достаточное жилище] всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер»* (пункт 23 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).¹⁵⁷

¹⁵⁶ **Принцип 10 – Средства правовой защиты должны устанавливаться правительствами и применяться судами с участием правообладателей.**

¹⁵⁷ «Принятие Факультативного протокола позволило решить две важнейшие проблемы, которые обсуждались в процессе его составления. В принятом тексте устанавливалось, что жалобы, поданные лицами, затронутыми неспособностью государств постепенно реализовать права, закрепленные в Пакте, подлежат судебной защите [Catarina de Albuquerque and Malcolm Langford, “The origins of the Optional Protocol” in The Optional

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам определил ряд факторов, которые следует учитывать при оценке *целесообразности*¹⁵⁸.

Меры должны

быть осознанными, конкретными и нацеленными на реализацию права;

быть приняты в течение разумного промежутка времени;

распределять ресурсы в соответствии с международными стандартами в области прав человека;

решать проблемы нестабильного и маргинализованного положения отдельных лиц или групп;

*обеспечить, чтобы принятие решений было прозрачным и основанным на участии*¹⁵⁹ (пункт 25 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Оценка целесообразности основывается на мнении правообладателей. Это контекстный анализ, где в качестве отправной точки взяты интересы достоинства, выявленные благодаря доступу к правосудию. Текст пункта 4 статьи 8 Факультативного протокола [к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах] непосредственно

Protocol to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: A Commentary, Malcom Langford and others, eds. (Cape Town, Pretoria University Law Press, 2016).]. В нем также установлено, что, хотя может существовать целый ряд мер политики или подходов, с помощью которых государства могут соблюдать положения пункта 1 статьи 2, выбранные средства должны соответствовать стандарту «целесообразности» [пункт 4 статьи 8 Факультативного протокола.]» (пункт 24 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

¹⁵⁸ «Принятие Факультативного протокола [к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах] позволило решить две важнейшие проблемы, которые обсуждались в процессе его составления. В принятом тексте устанавливалось, что жалобы, поданные лицами, затронутыми неспособностью государств постепенно реализовать права, закрепленные в Пакте, подлежат судебной защите. В нем также установлено, что, хотя может существовать целый ряд мер политики или подходов, с помощью которых государства могут соблюдать положения пункта 1 статьи 2, выбранные средства должны соответствовать стандарту «целесообразности» [Пункт 4 статьи 8 Факультативного протокола]» (пункт 24 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

¹⁵⁹ См. Замечание общего порядка № 3 (1990) о природе обязательств государств-участников, пункт 2.

основывается на решении Конституционного суда Южной Африки по делу *Гротбом*, в котором целесообразность жилищной политики оценивалась в контексте обстоятельств *Ирен Гротбом* и других людей, живших со своими детьми под полиэтиленовой пленкой на спортивной площадке, без водопровода и канализации. Суд подчеркнул, что постепенная реализация – это не просто улучшение статистических показателей. *Достаточное жилище признается одним из основных прав человека, «потому что мы ценим людей... к каждому из которых нужно относиться со вниманием и заботой. Если меры, даже успешные с точки зрения статистики, не отвечают потребностям людей, оказавшихся в самом бедственном положении, они не отвечают этому критерию»*¹⁶⁰ (пункт 26 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

[С]тандарт доступа к правосудию в связи с правом на жилище в соответствии с международным правом требует оценки мер, принятых для реализации права на жилище, в контексте как возможностей государства, так и жизненных реальностей, выявленных путем утверждения прав. Это стандарт, который обеспечивает гибкость в отношении конкретных выбранных мер политики, но твердо основывается на обязательстве полностью реализовать право на жилище в кратчайшие сроки (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

*Доступ к правосудию... должен быть обеспечен, когда государства ограничивают осуществление права на жилище, прибегая к регрессивным мерам*¹⁶¹. Суды и другие судебные органы должны требовать от государства доказать, что любые такие меры полностью оправданы на основе крайне строгих критериев и с учетом максимальных пределов имеющихся ресурсов и любых имеющихся альтернатив. Меры должны быть необходимыми и соразмерными, оставаться в силе только в случае необходимости, не приводить к дискриминации и обеспечивать, чтобы права обездоленных и маргинализированных лиц и групп не подвергались

¹⁶⁰ Government of the Republic of South Africa and Others v. Grootboom and Others, para. 44.

¹⁶¹ See Aoife Nolan, Nicholas J. Lusiani and Christian Courtis, «Two steps forward, no steps back? Evolving criteria on the prohibition of retrogression in economic and social rights», в Economic and Social Rights After the Global Financial Crisis, Aoife Nolan, ed. (Cambridge University Press, 2014), pp. 128–129.

несоразмерному воздействию и чтобы затрагиваемым группам были предоставлены реальные возможности участия. Все юридические меры защиты права на жилище, как и доступ к правосудию для обеспечения его соблюдения, должны оставаться в силе¹⁶² (пункт 28 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. А/НРС/40/61).

Важнейшая связь между правами, заявляемыми в индивидуальном порядке, и постепенной реализацией права на жилище была выявлена в юриспруденции Комитета по экономическим, социальным и культурным правам в связи с Факультативным протоколом [к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах]. В деле *Бен Джазия и Беллини*¹⁶³ против Испании Комитет дал оценку мерам, принятым государством-участником, в свете обстоятельств семьи, которая оказалась бездомной после выселения. *Стандарт целесообразности был сформулирован как требующий от государства предпринять «все возможные усилия и использовать все имеющиеся у него ресурсы для того, чтобы в приоритетном порядке обеспечить соблюдение права на жилище лиц, которые, как авторы, оказались в крайне уязвимом положении»*¹⁶⁴. Это требует внимания как к отдельным обстоятельствам, так и к структурным факторам¹⁶⁵. В качестве средства правовой защиты государству-участнику необходимо провести подлинные консультации с семьей для обеспечения того, чтобы ей было предоставлено надлежащее жилье, и разработать всеобъемлющий план с необходимыми ресурсами, показателями, сроками и критериями оценки для постепенной реализации права на жилище для малоимущих¹⁶⁶ (пункт 29 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. А/НРС/40/61).

*Оценка воздействия на права человека должна проводиться до утверждения любого плана застройки*¹⁶⁷. Эти оценки должны предусматривать проведение слушаний и конструктивное взаимодействие, с помощью которых жители могут подтвердить и закрепить свое право на жилище. Обязательства

---

¹⁶² Е/С.12/2016/1, пункт 4.

¹⁶³ Также *Мохамедом бен Джазией и Науэль Беллини*.

¹⁶⁴ Е/С.12/61/D/5/2015, пункт 17.5.

¹⁶⁵ Там же, пункт 17.2.

¹⁶⁶ Там же, пункт 21 d).

¹⁶⁷ См. А/НРС/4/18, приложение I, пункты 28–36.

международных финансовых учреждений и банков развития учитывать права человека в процессе развития... должны требовать правозащитного взаимодействия с затронутыми общинами и обеспечения доступа к правосудию с помощью процедур подачи жалоб¹⁶⁸ (пункт 39 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

В соответствии с международным правом в области прав человека доступ к правосудию необходимо переосмыслить, нацелив его на защиту и обеспечение права на жилище для бездомных и не имеющих надлежащего жилья; он не должен использоваться для их криминализации. Совет по правам человека призвал государства принять все необходимые меры для отмены законодательства, криминализующего бездомность, и обеспечить эффективные средства правовой защиты и право на доступ к правосудию¹⁶⁹. Договорные органы Организации Объединенных Наций признали, что дискриминация по признаку социально-экономического положения, включая бездомность, запрещена в соответствии с международным правом в области прав человека и должна признаваться таковой внутригосударственными системами правосудия¹⁷⁰. Комитет по ликвидации расовой дискриминации признал криминализацию бездомности перекрестной дискриминацией, связанной с системным расизмом и колонизацией коренных народов¹⁷¹ (пункт 42 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Право на доступ к правосудию и право на жилище требуют различных подходов для разных групп (пункт 45 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

¹⁶⁸ C. Daniel and others, eds., Glass Half Full? The State of Accountability in Development Finance (Amsterdam, Centre for Research on Multinational Corporations, 2016).

¹⁶⁹ Резолюция 31/9. См. также A/HRC/13/20.

¹⁷⁰ Комитет по правам человека, Уэлен против Ирландии (CCPR/C/119/D/2425/2014); Замечание общего порядка № 36, пункт 26.

¹⁷¹ См., например, CERD/C/USA/CO/7-9.

Доступ к правосудию применительно к инвалидам требует от государств принятия позитивных мер в соответствии со статьей 13 Конвенции о правах инвалидов для обеспечения реального участия на всех этапах судопроизводства. Системы правосудия должны признавать как барьеры, возникающие при разработке и рассмотрении исков, связанных с инвалидностью, так и особый характер предъявляемых исков о признании права на жилище. Такие иски должны рассматриваться в соответствии с «парадигмой прав человека инвалидов», закрепленной в Конвенции и изложенной в докладе Специального докладчика о праве инвалидов на жилище, с акцентом на достоинстве, реальном равенстве, доступности и участии и обеспечении права жить самостоятельно в обществе¹⁷² (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Доступ детей к правосудию в связи с правом на жилище должен основываться на принципе наилучшего обеспечения интересов ребенка и требовать расширения юридических прав и возможностей детей с помощью доступа к информации и поддержке, предоставляемой с учетом возраста, и обеспечивать эффективные средства для отстаивания ими своих прав¹⁷³. Специальные меры должны быть приняты для обеспечения доступа к правосудию для детей в ситуациях беспризорности. По мнению Комитета по правам ребенка, это включает наличие «доступа к механизмам индивидуальных жалоб, представляемых самими детьми и/или их взрослыми доверенными лицами, а также к судебным и несудебным механизмам восстановления их прав на местном и национальном уровнях, включая независимые правозащитные учреждения»¹⁷⁴ (пункт 52 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

В условиях повсеместного дерегулирования и приватизации жилья и беспрецедентных инвестиций частных инвестиционных компаний, пенсионных фондов и других финансовых акторов на рынках жилья обеспечение доступа к правосудию для привлечения частных акторов к ответственности в связи с правом на жилище приобретает как никогда важное значение. Это составляет обязанность государств и не может

---

¹⁷² A/72/128, пункты 1–7 и 17–19.

¹⁷³ A/HRC/25/35.

¹⁷⁴ См. Замечание общего порядка № 21 (2017) о безнадзорных детях, пункт 22.

осуществляться частными акторами на добровольной основе. *Независимо от роли, которая отводится частным акторам и инвесторам в жилищной системе, государства не могут перепоручать выполнение своих обязательств по обеспечению доступа к правосудию в связи с правом на жилище. Они должны принимать «законодательные, административные, образовательные и иные соответствующие меры», требующие, чтобы действия частных акторов соответствовали праву на жилище, а не подрывали его реализацию*¹⁷⁵ (пункт 58 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Государства должны обеспечить доступ к эффективным средствам правовой защиты не только тогда, когда частные акторы причиняют «вред» или вызывают «нарушения прав человека», как они традиционно понимаются, но и для обеспечения постепенной реализации права на жилище «всеми надлежащими способами». Доступ к правосудию должен быть доступен не только тогда, когда корпорации активно лишают людей права на жилище в результате выселения, захвата земли или других «злоупотреблений», но и в тех случаях, когда их действия подрывают реализацию права на жилище, например когда частные фирмы по управлению активами приобретают доступное жилье, чтобы заменить его элитной застройкой. Местные, национальные или транснациональные предприятия, занимающиеся строительством, сдачей в наем, продажей, управлением или инвестированием в жилищном секторе, а также структуры, которые предоставляют жилищные кредиты, должны нести ответственность в результате обращения к правосудию тех, кто пострадал от их действий (пункт 59 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

*Для обеспечения такой ответственности*¹⁷⁶ *в распоряжении государств имеется широкий спектр вариантов* (пункт 60 Доклада Специального

---

¹⁷⁵ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 24 (2017) об обязательствах государства по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах в контексте предпринимательской деятельности, пункт 14.

¹⁷⁶ См. пункт 59 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61

докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

В случае нарушений права на достаточное жилище в число средств его восстановления могут входить

реституция,

возмещение ущерба¹⁷⁷,

предоставление альтернативного адекватного жилья,

восстановление жилья или средств существования,

финансовая или нефинансовая компенсация за потери и ущерб и

применение мер наказания к нарушителю. Для предотвращения приближающегося принудительного выселения или других нарушений может потребоваться издание судебного запрета, принятие профилактических мер или осуществление других действий в форме судебного или административного вмешательства. К ним могут также относиться отмена или изменение законодательства или политики и признание недействительными административных решений. В связи с этим государствам следует обеспечивать, чтобы политика и решения, затрагивающие гарантированность владения, подлежали административному и судебному пересмотру. В случае необоснованного непринятия государством соответствующих и своевременных мер, направленных на решение проблемы ненадежности гарантий владения, с учетом характера использования им имеющихся ресурсов восстановление в правах может предусматривать издание предписания о разработке и осуществлении разумного плана действий по обеспечению гарантированности владения для ущемленных групп (пункт 81 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).¹⁷⁸

¹⁷⁷ См. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml

¹⁷⁸ «Ослабление правовых гарантий проживания – это глобальное явление. Однако оценить характер и масштабы этой проблемы довольно сложно в связи с отсутствием четкого определения, а также системы измерений и точных данных. Это объясняется тем, что *гарантирование проживания – это не только юридический вопрос, но и категория, относящаяся к сфере восприятия и опыта, в значительной степени зависящая от экономического и культурного контекста*» (пункт 8 Доклада Специального докладчика

[П]редоставление гарантированных жилищных и земельных прав дает огромный потенциал для социального и экономического роста. *Правовое обеспечение проживания имеет огромное значение для семей и отдельных лиц.* Оно дает людям возможность уверенно распоряжаться своей землей или жильем, защищает их от посягательств со стороны третьих лиц. Кроме того, в этом контексте речь часто идет также о защите, обеспечении и расширении доступа к общественным благам и услугам. Правовое обеспечение проживания способствует росту экономических возможностей, а также расширению экономических прав женщин и защите их от насилия. Очевидно, что этот вопрос актуален не только для защиты прав человека, но и для процесса развития (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).¹⁷⁹

Гарантии владения и пользования жильем признаются в международном праве прав человека в качестве ключевого компонента права на достаточное жилище (пункт 44 Доклада Специального докладчика по

по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

¹⁷⁹ «[Н]езащищенность владения жильем сводит на нет все остальные аспекты достаточного жилища: какой смысл иметь отдельное, доступное, приемлемое с культурной точки зрения и соответствующее всем другим параметрам жилье, если человеку каждый день грозит выселение? В то же время любая инициатива в области жилища, реализуемая в контексте модернизации города, управления земельными ресурсами, проектов в области развития или восстановительных работ после конфликтов и стихийных бедствий, неизбежно будет иметь последствия для обеспечения гарантий владения жильем» (пункт 15 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

«Для целей настоящего доклада и с учетом видов проживания в городских условиях *под правом владения понимают* комплекс взаимных прав и обязанностей в отношении жилища и земли, определяемых на основании закона или обычая, неофициальных или смешанных договоренностей» (пункт 22 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

«В настоящем докладе *под правовым обеспечением проживания понимается* такое владение землей и/или жильем, при котором данному лицу гарантируется надежное жилище и возможность жить в безопасных, мирных и достойных условиях» (пункт 23 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

В [3]амечании общего порядка № 4 (1991 год) о праве на достаточное жилище Комитет по экономическим, социальным и культурным правам определил *«правовое обеспечение проживания»* в качестве одного из семи элементов права на достаточное жилище (пункт 8 а)). Комитет подчеркнул, что *«независимо от вида проживания все лица должны пользоваться определенной степенью обеспечения проживания, которая гарантирует правовую защиту от принудительного выселения, преследования и других угроз.* Следовательно, государства-участники должны принять срочные меры, направленные на предоставление правового обеспечения проживания тем лицам и домашним хозяйствам, которые в настоящее время лишены такой защиты, в подлинной консультации с заинтересованными лицами и группами» (пункт 47 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

[П]равовое обеспечение проживания должно быть «легальным» или защищенным законом (пункт 48 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

В Принципах по вопросам реституции жилья и имущества беженцев и перемещенных лиц 2005 года (*«Принципах Пиньейру»*)¹⁸⁰ делается еще один шаг вперед, в частности за беженцами и перемещенными лицами признается особое *«право на реституцию»* (охватывающее жилье, землю и/или иное имущество). Важный вопрос состоит в том, применяются ли *Принципы Пиньейру* к ситуациям после бедствий. Как представляется, предполагалось, что они будут применяться к таким ситуациям, поскольку главная суть принципа 1.2 состоит в том, что *люди, которые перемещаются, — вне зависимости от причины перемещения — находятся в аналогичной ситуации и имеют право вернуться в места обычного проживания, а следовательно и право на реституцию.* Основываясь на этой логике, некоторые считают, что эти принципы применяются ко всем ситуациям стихийных бедствий. Однако

¹⁸⁰ E/CN.4/Sub.2/2005/17. Размещен 28 июня 2005 г.

Режим доступа: <https://pandia.ru/text/77/342/97759.php>

другие отмечают, что эти принципы относятся исключительно к «произвольному или незаконному лишению» людей их бывших домов, земельных участков или мест обычного проживания после перемещения (пункт 8 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270).

Нельзя сказать, что *Принципы Пиньейру* не относятся к ситуациям, вызванным стихийными бедствиями.

Во-первых, они в полной мере применяются к реальным случаям произвольного или незаконного лишения или уничтожения жилья или земельных участков, в том числе, когда перемещенные лица лишаются своего права на возвращение в свои дома..., и в случаях непростительных ошибок государства в процессе принятия мер по обеспечению готовности к бедствию, ослаблению его последствий или раннему предупреждению.

Во-вторых, если рассматривать эти принципы как уточнение существующих норм, касающихся прав перемещенных лиц и беженцев на возвращение в свои дома, то эти принципы содержат соответствующие рекомендации в отношении того, как лучше всего решать технические и юридические вопросы, связанные с реституцией жилья, земельных участков и прочего имущества, рекомендации которые с момента их принятия в разной степени учитываются в политике и практике (пункт 9 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270).

Специальный докладчик отмечает ту центральную роль, которую играет гарантированное право проживания в обеспечении права на достаточное жилище. *Гарантированное владение недвижимостью и право частной собственности вовсе не одно и то же, и это понятие не сводится лишь к предоставлению официального правового титула.* Кроме частной собственности существует большое количество *законных форм владения недвижимостью*, как например

право владения государственным или частным жильем на основе аренды,

кооперативное жилье,

жилье, взятое в наем,

временное пользование/аренда земли или недвижимости в неофициальных поселениях и

иные права пользования или временного проживания на основании режимов обычного или традиционного права, — и все они в той или иной степени являются *официальными*. Отсюда следует, что лишь небольшое число жертв стихийных бедствий действительно имеет индивидуальные,

официально зарегистрированные права собственности на свое жилье или землю (пункт 24 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270).

Право на реституцию жилья и другого имущества наиболее подробно раскрывается в Принципах Пиньейру. Принятие этих принципов диктовалось явной необходимостью обеспечить наличие рекомендаций в отношении процедур и механизмов, необходимых для содействия реституции имущества (пункт 26 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270).

Эти принципы¹⁸¹, с учетом их конкретной формулировки и механизмов, которыми предлагается руководствоваться при рассмотрении требований о возмещении имущества или земельных участков, не дают вполне однозначного ответа на вопрос о признании всех видов права владения. Одни специалисты придерживаются широкого взгляда на эти принципы, тогда как другие критикуют их за слишком узкую направленность на защиту индивидуальных прав собственности и установление условий подачи официальных и зарегистрированных требований. Из-за упоминания в отдельном разделе (принцип 16) «прав арендаторов и других не собственников» создается впечатление, будто в этих принципах ставится под сомнение вопрос о том, можно ли рассматривать эти категории пользователей на равной основе с индивидуальными собственниками недвижимости. Содержащийся в этом же принципе в связи с механизмами реституции имущества призыв признать «в максимально возможной степени» тех, кто имеет права на жилье и землю, отличные от официального права собственности, также требует разъяснения, хотя его можно рассматривать скорее как предложения практического характера, чем намек на ограничение прав не собственников (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270).

Специальный докладчик предлагает понимать «реституцию жилья и имущества» как реституцию любого права владения жильем или землей, существовавшее до бедствия, независимо от статуса владения или от того, являются ли данная земля или жилье официально зарегистрированными.... Не говоря уже о предварительном углубленном обсуждении и уточнении

---

¹⁸¹ Принципы Пиньейру.

Режим доступа: <https://pandia.ru/text/77/342/97759.php>

положений *Принципов Пиньейру*, их следует систематически рассматривать на предмет расширения охватываемых ими ситуаций и прав владения. Ряд элементов, присутствующих в этих принципах, в частности систематическое использование в их тексте выражения «жилье, земля и имущество» вместо единственного слова «имущество», уже указывает на достаточно широкую концепцию реституции (пункт 29 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270).

Этот более широкий взгляд на реституцию¹⁸² основывается на вытекающих из права на достаточное жилище обязательств государства уважать и обеспечивать гарантированное право проживания для всех, вне зависимости от формы владения. Этот подход обеспечивает признание в качестве правообладателей всех тех, кто не является индивидуальными собственниками официально зарегистрированной недвижимости. Хотя в зависимости от конкретных условий потребности людей после бедствий и после конфликтов могут различаться, типология правозащитных обязательств остается той же. Реституцию имущества следует рассматривать и осуществлять именно в этой перспективе (пункт 30 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270).

В случаях, когда соображения общественной безопасности и поддержания порядка являются законными и убедительными, в решениях относительно правил землепользования или жилого фонда, тем не менее, необходимо учитывать правозащитные стандарты, в частности строгие процессуальные требования, касающиеся проведения выселений, права на возмещение ущерба и средства правовой защиты и возможности судебного надзора, а также экономические, социальные и культурные права людей, затрагиваемых этими решениями. Выселения не должны приводить к тому, чтобы люди становились бездомными. В тех случаях, когда затрагиваемые лица неспособны обеспечить себе средства к существованию, государство должно принять меры для предоставления альтернативного жилья, расселения или доступа к плодородным землям (пункт 46 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270).

---

¹⁸² См. пункт 29 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270.

[О]граничительные меры должны приниматься с соблюдением принципа соразмерности. Это требует обеспечения равновесия между правами затрагиваемых лиц и интересами государства, касающимися уменьшения ущерба и обеспечения общественной безопасности. Например, в случае предотвращения последствий цунами необходимо доказать, что любое постановление, запрещающее жителям возвращаться в пляжные прибрежные районы, является наименее ограничительным средством достижения целей общественной безопасности. Государство обязано доказать, что другие меры безопасности, например создание систем предупреждения или сооружение дамб, невозможны или неэффективны (пункт 47 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень. Размещен 5 августа 2011 г. A/66/270).

Реализация прав на здоровье и на достаточное жилище играет решающую роль в интеграции мигрантов в общество принимающих стран. Создание трудностей и ограничение доступа к услугам, институтам и благам, которые обеспечивают осуществление таких основных прав, представляет собой не только нарушение прав человека мигрантов, но также препятствует интеграции мигрантов и их активному участию в жизни принимающих государств (пункт 46 Доклад Специального докладчика по вопросу о правах человека мигрантов. Размещен 21 марта 2011 г. A/HRC/17/33).

7. Возможные сферы вмешательства в право лица на уважение частной жизни¹⁸³

7.1. Вопросы физической и психологической неприкосновенности

7.1.1. Ограничение дееспособности гражданина

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

В соответствии со [с]татьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] власти должны достичь справедливого равновесия между интересами душевнобольного лица и иными затронутыми законными интересами. Однако, по общему правилу, в таком сложном вопросе, как определение психического состояния лица, власти должны пользоваться широкой свободой усмотрения. Это главным образом объясняется тем, что власти страны имеют преимущество непосредственного контакта с указанными лицами и, таким образом, располагают максимальными возможностями для решения таких вопросов. Задачей Европейского Суда

¹⁸³ Упомянутые здесь сферы вмешательства не носят исчерпывающего характера.

является проверка с точки зрения Конвенции решений, принятых властями страны при осуществлении ими соответствующих полномочий (пункт 87 постановления от 27 марта 2008 г. по делу *Штукатуров против Российской Федерации*).

По мнению Европейского Суда, *наличие психического расстройства, даже серьезного, не может выступать единственной причиной лишения дееспособности*. По аналогии с делами, касающимися лишения свободы, лишение дееспособности будет оправданным при наличии психического расстройства «характера или степени», *делающих такую меру необходимой* (пункт 94 постановления от 27 марта 2008 г. по делу *Штукатуров против Российской Федерации*).

7.1.2. Экологические вопросы

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] применяется в самых разнообразных случаях, связанных с экологическими проблемами, однако ее нарушение не всегда связано с ухудшением окружающей среды: в число прав и свобод, гарантируемых Конвенцией, не включено право на защиту природы... Таким образом, чтобы попасть под применение [с]татья 8 Конвенции, правонарушение должно непосредственно воздействовать на жилище заявителя, его семью или частную жизнь (пункт 68 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).¹⁸⁴

[Ч]тобы [с]татья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] была применима, жалоба на неблагоприятное воздействие окружающей среды требует,

во-первых, доказательств, что *имеет место фактическое посягательство* на частную жизнь заявителя, и,

¹⁸⁴ «[Ч]тобы подпадать под применение [с]татья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], неблагоприятное воздействие окружающей среды должно достигнуть некоторого минимального уровня... Оценка указанного минимального уровня относительна и зависит от всех обстоятельств дела, например, от интенсивности и продолжительности правонарушения, его материальных или психических результатов. Необходимо также принять во внимание общий экологический контекст. Нет оснований применять [с]татья 8 Конвенции, если обжалуемое правонарушение незначительно по сравнению с экологическими опасностями, присущими жизни в любом современном городе» (пункт 69 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

во-вторых, что *это посягательство достигло уровня жестокости* (пункт 70 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

[В]о всех предыдущих случаях, когда экологические проблемы приводили к нарушению Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], эти нарушения были вызваны ненадлежащим исполнением национального законодательства. Так, в деле *«Лопес Остра против Испании»* предприятие по переработке отходов действовало незаконно, поскольку не имело соответствующей лицензии, а потому, в конечном счете, было закрыто... В деле *«Герра и другие против Италии»* нарушение Конвенции... имело в своей основе неотрегулированные внутренние нормы, поскольку истцы были не в состоянии получить информацию, которую государство, согласно законодательству, обязано было им предоставить (пункт 97 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).¹⁸⁵

---

¹⁸⁵ «[К]акой бы аналитический подход ни был принят - неисполнение прямых обязанностей по защите прав или прямое вмешательство государства в права человека - соответствующие принципы пункта 2 [с]татьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], касающиеся необходимости соблюдения баланса между правами конкретного человека и интересами общества в целом, являются в своей основе одними и теми же» (пункт 94 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

«[В] тех случаях, когда от государства требуется принять позитивные меры, выбор средств осуществления этих мер, в принципе, подлежит оценке для государств, подписавших Конвенцию [о защите прав человека и основных свобод]. Существуют различные средства обеспечения прав человека «в соответствии с законом», и даже если государство не сумело принять одни конкретные меры, предусмотренные внутренним законодательством, оно может выполнить свои позитивные обязанности другими средствами. Поэтому в этих случаях критерий «соответствия закону» не может применяться таким же образом, как в случаях прямого посягательства государства на права человека» (пункт 96 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

«В последние десятилетия загрязнение окружающей среды стало предметом повышенного общественного внимания. Как следствие, государства приняли различные меры, чтобы преодолеть неблагоприятные экологические последствия промышленного развития. При оценке этих мер с точки зрения [с]татьи 1 Протокола 1 к Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] Европейский Суд, как правило, соглашается с тем, что *государства имеют в сфере защиты окружающей среды самые широкие полномочия*. Так, в 1991 году по делу *«Фредин против Швеции»*... Европейский Суд признал, что «в современном обществе защита окружающей среды играет все более важную роль», и постановил, что нарушение права частной собственности (в виде отзыва лицензии, выданной заявителю для добычи гравия на его земле, на основании природоохранного законодательства) не противоречит и не выходит за пределы контекста [с]татьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Позже в том же году по делу *«Пайн Велли Девелопмент Лимитед» и другие против Ирландии*... Европейский Суд подтвердил этот

Европейский Суд... предпочел воздержаться от ревизии национального природоохранного законодательства. В... [п]остановлении Большой Палаты Европейского Суда¹⁸⁶ говорится, что «Европейскому Суду не стоило прибегать для этого к специальному подходу, ссылаясь на особый статус экологических прав человека»... В одном из ранее рассмотренных дел¹⁸⁷ Европейский Суд постановил, что «в компетенцию Европейского Суда... ни в коем случае не входит подмена национальных органов власти в оценке наилучших стратегий в этих трудных технических и социальных сферах. Это те сферы, в которых за сторонами - участниками Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] признается право на широкую свободу усмотрения (пункт 104 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

[С]ложность проблем, касающихся защиты окружающей среды, сводит роль Европейского Суда, главным образом, к вспомогательной. Европейский Суд должен, прежде всего, рассмотреть вопрос о том, *было ли принятие решений справедливым и проходило таким образом, что были соблюдены интересы, гарантируемые [с]татьей 8 Конвенции* [о защите прав человека и основных свобод]..., и только в исключительных обстоятельствах Европейский Суд может выйти за рамки этих ограничений - подвергнуть ревизии материальные выводы национальных властей (пункт 105 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

[С]ильное загрязнение окружающей среды может сказаться на благополучии людей в такой степени, что крайне отрицательно отразится на их личной и семейной жизни, не подвергая, однако, серьезной опасности их здоровье. Независимо от того, рассматривается ли этот вопрос в сфере позитивной обязанности государства, то есть принимать разумные и адекватные меры для обеспечения прав, предусмотренных ст[атьей] 8 п[ункта] 1 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], или в контексте «вмешательства публичной власти», оправдываемого согласно статье 8 п[ункта] 1, в обоих этих случаях используемые государством

подход» (пункт 103 постановления от 9 июня 2005 года по делу *Фадеева против Российской Федерации*).

¹⁸⁶ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "*Хаттон и другие против Соединенного Королевства*", § 122.

¹⁸⁷ См. Постановление Европейского Суда по делу "*Пауэлл и Райнер против Соединенного Королевства*", § 44.

принципы по существу весьма близки. В любом случае *необходимо стремиться к нахождению баланса между интересами индивида и общества в целом*. И в том и другом случае за государством сохраняем определеннй предел усмотрения. Более того, даже с точки зрения *позитивной обязанности* государства, вытекающей из п[ункта] 1 статьи 8, при определении требуемого баланса интересов могут оказаться до некоторой степени обоснованными и оправданными те *цели*, которые упомянуты в п[ункте] 2 (пункт 51 постановления от 9 декабря 1994 г. по делу *Лопез Остра против Испании*).¹⁸⁸

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Право на здоровье и право на жизнь гарантированы в нескольких основных международных договорах в области права человека, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах. В статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах признается право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья и содержатся положения, обязывающие государства улучшать «все аспекты гигиены внешней среды и гигиены труда в промышленности». Комитет по экономическим, социальным и культурным правам посвятил свое [3]амечание общего порядка № 14 реализации этого права, а Комитет по правам человека в своем [3]амечании общего порядка № 6 (1982 год) подчеркнул, что *государствам-участникам необходимо принимать конструктивные меры по уменьшению рисков для здоровья и увеличению продолжительности жизни в целях поощрения права на жизнь* (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу об обязательствах в области прав человека, связанных с экологически обоснованным регулированием и

¹⁸⁸ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104001>

Заявительница утверждает, что имело место нарушение статей 8 и 3 Конвенции о защите прав человека, поскольку недалеко от ее дома находится предприятие по переработке жидких и твердых отходов, которое длительное время является источником неприятных запахов, шума и вредных испарений. Она возложила ответственность за создавшееся положение на испанские власти, обвинив их в безответственном отношении к данной проблеме.

Несмотря на признаваемые за государством-ответчиком пределы усмотрения, Суд пришел к выводу, что государству не удалось установить справедливый баланс между интересами экономического благосостояния города (создание предприятия по переработке отходов) и надлежащим соблюдением прав заявительницы на неприкосновенность ее жилища, личной и семейной жизни.

удалением опасных веществ и отходов. Размещен 2 июля 2012 г. A/HRC/21/48).

7.1.3. Медицинское вмешательство. Вопросы стерилизации

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

*[С]пособность строить свою жизнь по собственному усмотрению может.... включать в себя возможность предпринимать действия, которые считаются физически или морально вредными или опасными для тех, кто их совершает. Вопрос о том, в какой мере государство может прибегать к принудительным или к уголовно-правовым мерам для защиты людей от последствий того образа жизни, который они сами для себя выбрали, в течение долгого времени обсуждался с позиций и морали, и юриспруденции. Из-за того, что вмешательство в реализацию указанного права часто считается вторжением государства в частную и личную сферу, споры становились еще более ожесточенными. Однако даже в случаях, когда те или иные действия представляют опасность для здоровья или, возможно, для жизни человека, в практике конвенционных органов предполагалось, что принятие государством принудительных или уголовно-правовых мер представляет собой вмешательство государства в личную жизнь заявителя в значении положений пункта 1 статьи 8 Конвенции и требует от властей оправдать такое вмешательство с точки зрения положений пункта 2 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]¹⁸⁹ (пункт 62 постановления от 29 апреля 2002 г. по делу *Претти против Соединенного Королевства*).¹⁹⁰*

¹⁸⁹ По поводу, например, вовлечения человека в занятия садомазохизмом с его согласия, которое привело к насилию и причинению ему телесных повреждений, см. постановление Европейского Суда по делу «Ласки, Джаггард и Браун против Соединенного Королевства».

¹⁹⁰ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100304>

По делу заявительница, страдающая неизлечимым быстро прогрессирующим заболеванием, которое привело к параличу, мучениям и унижительному положению, пожелала совершить самоубийство, но, будучи не в состоянии покончить с жизнью сама, она заручилась согласием своего супруга помочь ей в совершении самоубийства. Однако в Соединенном Королевстве содействие в совершении самоубийства является уголовно наказуемым деянием, поэтому адвокат обратился в ведомство государственного обвинения с просьбой дать обязательство не подвергать супруга заявительницы судебному преследованию, в случае если тот поможет ей совершить самоубийство. В данной просьбе было отказано со ссылками на закон. В своей жалобе в Европейский Суд заявительница утверждает, что отказ властей дать обязательство не подвергать ее супруга судебному преследованию за оказание содействия в ее

В том, что касается вопросов оказания медицинской помощи, отказ пациента дать свое согласие на тот или иной конкретный план лечения может с неизбежностью привести в летальный исход. Тем не менее *оказание медицинской помощи совершеннолетнему пациенту, находящемуся в ясном рассудке, без его согласия, являлось бы настолько серьезным посягательством на физическую целостность личности, что оно могло бы затронуть права, охраняемые пунктом 1 статьи 8 Конвенции* [о защите прав человека и основных свобод]. Национальное право признаёт, что человек может реализовать свое решение покончить с собой, отказавшись продолжать лечение, которое могло бы отсрочить наступление смерти (пункт 63 постановления от 29 апреля 2002 г. по делу *Претти против Соединенного Королевства*).

практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

Статья 12 [Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах] [право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья] не является абсолютной и может подлежать таким ограничениям, какие допускаются статьей 4 Пакта¹⁹¹. Комитет хотел бы подчеркнуть, что ограничительное положение статьи 4 Пакта прежде всего *направлено на защиту прав лиц, а не на разрешение государствам вводить ограничения*. Следовательно, государство-участник, налагающее ограничение на пользование тем или иным правом по Пакту, обязано обосновывать принятие таких серьезных мер в отношении каждого из элементов, указанных в статье 4. Подобные ограничения должны *вводиться лишь на основании закона, включая международные стандарты в области прав человека, соответствовать характеру защищаемых Пактом прав,*

добровольном уходе из жизни, а также предусмотренный законодательством Соединенного Королевства запрет на оказание содействия при совершении самоубийства ущемляют ее права, предусмотренные статьями 2, 3, 8, 9 и 14 Конвенции.

Европейский Суд не счел доводы заявительницы убедительными и отклонил все ее правопритязания на эвтаназию, не усмотрев в действиях властей государства-ответчика каких-либо нарушений Конвенции.

¹⁹¹ В силу статьи 4 указанного международного договора «[у]частвующие в настоящем Пакте государства признают, что в отношении пользования теми правами, которые то или иное государство обеспечивает в соответствии с настоящим Пактом, это государство может устанавливать только такие ограничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе».

*отвечать интересам достижения законных целей и являться необходимыми исключительно для содействия общему благосостоянию в демократическом обществе*¹⁹² (пункт 9 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 7 марта 2019 г. по делу *С.К. и Г.П.против Италии*).

Комитет напоминает, что *право на здоровье включает право принимать свободные и осознанные решения в отношении любого медицинского вмешательства*, которому может подвергаться лицо. Таким образом, законы и политика, предписывающие недобровольное, принудительное или насильственное медицинское вмешательство, нарушают обязанность государства уважать право на здоровье. Комитет далее отмечает, что принуждение женщины к имплантации эмбриона в матку явно представляет собой принудительное медицинское вмешательство (пункт 10.1 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 7 марта 2019 г. по делу *С.К. и Г.П.против Италии*).

См. также *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на охрану здоровья*¹⁹³.

7.1.4. Вопросы экстракорпорального оплодотворения (ЭКО)

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

[Х]отя Европейский Суд с пониманием относится к предложению заявительницы оценивать данные сравнительно-правовых исследований с осторожностью, во всяком случае ясно, и заявительница не оспаривает этого, что *единообразный подход в этой сфере в странах Европы отсутствует*. Некоторые государства приняли законодательные и подзаконные нормативные акты для регулирования использования ЭКО,¹⁹⁴ в то время как в других странах ЭКО оставлено на усмотрение медицинской практики и служебных инструкций для врачей. Хотя Соединенное Королевство не одиноко, разрешив хранение эмбрионов и наделив обоим доноров гамет

¹⁹² См. Замечание общего порядка Комитета № 14 (2000) о праве на наивысший достижимый уровень здоровья, пункт 28.

¹⁹³ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27840/

¹⁹⁴ Экстракорпоральное оплодотворение.

полномочиями свободно и эффективно отзывать свое согласие вплоть до момента имплантации, в других европейских странах существуют и иные нормы и практика. *Нельзя констатировать наличие какого-либо консенсуса относительно вопроса о том, на какой стадии курса ЭКО согласие доноров гамет становится безотзывным* (пункт 79 постановления от 10 апреля 2007 г. по делу *Эванс против Соединенного Королевства*).¹⁹⁵

Уважение к человеческому достоинству и свободной воле человека, а также стремление установить справедливый баланс интересов сторон при прохождении курса ЭКО лежат в основе решения законодателя ввести нормы, не допускающие исключений, с целью обеспечения того, чтобы каждое лицо, предоставляющее свои гаметы в целях ЭКО, заранее знало, что его генетический материал не может быть использован каким-либо образом в отсутствие его действительного согласия. В дополнение к основному принципу, абсолютный характер нормы служил цели обеспечения правовой определенности и предотвращения проблем произвола и непоследовательности, присущих подходу, основанному на сравнении при рассмотрении каждого нового дела, по выражению Апелляционного суда, «совершенно несопоставимых» интересов... С точки зрения Суда, эти общие интересы, преследуемые обсуждаемым законодательным актом, оправданны и совместимы с требованиями статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 89 постановления от 10 апреля 2007 г. по делу *Эванс против Соединенного Королевства*).

---

¹⁹⁵ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99350>

По делу заявительница в своей жалобе утверждала, что в нарушение статей 2, 8 и 14 Конвенции законодательство Соединенного Королевства позволило ее бывшему сожителю фактически отозвать свое согласие на хранение и использование ею эмбрионов, произведенных ими совместно. Заявительница также настаивала на том, что на человеческий эмбрион распространяется предусмотренное Конвенцией «право на жизнь». Европейский Суд напомнил, что вопрос о том, какой момент можно считать началом действия права человека на жизнь, находится в пределах свободы усмотрения каждого государства, где возникает такой вопрос. По законодательству Соединенного Королевства человеческий зародыш не имеет самостоятельных прав или законных интересов и не может претендовать — или чтобы от его имени претендовали — на охрану права на жизнь со ссылками на статью 2 Конвенции.

Суд, исходя из норм законодательства Соединенного Королевства, пришел к выводу, что отказ сожителя заявительницы от дальнейшего хранения замороженных эмбрионов был правомерен и что по делу поэтому не было допущено никаких нарушений Конвенции.

практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

Комитет напоминает, что обеспечение равенства между женщинами и мужчинами, гарантируемое статьей 3 Пакта, требует, чтобы законы, политика и практика не сохраняли, а скорее смягчали изначально присущие женщинам неблагоприятные условия, с которыми они сталкиваются при осуществлении своего права на сексуальное и репродуктивное здоровье; и что казалось бы нейтральные законы могут закреплять уже существующее гендерное неравенство и дискриминацию в отношении женщин. Комитет отмечает, что Закон 40/2004 в его толковании в случае авторов ограничивает право женщин, проходящих лечение, на отказ от своего согласия, что ведет к возможности принудительного медицинского вмешательства или даже принудительной беременности для всех женщин, проходящих процедуру искусственного оплодотворения. Он считает, что, даже если, на первый взгляд, это ограничение права отказаться от своего согласия затрагивает представителей обоих полов, оно возлагает чрезвычайно тяжелое бремя именно на женщин. Комитет отмечает, что возможные последствия для женщин являются чрезвычайно серьезными и представляют собой прямое нарушение права женщин на здоровье и физическую неприкосновенность (пункт 10.3 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 7 марта 2019 г. по делу *С.К. и Г.П. против Италии*).¹⁹⁶

---

¹⁹⁶ «[П]раво на сексуальное и репродуктивное здоровье... неотделимо от других прав человека и взаимозависимо с ними. Оно тесно связано с такими социальными и политическими правами, лежащими в основе физической и психологической неприкосновенности человека и его самостоятельности, как право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность; свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения»¹⁹⁶. Комитет напоминает..., что «право на сексуальное и репродуктивное здоровье предусматривает ряд свобод и правомочий. В число свобод входит *право принимать свободные и ответственные решения и делать выбор без насилия, принуждения и дискриминации по вопросам, связанным с собственным телом и сексуальным и репродуктивным здоровьем*»¹⁹⁶. Кроме того, «нарушения обязательства *уважать* имеют место в тех случаях, когда государство в силу своих законов, политики или действий подрывает право на сексуальное и репродуктивное здоровье. К числу таких нарушений относится государственное вмешательство в свободу каждого человека распоряжаться собственным телом и посягательство на способность принимать свободные, осознанные и ответственные решения по этому вопросу. Законы и политика, предусматривающие недобровольное, принудительное или насильственное медицинское вмешательство, включая принудительную стерилизацию и обязательное тестирование на ВИЧ, девственность или беременность, также являются нарушениями обязательства *уважать*» (пункт 8.1 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 7 марта 2019 г. по делу *С.К. и Г.П. против Италии*).

7.1.5. Вопросы прерывания беременности

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Европейский Суд... устанавливал *позитивное обязательство государств обеспечивать право граждан на эффективное уважение их физической и психологической неприкосновенности...* Кроме того, эти обязательства могут включать принятие мер, в том числе предоставление эффективных и доступных средств защиты права на уважение *личной жизни...*, включая создание регулятивной базы механизма разрешения и исполнения прав лиц и исполнение при необходимости конкретных мер в контексте *аборта* (пункт 185 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).¹⁹⁷

[В]опрос о том, когда возникает право на жизнь, относится к пределам усмотрения, которыми, по мнению Европейского Суда, обычно пользуются государства в этой сфере, несмотря на развивающееся толкование Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], «живого инструмента, который должен толковаться в свете современных условий».... Причины этого заключения в том, что вопрос о такой защите не разрешен в большинстве государств-участников, и отсутствует европейский консенсус по поводу научного и правового определения начала жизни... Однако Европейский Суд полагает, что *имеется консенсус значительного большинства государств – участников Совета Европы о допустимости аборта* и что большинство государств-участников разрешили в своем законодательстве вопрос о конфликтующих правах плода и матери в пользу большей доступности аборта... *Поскольку права, защищаемые в интересах плода, и права матери неразрывно взаимосвязаны, пределы усмотрения, присущие государственной защите нерожденного ребенка, неизбежно сливаются с пределами усмотрения этого государства по уравниванию конфликтующих прав матери.* В отсутствие такого общего подхода относительно начала жизни рассмотрение национальных правовых решений

¹⁹⁷ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116212>

Заявительница также жаловалась на то, что факты дела свидетельствуют о нарушении статьи 8 Конвенции. Ее право на уважение личной жизни и ее психологической и моральной неприкосновенности было нарушено уклонением властей от предоставления доступа к генетическим анализам в контексте неопределенности относительно поражения плода генетическим расстройством и отсутствия комплексной правовой базы, гарантирующей ее права.

Европейский Суд заключил, что власти допустили несоблюдение своих позитивных обязательств по обеспечению эффективного уважения личной жизни заявительницы, и, соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

применительно к обстоятельствам конкретных дел имеет особое значение также для оценки установления справедливого равновесия между правами лиц и публичным интересом (пункт 186 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

В то время как государство пользуется широкими пределами усмотрения в отношении обстоятельств, при которых в государстве допускается аборт, после принятия такого решения *правовая база, предусмотренная для этой цели, должна быть «оформлена понятным способом, позволяющим принимать во внимание различные законные интересы адекватно и в соответствии с обязанностями, вытекающими из Конвенции»* (пункт 187 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

Европейский Суд учитывает довод заявительницы о том, что *уклонение от ее своевременного направления на дородовые генетические анализы составляло вмешательство в ее права, гарантированные статьей 8 Конвенции* [о защите прав человека и основных свобод]. Кроме того, Европейский Суд установил, что *запрет прерывания беременности, требуемого по причинам здоровья и/или благополучия, составляет вмешательство в право заявителей на уважение их личной жизни...* Однако в настоящем деле Европейский Суд имеет дело со специфическим сочетанием общего права на доступ к информации о состоянии здоровья с правом на принятие решения о сохранении беременности. *Соблюдение позитивного обязательства государства по обеспечению права граждан на эффективное уважение их физической и психологической неприкосновенности может, в свою очередь, обусловить принятие правил доступа к информации о здоровье лица...* Таким образом, поскольку характер права принятия решения о сохранении беременности не является абсолютным, Европейский Суд полагает, что более целесообразно рассмотреть обстоятельства настоящего дела с точки зрения *позитивных обязательств* государства-ответчика, вытекающих из этого положения Конвенции (пункт 188 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

В то время как правила государства относительно аборта относятся к традиционному уравниванию личной жизни и публичного интереса, они должны – в случае терапевтического аборта – быть сопоставлены с *позитивными обязательствами* государства по обеспечению физической неприкосновенности будущих матерей (пункт 189 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).¹⁹⁸

---

¹⁹⁸ «Границы *позитивного* и *негативного* обязательств государства в соответствии с этим положением не позволяют дать точное определение. Тем не менее применимые принципы являются сходными. В негативном и позитивном контекстах должно учитываться

Европейский Суд уже указывал, что в контексте доступа к аборту соответствующая процедура¹⁹⁹ должна гарантировать беременной женщине по меньшей мере возможность лично изложить свою позицию и учет ее взглядов. Компетентный орган или лицо должны также изложить мотивы своего решения в письменной форме (пункт 191 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

Право доступа к такой информации, относящееся к сфере понятия личной жизни, по мнению Европейского Суда, может считаться затрагивающим, с одной стороны, право на получение имеющейся информации о своем состоянии. Европейский Суд... полагает, что *во время беременности состояние и здоровье плода составляют элемент здоровья беременной женщины...* Эффективное осуществление этого права часто имеет решающее значение для возможности личной автономии, также охватываемой статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... [П]ри определении на основе такой информации будущего хода событий, имеющего значения для качества жизни лица (например, отказа в согласии на медицинскую помощь или требования данной формы лечения). Значение своевременного доступа к информации относительно состояния лица

справедливое равновесие, которое должно быть установлено между конкурирующими интересами лица и общества в целом; и в обоих контекстах государства пользуются определенными пределами усмотрения...» (пункт 189 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

«Понятие «уважение» не является ясно очерченным, особенно что касается этих позитивных обязательств: ввиду разнообразия применяемой практики и ситуаций в государствах-участниках требования понятия значительно различаются в конкретных делах. Тем не менее *при оценке позитивных обязательств государства следует иметь в виду, что верховенство права, один из фундаментальных принципов демократического общества, присуще всем статьям Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]...* Соблюдение требований верховенства права предполагает, что *нормы национального законодательства должны обеспечивать меру правовой защиты от произвольных вмешательств публичных органов в права, защищаемые Конвенцией*» (пункт 190 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

¹⁹⁹ «[П]ри оценке настоящего дела следует иметь в виду, что Конвенция должна гарантировать не теоретические или иллюзорные права, но практические и эффективные... В то время как статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не содержит явных процессуальных требований, для эффективного использования прав, гарантированных этим положением, *важно, чтобы процесс принятия решений являлся справедливым и обеспечивал надлежащее уважение охраняемых интересов.* Необходимо установить, с учетом конкретных обстоятельств дела и особенно характера принимаемых решений, привлекалось ли лицо к процессу принятия решений в целом, в степени, достаточной для обеспечения...» (пункт 191 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

особенно увеличивается в ситуациях быстрого развития состояния лица и соответствующего уменьшения возможности принятия им решений. Точно так же в контексте беременности эффективный доступ к относимой информации о здоровье матери и плода, если законодательство допускает аборт при определенных ситуациях, имеет прямое отношение к осуществлению личной автономии (пункт 197 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] не гарантирует как такового права на бесплатную медицинскую помощь или на конкретные медицинские услуги, [хотя] в ряде дел Европейский Суд устанавливал, что статья 8 Конвенции применима к жалобам на недостаточную доступность услуг здравоохранения (пункт 198 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).²⁰⁰

[Д]оступ к полной и достоверной информации о здоровье плода не только важен для удобства беременной женщины, но также является необходимым предварительным условием для возникновения предусмотренной законом возможности аборта (пункт 199 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

[Е]сли государства, действующие в пределах своего усмотрения, ... принимают законодательные правила, допускающие аборт в некоторых ситуациях, они не могут структурировать свою правовую базу способом, который ограничивает реальные возможности доступа к нему. В частности, государства имеют позитивное обязательство создать процессуальную основу, позволяющую беременной женщине использовать свое право на законный аборт... Другими словами, если национальное законодательство допускает аборт в случаях плодного порока развития, должна иметься адекватная правовая и процессуальная база, гарантирующая получение беременными женщинами относимой, полной и достоверной информации о здоровье плода (пункт 200 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).²⁰¹

---

²⁰⁰ По делу *R. R. против Польши* существенная проблема заключалась именно в доступе к медицинским процедурам, позволяющим заявительнице получить полную информацию о здоровье плода.

²⁰¹ «Европейский Суд подчеркивает, что к его функции не относится оспаривание клинического решения врачей... Соответственно, Европейский Суд не должен пытаться определить серьезность состояния, затрагивавшего плод в соответствии с подозрениями врачей, или могло ли подозреваемое состояние считаться дающим заявительнице право на легальный аборт» (пункт 202 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

Хотя Европейскому Суду не следует указывать наиболее целесообразные средства для соблюдения государствами их позитивных обязательств..., Европейский Суд отмечает, что законодательство многих государств-участников указывает условия, регулирующие эффективный доступ к законному аборту, и предусматривает различные процессуальные и организационные процедуры для его осуществления (пункт 213 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

*[П]рирода обстоятельств, сопровождающих решение женщины прервать беременность, придает фактору времени существенное значение. Предусмотренные процедуры должны обеспечить своевременное принятие решений (пункт 203 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).*

[Д]ородовые генетические анализы отвечают различным целям, и они не должны отождествляться с поощрением беременных женщин к аборту.

Во-первых, они могут устранить подозрение в поражении плода неким пороком развития;

во-вторых, данная женщина, вынашивающая плод, может предпочесть доносить беременность до срока и родить ребенка;

в-третьих, в некоторых случаях (хотя и не в настоящем деле) дородовой диагноз заболевания делает возможным начало дородового лечения;

в-четвертых, даже в случае отрицательного диагноза это дает женщине и ее семье время подготовиться к рождению ребенка, затронутого заболеванием, с точки зрения консультирования и устранения стресса, вызванного таким диагнозом... Не оспаривается, что некоторые из этих пороков развития могли быть выявлены только путем дородовых генетических анализов (пункт 205 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).²⁰²

По мнению Европейского Суда, государства обязаны организовать систему здравоохранения для обеспечения того, чтобы *эффективное осуществление свободы совести медицинскими специалистами в профессиональном контексте не препятствовало пациентам в получении доступа к услугам*, на которые они имеют право в соответствии с применимым законодательством (пункт 206 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).²⁰³

²⁰² Европейский Суд установил, что законодательство Польши предусматривало возможность аборта в ряде случаев пороков развития.

²⁰³ «[В]ласти Польши ссылались в своих объяснениях на право врачей отказывать в некоторых услугах *по мотивам совести* и ссылались на статью 9 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], Европейский Суд напоминает, что слово «обряды»,

См. также *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на охрану здоровья*²⁰⁴.

7.1.6. Рождение ребенка (роды)

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Хотя *вопрос домашних родов* как таковой не затрагивает особо чувствительные моральные и этические вопросы ..., он *может считаться затрагивающим важный публичный интерес в сфере общественного здоровья*. Кроме того, ответственность государства в этой сфере с необходимостью предполагает более широкие границы для права государства по установлению правил функционирования системы здравоохранения, охватывающей государственные и частные учреждения здравоохранения. В рассматриваемом контексте Европейский Суд отмечает, что настоящее дело включает сложный вопрос политики здравоохранения, требующий оценки национальными органами экспертных и научных данных относительно рисков родов в больнице и дома. Также должны учитываться общие аспекты социально-экономической политики, включая распределение финансовых средств, поскольку для перехода от общей системы родильных домов к созданию базы для домашних родов могут потребоваться бюджетные ресурсы (пункт 162 постановления Большой Палаты от 15 ноября 2016 г. по делу *Дубска и Крейзова (Dubská and Krejzová) против Чешской Республики*).²⁰⁵

использованное в пункте 1 статьи 9 Конвенции, не означает любое и каждое действие или форму поведения, мотивированные или вдохновленные религией или убеждением...» (пункт 206 постановления от 26 мая 2011 г. по делу *R. R. против Польши*).

²⁰⁴ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/27840/

²⁰⁵ Перевод с английского языка *Г.А. Николаева*. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 6 / 2017.

По делу обжалуются положения законодательства Чешской Республики, запрещающие медикам оказывать родовспоможение на дому. Европейский Суд по результатам рассмотрения дела постановил, что вмешательство в право заявительниц на уважение их личной жизни не было непропорциональным. Основанием для этого вывода служит позиция, согласно которой выбор того, где проводить роды, касается сложного комплекса вопросов, куда входит сфера здравоохранения, а также общие соображения социально-экономической политики. Кроме того, отсутствует консенсус между

Европейский Суд находит, что среди государств – участников Совета Европы *отсутствует консенсус, способный сузить пределы усмотрения государства в пользу допуска домашних родов*. В частности, Европейский Суд отмечает, что плановые домашние роды предусмотрены законодательством и регулируются в 20 государствах-участниках, но право выбирать указанный способ родов не является абсолютным и всегда зависит от определенных медицинских условий... [В]нутригосударственная система медицинского страхования охватывает домашние роды только в 15 таких странах. Европейский Суд... отмечает, что домашние роды не регулируются или недостаточно регулируются в 23 других странах. В некоторых странах частные домашние роды имеют место, но в правовом вакууме и при отсутствии государственного медицинского охвата.... [О]тсутствует законодательство, которое прямо запрещает помощь акушеров при домашних родах. В весьма малом количестве обследованных государств-участников возможны дисциплинарные или уголовные санкции, но, по-видимому, они редко применяются (пункт 183 постановления Большой Палаты от 15 ноября 2016 г. по делу *Дубска и Крейзова (Dubská and Krejzová) против Чешской Республики*).

*[Е]сли в целом отсутствовал конфликт интересов между матерью и ее ребенком, определенный выбор матери относительно места, обстоятельств или метода родов мог считаться порождающим повышенный риск для здоровья и безопасности новорожденных, показатель смертности которых, как свидетельствуют цифры перинатальных и неонатальных смертей, не является пренебрежимым, несмотря на все успехи медицинской помощи (пункт 185 постановления Большой Палаты от 15 ноября 2016 г. по делу *Дубска и Крейзова (Dubská and Krejzová) против Чешской Республики*).*

Из предоставленных Европейскому Суду материалов следует, что в государствах, где разрешены домашние роды, должны быть соблюдены определенные условия:

*беременность должна быть «низкорисковой»,
квалифицированные акушерки должны присутствовать при родах для выявления любых осложнений и направления рожаящих женщин в больницу в случае необходимости, и*

государствами – членами Совета Европы по вопросу о домашних родах, способный сузить пределы усмотрения государства в пользу разрешения домашних родов.

По делу требования статьи 8 Конвенции нарушены не были.

такая перевозка должна быть обеспечена в очень короткий срок (пункт 187 постановления Большой Палаты от 15 ноября 2016 г. по делу *Дубска и Крейзова (Dubská and Krejzová) против Чешской Республики*).

7.1.7. Вопросы ухода лица из жизни

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

*Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] должна читаться в целом... В связи с этим при рассмотрении возможного нарушения статьи 8 Конвенции следует принимать во внимание статью 2 Конвенции, которая возлагает на власти обязанность защищать лиц, находящихся в уязвимом положении, даже от действий, которыми они подвергают опасности свою собственную жизнь ... По мнению Европейского Суда, это последнее положение обязывает национальные власти помешать лицу совершить самоубийство, если его решение не было принято свободно и со знанием всех обстоятельств дела (пункт 54 постановления от 20 января 2011 г. по делу *Хаас против Швейцарии*).²⁰⁶*

Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] и Протоколы к ней должны толковаться в свете современных условий.... Однако изучения, проведенные Европейским Судом, позволяют ему сделать вывод, что среди государств – членов Совета Европы не существует консенсуса в отношении права человека решить, каким образом и в какое время его жизнь должна окончиться. В Швейцарии в соответствии со статьей 115 Уголовного кодекса склонение к самоубийству и помощь в его совершении являются уголовно наказуемыми только в случае, если такие действия совершены «из корыстных мотивов». Для сравнения: страны Бенилюкса,²⁰⁷ в частности, не считают уголовным деянием помощь в самоубийстве, но только при определенных обстоятельствах. Наконец, некоторые другие страны

²⁰⁶ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116190>

Заявитель жаловался на условия, соблюдение которых требуется для получения содистого пентобарбитала, а именно медицинского рецепта, выписанного по итогам проведения тщательной психиатрической экспертизы. Он утверждал, что эти условия не могли быть выполнены в его случае, и его право самому выбрать время и способ смерти не было соблюдено. Он утверждал, что в исключительных случаях, к которым относится его случай, доступ к медикаментам, необходимым для совершения самоубийства, должен быть гарантирован государством.

Европейский Суд счел, что, даже если допустить, что государства имеют позитивные обязательства принять меры, позволяющие облегчить совершение самоубийства достойно, власти Швейцарии не нарушили свое обязательство в настоящем деле.

²⁰⁷ Бельгия, Нидерланды, Люксембург.

допускают только «пассивную» помощь. Можно констатировать, что *подавляющее большинство стран – членов Совета Европы придают большее значение защите жизни человека, чем его праву уйти из жизни*. Таким образом, в этой области государства обладают значительными пределами усмотрения. (пункт 55 постановления от 20 января 2011 г. по делу *Хаас против Швейцарии*).

Если страна принимает подобный либеральный подход [закрепление в законодательстве права лица уйти из жизни], *обязательно принятие надлежащих мер для осуществления этого подхода и мер по предотвращению правонарушений*. Целью принятия таких мер также является избежание того, чтобы организации, предоставляющие помощь в самоубийстве, не осуществляли свою деятельность нелегально и тайно со значительным риском совершения правонарушения (пункт 57 постановления от 20 января 2011 г. по делу *Хаас против Швейцарии*).

Европейский Суд счел, что нельзя недооценивать риски совершения правонарушения, присущие системе, облегчающей доступ к ассистируемому самоубийству. Как и власти Швейцарии, Европейский Суд счел, что ограничение доступа к содистому пентобарбиталу служит для защиты общественного здоровья и безопасности и предупреждения уголовных правонарушений. В связи с этим Европейский Суд разделяет точку зрения Федерального суда Швейцарии, в соответствии с которой *право на жизнь*, гарантированное статьей 2 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], *обязывает государство предусмотреть процедуру, способную обеспечить, чтобы решение о совершении самоубийства полностью соответствовало свободному желанию заинтересованного лица*. Европейский Суд счел, что требование медицинского рецепта, выданного на основании полной психиатрической экспертизы, является средством, позволяющим выполнить это обязательство. Кроме того, такое решение соответствует духу международной Конвенции о психотропных веществах [1971 г.]²⁰⁸ и конвенциям, принятым некоторыми государствами – членами Совета Европы (пункт 58 постановления от 20 января 2011 г. по делу *Хаас против Швейцарии*).

Европейский Суд может предположить, что *психиатры проявляют определенную настороженность, сталкиваясь с просьбой выписать смертельное вещество*. В связи с этим Европейский Суд также счел, что с учетом деликатности вопроса об умственных способностях заинтересованного лица угроза уголовного преследования в отношении врачей, готовых провести углубленную экспертизу для облегчения

²⁰⁸ Российская Федерация является участником указанного международного договора.

самоубийства, является реальной (пункт 59 постановления от 20 января 2011 г. по делу *Хаас против Швейцарии*).

*Закон препятствует заявительнице по настоящему делу реализовать свой выбор, дабы избежать того, что ей кажется смертью, сопряженной со страданиями и потерей достоинства. Европейский Суд не готов исключить, что это представляет собой вмешательство государства в реализацию ее права на уважение личной жизни, гарантированного пунктом 1 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 67 постановления от 29 апреля 2002 г. по делу *Претти против Соединенного Королевства*).²⁰⁹*

[Г]осударства вправе путем применения норм общего уголовного права регламентировать действия, которые могут причинить ущерб жизни и безопасности других лиц... Чем больший ущерб они причиняют, тем больший вес имеют соображения общественного здоровья и безопасности по сравнению с принципом личной независимости, находящимся на противоположной чаше весов. Статья 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года, о которой идет речь в настоящем деле, направлена на то, чтобы гарантировать право на жизнь путем защиты слабых и уязвимых, а в особенности тех, кто не в состоянии принимать решения относительно самоубийства на основе имеющейся информации, от действий, направленных на причинение смерти или на содействие в ее причинении. Несомненно, состояние неизлечимо больных лиц различно. Однако многие из них находятся в уязвимом положении, и именно незащищенность этой категории

---

²⁰⁹ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100304>

По делу заявительница, страдающая неизлечимым быстро прогрессирующим заболеванием, которое привело к параличу, мучениям и унижительному положению, пожелала совершить самоубийство, но, будучи не в состоянии покончить с жизнью сама, она заручилась согласием своего супруга помочь ей в совершении самоубийства. Однако в Соединенном Королевстве содействие в совершении самоубийства является уголовно наказуемым деянием, поэтому адвокат обратился в ведомство государственного обвинения с просьбой дать обязательство не подвергать супруга заявительницы судебному преследованию, в случае если тот поможет ей совершить самоубийство. В данной просьбе было отказано со ссылками на закон. В своей жалобе в Европейский Суд заявительница утверждает, что отказ властей дать обязательство не подвергать ее супруга судебному преследованию за оказание содействия в ее добровольном уходе из жизни, а также предусмотренный законодательством Соединенного Королевства запрет на оказание содействия при совершении самоубийства ущемляют ее права, предусмотренные статьями 2, 3, 8, 9 и 14 Конвенции.

Европейский Суд не счел доводы заявительницы убедительными и отклонил все ее правопритязания на эвтаназию, не усмотрев в действиях властей государства-ответчика каких-либо нарушений Конвенции.

является мотивом принятия данного закона. Опасность и вероятность злоупотреблений в случае, если запрет на оказание содействия при совершении самоубийства будет ослаблен или если из него будут предусмотрены исключения, определяется в первую очередь государствами — членами Совета Европы. Они же оценивают вероятные последствия этих злоупотреблений в случае, если они все-таки были допущены. Явная опасность злоупотреблений действительно существует, несмотря на доводы о том, что можно разработать гарантии и защитные процессуальные механизмы, позволяющие их избежать (пункт 74 постановления от 29 апреля 2002 г. по делу *Претти против Соединенного Королевства*).

7.2. Вопросы неприкосновенности частной жизни

7.2.1. Использование персональных данных. Их хранение и обработка. Публикация материалов о частной жизни лица

*Практика Европейского суда по правам человека
в отношении Российской Федерации*

*[З]ащита личных данных, в том числе медицинской информации, имеет фундаментальное значение для осуществления лицом своего права на уважение личной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. «Соблюдение конфиденциальности медицинских данных является жизненно важным принципом в правовых системах всех Договаривающихся Сторон Конвенции. Раскрытие таких данных может серьезно повлиять на личную и семейную жизнь человека, а также его социальное положение и трудовой статус, подвергая его осуждению и риску враждебного отношения общества.... Соблюдение врачебной тайны имеет решающее значение не только для защиты частной жизни пациента, но и для поддержания доверия гражданина к медицинским работникам и к системе здравоохранения в целом. Необеспечение такой защиты может удерживать лиц, нуждающихся в медицинской помощи, от обращения к соответствующему виду лечения, создавая тем самым угрозу их собственному здоровью... Тем не менее, интересы пациента и общества в целом в вопросе защиты конфиденциальности врачебной тайны могут уступать интересам расследования, судебного преследования и публичности судопроизводства, где данные интересы имеют еще большее значение (пункт 45 постановления от 6 июня 2013 г. по делу *Авилкина и другие против Российской Федерации*).*

[В] делах, касающихся раскрытия личных данных, [Европейский Суд] устанавливал, что свобода усмотрения в отношении нахождения справедливого баланса между соответствующими противоречивыми

общественными и частными интересами должна быть оставлена на усмотрение компетентных национальных органов. Тем не менее, эта разница неразрывно связана с европейским надзором..., а пределы свободы усмотрения зависят от таких факторов, как характер и серьезность затрагиваемых интересов и степень вмешательства (пункт 46 постановления от 6 июня 2013 г. по делу *Авилкина и другие против Российской Федерации*).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

В контексте персональных данных Европейский Суд... ссылаясь на Конвенцию Совета Европы «О защите физических лиц при обработке персональных данных и свободном обращении таких данных» от 28 января 1981 г.²¹⁰..., цель которой состоит в «обеспечении... для каждого физического лица... уважения его прав и основных свобод и, в частности, его права на неприкосновенность частной жизни в связи с автоматизированной обработкой касающихся его персональных данных» (статья 1). Персональные данные определяются в статье 2 как «... любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице»... Он приводит примеры персональных данных, касающихся самых интимных и личных аспектов жизни человека, например, состояния здоровья..., относительно сведений о наличии ВИЧ-инфекции..., относительно сведений об аборте..., религиозных взглядов..., приходя к выводу, что эти категории данных представляют собой конкретные элементы частной жизни, попадающие под защиту статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 192 постановления Большой Палаты от 8 ноября 2016 г. по делу *Венгерский Хельсинкский комитет (Magyar Helsinki Bizottság) против Венгрии*).²¹¹

²¹⁰ Российская Федерация является участником указанного международного договора.

²¹¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 9 / 2017.

По делу рассматривался отказ властей Венгрии сообщить общественной организации, проводящей опрос, имена защитников по назначению и количество их соответствующих назначений. Суд указал, что право на получение информации не может толковаться как возлагающее позитивные обязательства на государство по сбору и распространению информации по его собственной инициативе. Однако данное право или обязанность могут возникать в обстоятельствах, когда доступ к информации был необходим для осуществления лицом его права на свободу получать и распространять информацию и когда отказ в доступе составлял вмешательство в это право. Рассматривая подобные дела, Суду необходимо выяснить основной вопрос: составлял ли отказ в

При определении того, затрагивают ли частную жизнь человека меры, имевшие место за пределами его дома или частных владений, имеет значение множество факторов. Поскольку встречаются случаи, когда люди сознательно или умышленно участвуют в деятельности, которая была или может быть записана или сообщена публично, при проведении такой оценки значительную, хотя и не решающую роль может играть наличие у человека разумных оснований рассчитывать на сохранение тайны своей частной жизни (пункт 193 постановления Большой Палаты от 8 ноября 2016 г. по делу *Венгерский Хельсинкский комитет (Magyar Helsinki Bizottság) против Венгрии*).

*Из-за того, что соответствующая информация уже является общедоступной, на нее необязательно перестает распространяться защита статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Так, в деле «Фон Ганновер (принцесса Ганноверская) против Германии»...., касавшемся опубликования фотографий известного человека, не имевшего официальных полномочий, которые были сделаны в общественных местах, Европейский Суд пришел к выводу, что интерес в публикации этой информации было необходимо сопоставить с доводами защиты частной жизни данного лица, пусть даже его появление на публике и можно было считать «общедоступной информацией» (пункт 134 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).²¹²*

доступе к информации вмешательство в свободу выражения мнения заявителя и, если да, то в какой степени. По делу допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции.

²¹² Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 2(14) 2018.

Компании-заявительницы жаловались на вмешательство в осуществление ими права на свободу выражения мнения, охраняющегося пунктом 1 статьи 10 Конвенции, которое, по их мнению, не соответствовало требованиям пункта 2 этой статьи. Сбор данных о налогообложении сам по себе не был незаконным, а собранная и опубликованная информация являлась общедоступной, при этом права отдельных лиц на частную жизнь нарушены не были.

В связи с продолжительностью разбирательства по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции. Европейский Суд постановил 15 голосами «за» при двух - «против», что по делу не было допущено нарушения статьи 10 Конвенции; постановил 15 голосами «за» при двух - «против», что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Аналогичным образом в деле *«Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии»*.... [г]лавным фактором, на основании которого Европейский Суд отклонил аргументы защиты частной жизни, был не общедоступный характер информации, с которой хотел ознакомиться заявитель (этот фактор следует принимать во внимание при уравнивании любых интересов), а то, что власти Венгрии вообще не стали рассматривать вопрос о том, *какой общественный интерес потенциально может представлять собой информация, запрошенная заявителем в указанном деле*. Власти Венгрии волновал в основном вопрос о статусе государственных адвокатов, в отношении которых запрашивалась информация в соответствии с Законом Венгрии «О данных», который сам почти не допускал исключений из общего принципа неразглашения персональных данных. Кроме того, в вышеупомянутом деле власти государства-ответчика не доказали, что разглашение запрошенной информации могло затронуть пользование государственными адвокатами правом на частную жизнь (пункт 135 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).

Из устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда следует, что *при сборе данных о каком-либо конкретном человеке, обработке или использовании персональных данных или публикации соответствующих материалов способом или в объеме, которые выходят за рамки того, что обычно можно предвидеть, могут возникнуть доводы о защите частной жизни* (пункт 136 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).

Защита персональных данных чрезвычайно важна для осуществления человеком права на уважение его личной и семейной жизни, которое гарантируется статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Внутригосударственное законодательство должно предусматривать соответствующие гарантии, не допускающие использования персональных данных такими способами, которые могут оказаться несовместимы с гарантиями, содержащимися в этой статье.... Следовательно, статья 8 Конвенции предусматривает *право на информационное самоопределение* в той или иной форме, предоставляющее лицам возможность ссылаться на свое право на частную жизнь относительно данных, которые, хотя и являются нейтральными, но собираются, обрабатываются и распространяются в совокупности в таком виде или тем способом, которые могут указывать на нарушение их прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции (пункт 137 постановления Большой Палаты от 27 июня

2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*.²¹³

Принимая во внимание необходимость защиты ценностей, лежащих в основе Конвенции, и то, что *права, гарантированные статьями 10 и 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], заслуживают уважения в равной степени*, важно не забывать о том, что *равновесие между этими двумя правами*, которое обязаны обеспечивать внутригосударственные органы власти, *должно стремиться к сохранению существенных аспектов обеих указанных прав* (пункт 123 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).²¹⁴

подавляющее большинство дел, в которых Европейский Суд должен был проверить, как внутригосударственные органы власти установили равновесие между *свободой прессы*, охраняемой статьей 10 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], и *правом на частную жизнь*, предусмотренным статьей 8 Конвенции, касается предполагаемых нарушений права на частную жизнь конкретного лица или лиц в результате опубликования тех или иных конкретных материалов (пункт 132 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания*

---

²¹³ «Принимая во внимание вышеизложенное и существующую прецедентную практику Европейского Суда по статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], представляется, что данные, собранные, обработанные и опубликованные компаниями-заявительницами в газете «Веропёрсси», с указанием подробных сведений о налогооблагаемых трудовых и нетрудовых доходах, а также о налогооблагаемой стоимости имущества за вычетом обязательных платежей, явно касались частной жизни этих лиц, несмотря на то, что согласно законодательству Финляндии подобные данные по определенным правилам могли быть обнародованы» (пункт 138 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).

²¹⁴ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 2(14) 2018.

Компании-заявительницы жаловались на вмешательство в осуществление ими права на свободу выражения мнения, охраняющегося пунктом 1 статьи 10 Конвенции, которое, по их мнению, не соответствовало требованиям пункта 2 этой статьи. Сбор данных о налогообложении сам по себе не был незаконным, а собранная и опубликованная информация являлась общедоступной, при этом права отдельных лиц на частную жизнь нарушены не были.

Большая Палата Европейского Суда постановила 15 голосами «за» при двух - «против», что по делу не было допущено нарушения статьи 10 Конвенции

«Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии).

Выбор средств, подходящих для того, чтобы обеспечить соблюдение статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в принципе относится к сфере пределов усмотрения государств-участников независимо от того, о позитивных или негативных обязательствах государства идет речь.... Аналогичным образом власти государств-участников пользуются определенными пределами усмотрения при определении того, является ли вмешательство в осуществление свободы выражения мнений, охраняемой статьей 10 Конвенции, необходимым, и если да, то в какой степени (пункт 162 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии).

Когда власти государства-ответчика устанавливают равновесие между различными правами и интересами в соответствии с критериями, установленными в прецедентной практике Европейского Суда, последнему потребуются веские основания, чтобы подменить позицию внутригосударственных судов своей собственной оценкой (пункт 164 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии).²¹⁵

---

²¹⁵ «У Европейского Суда уже была возможность сформулировать соответствующие принципы, на основе которых он и, что еще важнее, внутригосударственные суды должны определять необходимость вмешательства. Так, он определил ряд критериев в контексте установления баланса между конкурирующими правами. До сих пор соответствующие критерии определялись следующим образом: вклад в обсуждение вопросов, представляющих интерес для общества, степень известности человека, интересы которого были затронуты, предмет информационного сообщения, предыдущее поведение лица, интересы которого были затронуты, содержание, форма и последствия опубликованных сведений, а также в соответствующих случаях обстоятельства, при которых были сделаны фотографии. При рассмотрении жалобы на нарушение статьи 10 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] Европейский Суд учитывает также способ получения информации, ее достоверность и тяжесть наказания, назначенного журналистам или издателям» (пункт 165 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии).

«Как неоднократно отмечал Европейский Суд, пункт 2 статьи 10 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] практически не допускает ограничений политических высказываний и дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес... Таким образом, когда речь идет о дискуссии по вопросам, представляющим интерес для общества, пределы усмотрения государств ограничены» (пункт 167 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу Компания «Сатакуннан

При определении того, затрагивает ли публикация информации, предавшая огласке элементы частной жизни, вопрос, представляющий общественный интерес, Европейский Суд принимал во внимание

значимость этого вопроса для общества и характер опубликованных сведений (пункт 168 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинаёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).

У общества есть право получать информацию. Это право имеет важнейшее значение в демократическом обществе и при определенных особых обстоятельствах может даже распространяться на аспекты частной жизни общественных лиц (пункт 169 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинаёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).

Для того, чтобы определить, что публикация сведений о частной жизни лица не была направлена исключительно на удовлетворение любопытства некоторой части аудитории, а касалась также вопроса, имеющего общую значимость, эти сведения необходимо рассматривать в совокупности и учитывать контекст их опубликования (пункт 170 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинаёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).

Обычно интерес для общества представляют вопросы, затрагивающие его в такой степени, что у него могут появиться правомерные основания ими заинтересоваться, которые привлекают его внимание или сильно его беспокоят, особенно из-за того, что они отражаются на благосостоянии граждан или на жизни сообщества. Кроме того, общественный интерес вызывают вопросы, способные привести к существенным разногласиям, которые касаются важных аспектов жизни общества, или проблемы, связанные с получением информации, в которой общество было бы заинтересовано. *Общественный интерес нельзя сводить к желанию общества получать информацию о частной жизни других лиц или к желанию аудитории получать сенсационные сведения, а иногда и проявлять болезненное любопытство к чужим делам* (пункт 171 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан*

Марккинаёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии).

Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии).

Бесспорно, наделение общества возможностью знакомиться с официальными документами, в том числе с данными о налогообложении, направлено на обеспечение доступности информации для того, чтобы создать предпосылки для дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес. Такая возможность, хотя она и опосредуется ясно установленными законом правилами и ограничениями, имеет конституционную основу в законодательстве Финляндии и четко гарантировалась на протяжении многих десятков лет (пункт 172 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).

*[Ж]*урналисты самостоятельно решают, как они подходят к освещению тех или иных вопросов. Ни Европейскому Суду, ни внутригосударственным судам не следует подменять мнение прессы в этой области своей собственной оценкой... Кроме того, статья 10 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] предоставляет журналистам возможность решать, какие подробности следует опубликовать, чтобы обеспечить достоверность статьи... Далее, журналисты пользуются свободой выбора, с какими из поступающих к ним новостей они будут работать и как именно. Однако эта свобода предполагает и ответственность... Выбор, который они делают в этой связи, должен опираться на этические нормы их профессии и кодексы поведения (пункт 188 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии*).

Если информация, являющаяся предметом спора, уже является общедоступной, Европейский Суд учитывает данный фактор при определении «необходимости» обжалуемого ограничения свободы слова для целей пункта 2 статьи 10 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В некоторых случаях это было решающим доводом, заставившим Европейский Суд прийти к выводу о нарушении гарантий, предусмотренных статьей 10 Конвенции..., тогда как в других делах, в частности, касающихся права прессы беспрепятственно освещать публичные судебные разбирательства, делался вывод о том, что общедоступность информации перевешивается необходимостью защиты права на уважение частной жизни, предусмотренного статьей 8 Конвенции (пункт 172 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси*

Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии).

Тот факт, что данные, о которых идет речь, являются общедоступными согласно внутригосударственному законодательству, необязательно означает, что их можно публиковать в неограниченном объеме.... Публикация этих данных в газете и их дальнейшее распространение в виде СМС-сообщений позволяют получать к ним доступ таким способом и в том объеме, которые не предполагаются законодателем (пункт 190 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии).

[С]бор информации является важнейшим подготовительным этапом в журналистской деятельности и неотъемлемой охраняемой частью свободы прессы (пункт 191 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу Компания «Сатакуннан Марккинапёрсси Ой» и «Сатамедиа Ой» (Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy) против Финляндии).

Практика Комитета ООН по правам человека

Законом должны регулироваться сбор и хранение информации личного характера государственными властями или частными лицами или органами в компьютерах, банках данных или как-либо иначе. *Государства должны принимать эффективные меры к тому, чтобы информация, касающаяся личной жизни какого-либо лица, не попадала в руки лиц, которые не имеют разрешения на ее получение, обработку и использование, и к тому, чтобы такая информация никогда не использовалась в целях, не совместимых с целями... [Международного пакта о гражданских и политических правах].* Для наиболее эффективной защиты своей личной жизни каждое лицо должно иметь право удостовериться в ясной форме, содержится ли в автоматизированных файлах данных информация личного характера, и если содержится, то какая и с какой целью. Каждое лицо должно иметь... возможность удостовериться, какие государственные органы или частные лица или органы контролируют или могут контролировать их файлы. Если в таких файлах содержится неправильная информация личного характера или если она собиралась или обрабатывалась в нарушение положений закона, каждое лицо должно иметь право потребовать исправления или изъятия этой информации (пункт 10 Замечания общего порядка № 16. Статья 17. Право на личную жизнь. Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Возможности государств по разработке средств ведения учета были расширены благодаря развитию информационной технологии. Расширение возможностей компьютерной техники позволило создать ранее неслыханные формы сбора и хранения персональных данных, а также обмена ими. Были разработаны международные базовые принципы защиты данных, включая обязательства по:

- справедливому и законному получению персональной информации;
- ограничению сферы ее использования первоначально определенной целью;
- обеспечению того, чтобы ее обработка имела надлежащий, соответствующий и нечрезмерный характер;
- обеспечению ее точности;
- обеспечению безопасности;
- ее уничтожению в случае отсутствия потребностей в ней;

представлению частным лицам права доступа к информации о них и права ходатайствовать о внесении в нее исправлений. Комитет по правам человека в своем [3]амечании общего порядка № 16 четко указал, что *эти принципы относятся к праву на неприкосновенность частной жизни, но защита данных также начинает выделяться в качестве отдельного права человека или основного права* (пункт 12 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. A/HRC/13/37. Размещен 28 декабря 2009 г.).

См. также *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения.*²¹⁶

7.2.2. Составление перечня террористов

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

После обнародования списков террористов статья 17... [Международного пакта о гражданских и политических правах] получила еще одно применение. Комитет по правам человека пришел к выводу о том, что

²¹⁶ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrff.ru/documents/international_practice/26427/

необоснованное включение лица в сводный список Комитета Организации Объединенных Наций, учрежденного на основании резолюции 1267²¹⁷, является нарушением статьи 17... [P]аспространение личной информации является посягательством на честь и репутацию лиц, включенных в список, ввиду возможности установления негативной ассоциативной связи между их именами и именами лиц, включенных в список Комитета по санкциям (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. А/НРС/13/37. Размещен 28 декабря 2009 г.).

Создаваемые государством... списки подозреваемых лиц зачастую также приводят к нарушению основных принципов защиты данных. Информация, собираемая с одной целью, повторно используется с другими целями, и в некоторых случаях происходит обмен ею с другими учреждениями, без уведомления заинтересованных лиц или без получения их согласия. При принятии решений в отношении отдельных лиц может использоваться недостоверная информация, вследствие чего устанавливаются ограничения на их поездки. Этим лицам может быть отказано в выдаче виз, пересечении ими границы или в посадке в самолет без представления доказательств совершенных ими тех или иных правонарушений (пункт 28 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. А/НРС/13/37. Размещен 28 декабря 2009 г.).

7.2.3. Вмешательство в право лица на изображение

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[Д]ля того, чтобы можно было применить статью 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], посягательство на репутацию человека должно достигать определенного уровня серьезности и осуществляться таким образом, чтобы причинить ущерб реализации человеком права на уважение своей личной жизни (пункт 51 постановления от 20 июня 2017 г. по делу Богомолова против Российской Федерации).²¹⁸

²¹⁷ Резолюция 1267 (1999), принятая Советом Безопасности на его 4051-м заседании, 15 октября 1999 года.

Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1267%281999%29>

²¹⁸ «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 6 (192) 2018 г. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

Относительно фотографий Европейский Суд отметил, что *изображение человека представляет собой один из главных атрибутов его личности*, поскольку оно демонстрирует уникальные характеристики человека и отличает его от всех остальных. Таким образом, право на защиту своего изображения является одним из важнейших элементов личностного развития и предполагает право контролировать использование данного изображения. Главным образом оно предполагает *право человека контролировать использование своего изображения*, в том числе право не разрешать его опубликование (пункт 52 постановления от 20 июня 2017 г. по делу *Богомолова против Российской Федерации*).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

Европейский Суд напоминает, что в делах, подобных настоящему, ему следует определить, удалось ли властям в рамках их позитивных обязательств в соответствии со статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] установить равновесие между правом заявительницы на уважение ее частной жизни и правом противной стороны на свободу выражения мнения, закрепленным в статье 10 Конвенции. Пункт 2 статьи 10 Конвенции предусматривает, что свобода выражения мнения может быть подвергнута определенным ограничениям, необходимым для защиты частной жизни или репутации других лиц (пункт 27 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).²¹⁹

В ноябре 2007 года заявительница узнала, что на обложке буклета «Дети нуждаются в семье», подготовленного Центром психолого-медико-социального сопровождения, была опубликована фотография ее сына.

Заявительница со ссылкой на статью 8 Конвенции от своего имени и от имени своего несовершеннолетнего сына жаловалась в Европейский Суд на то, что несанкционированная публикация фотографии ее сына в буклете, изготовленном Центром, затронуло ее личную и семейную жизнь. Она также утверждала, что суды Российской Федерации не защитили ее право и право ее сына на уважение их личной и семейной жизни.

По делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

²¹⁹ «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 6 (192) 2018 г. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

В ноябре 2007 года заявительница узнала, что на обложке буклета «Дети нуждаются в семье», подготовленного Центром психолого-медико-социального сопровождения, была опубликована фотография ее сына.

Заявительница со ссылкой на статью 8 Конвенции от своего имени и от имени своего несовершеннолетнего сына жаловалась в Европейский Суд на то, что несанкционированная публикация фотографии ее сына в буклете, изготовленном

*В делах, требующих сопоставления права на уважение частной жизни и права на свободу выражения мнения, Европейский Суд считает, что исход дела, как правило, не должен зависеть от того, рассматривается ли оно с точки зрения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] по инициативе лица, о котором был сделан репортаж, или с точки зрения статьи 10 Конвенции по жалобе издателя публикации. Действительно, данные права заслуживают *a priori* одинакового уважения. Таким образом, пределы усмотрения государства должны быть одинаковыми в обоих случаях (пункт 30 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).*

У Европейского Суда уже была возможность разработать соответствующие принципы, которыми ему следует руководствоваться в данной сфере²²⁰. Так,

---

Центром, затронуло ее личную и семейную жизнь. Она также утверждала, что суды Российской Федерации не защитили ее право и право ее сына на уважение их личной и семейной жизни.

По делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

«Выбор средств, способных обеспечить соблюдение статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в межличностных отношениях относится, как правило, к сфере усмотрения Договаривающихся Государств независимо от того, являются ли обязательства государства позитивными или негативными. Что касается статьи 10 Конвенции, Договаривающиеся Государства также обладают определенными пределами усмотрения, чтобы оценить необходимость и масштаб вмешательства в осуществление свободы выражения мнения, пользующейся защитой в соответствии с данным положением Конвенции» (пункт 28 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).

«Однако эти пределы усмотрения сопровождаются контролем со стороны Европейского Суда, распространяющимся как на законодательство, так и на решения, их применяющие, даже когда такие решения вынесены независимым судом. В рамках осуществления своих контрольных функций Европейский Суд не стремится подменить своим мнением оценку внутригосударственных суды, но с учетом всех обстоятельств дела проверяет, соответствовали ли решения последних, вынесенные при осуществлении их властных полномочий по оценке дела, положениям Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 29 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).

²²⁰ «В соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Европейского Суда условие «необходимости в демократическом обществе» требует определить, соответствовало ли вмешательство настоятельной общественной потребности, было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, и были ли причины, указанные внутригосударственными властями в оправдание вмешательства, относимыми и достаточными.... Пределы усмотрения, которыми располагают власти государства-ответчика, чтобы определить, имеет ли место такая «потребность», и какие меры должны быть приняты, ограничены, и они сопровождаются контролем со стороны Европейского Суда, который в качестве суда последней инстанции определяет, совместимо ли ограничение со свободой выражения мнения, закрепленной в статье 10 Конвенции [о защите прав человека и

Европейский Суд установил ряд критериев, которые должны применяться в контексте сравнения конкурирующих прав (см.... [п]остановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)»...):

*вклад в обсуждение общественно значимых вопросов,
известность лица и тема репортажа,
предшествующие действия лица,
содержание, форма и последствия публикации, а также*

в случае необходимости обстоятельства дела.... Европейский Суд считает, что данные критерии применимы в настоящем деле (пункт 32 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).

Европейский Суд отмечает, что, *если существует право общественности на получение информации из публикаций или телевизионных программ, имеющих единственной целью удовлетворить любопытство определенной части публики в отношении деталей частной жизни какого-либо лица, независимо от известности последнего, путем вмешательства в его личную жизнь, такие программы и публикации не могут рассматриваться как способствующие обсуждению каких-либо общественно значимых вопросов....*, даже если предположить, что данное лицо имеет определенную общественную известность.... Европейский Суд подтверждает, что *общественно значимые вопросы не могут включать в себя ни ожидания публики, интересующейся деталями частной жизни других лиц, ни любовь читателей к сенсациям или даже вуйаеризму....* Европейский Суд напоминает, что известность или публичность лица влияет на защиту, которой пользуется его частная жизнь. Однако Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле речь не идет о публичной фигуре, наделенной официальными полномочиями, следовательно, право на сохранение тайны частной жизни является, как правило, более широким (пункт 34 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).

По мнению Европейского Суда, *то обстоятельство, что заявительница, певица по профессии, известна испанской публике как артистка, необязательно означает, что ее действия в частной сфере могут*

основных свобод]. Если анализ внутригосударственных властей был проведен в соответствии с критериями, установленными в прецедентной практике Европейского Суда, необходимы серьезные причины, чтобы он пришел к выводу, отличающемуся от заключения судов страны» (пункт 31 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).

относиться к общественно значимым вопросам. Европейский Суд отмечает, что телевизионные программы, основанные на строго частных аспектах жизни заявительницы, не содержали в себе характеристик общественной значимости, которые были бы способны оправдать раскрытие данной информации. Это утверждение верно, несмотря на общественную известность заявительницы, поскольку *публика не имеет правомерного интереса знать о некоторых интимных аспектах ее жизни.* Необходимо отметить, что участники спорных телепередач затрагивали и комментировали исключительно детали, непристойные в глазах определенного вида публики, частной жизни заявительницы.... Хотя интерес публики, разумеется, существует так же, как и коммерческий интерес телеканалов в распространении подобных программ, однако в настоящем деле *оба этих интереса должны уступать праву заявительницы на эффективную защиту ее частной жизни* (пункт 35 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).

Европейский Суд напоминает, что *информация, ставшая известной публике в результате действий самого заинтересованного лица, перестает быть тайной и оказывается в свободном доступе..., снижая тем самым степень защиты, на которую заинтересованное лицо может рассчитывать в отношении своей частной жизни.* Однако любая предполагаемая или реальная терпимость лица по отношению к публикациям о его частной жизни необязательно лишает его права на ее защиту.... в случае трансляции, как в настоящем случае, телевизионных программ (пункт 36 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).

Европейский Суд полагает, что *тот факт, что заявительница извлекала выгоду из внимания прессы, как утверждали власти Испании, не мог предоставлять телевизионным каналам неограниченную свободу и лишать заявительницу всякой защиты от неконтролируемых комментариев о ее частной жизни* (пункт 39 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).

Европейский Суд напоминает, что, *если речь идет об информации или комментариях, затрагивающих частную жизнь других лиц, журналистам или любым другим участникам телевизионных передач, схожих с теми, которых касается настоящее дело, следует заранее учитывать возможные последствия предстоящей публикации сведений и изображений.* В частности, некоторые события частной и семейной жизни пользуются особенно тщательной защитой с точки зрения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], и, следовательно, журналисты должны

проявлять осторожность и предусмотрительность при их освещении... Наконец, *неразборчивое распространение непроверенных слухов и высказывание комментариев без какого-либо контроля или ограничений по поводу любого аспекта частной жизни другого лица не может считаться безобидным* (пункт 41 постановления от 21 февраля 2017 г. по делу *Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании*).

Что касается фотографий, то в целях определения сферы применения гарантий защиты от своевольного вмешательства органов государственной власти согласно статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], Европейская комиссия по правам человека²²¹ принимала во внимание то, *относятся ли фотографии к частной или к публичной сфере* и полученные таким образом материалы планируются для ограниченного использования или же, вероятно, станут доступны неограниченному кругу лиц (пункт 52 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).²²²

Хотя свобода выражения взглядов также распространяется на публикацию фотографий, в этой области защита прав и репутации других лиц приобретает особую важность. В данном деле распространялись не «идеи», а изображения, которые содержали очень личную и даже интимную

²²¹ Действовала до 1 ноября 1998 г.

²²² Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108728>

Заявительница утверждала, что решение немецких судов по ее делу нарушило ее право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции. С начала 90-х годов прошлого века заявительница пыталась, часто через суд, предотвратить публикации в бульварной печати нескольких европейских стран фотографий, касающихся ее частной жизни. Заявительница жаловалась не на действия государства, а, на отсутствие достаточной защиты государством ее частной жизни и своего собственного имиджа.

«[Х]отя статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в сущности, защищает лицо от своевольного вмешательства органов государственной власти, она не просто заставляет государство удерживаться от такого вмешательства: кроме этого основного негативного обязательства у государства могут возникать положительные обязательства, необходимые для эффективного обеспечения уважения частной или семейной жизни. Такие обязательства могут включать применение мер, направленных на обеспечение уважения частной жизни даже в сфере отношений лиц между собой... Это также касается защиты изображения лица от злоупотреблений со стороны других лиц... Невозможно точно определить границу между соответствующими положительными и отрицательными обязательствами государства. Применяемые принципы, тем не менее, схожи. В обоих случаях нужно учитывать то справедливое равновесие, которое необходимо установить между конкурирующими интересами лица и общества в целом, и в обоих случаях государство имеет определенные границы усмотрения» (пункт 57 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).

«информацию» о лице. Более того, фотографии, которые появляются в бульварной печати, часто делаются в атмосфере постоянного надоедания, которое вызывает у соответствующих лиц постоянное ощущение прямого вмешательства в их личную жизнь и даже ощущение преследования (пункт 59 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).²²³

В делах, при рассмотрении которых Европейскому Суду приходилось искать баланс между защитой частной жизни и свободой выражения взглядов, Суд всегда подчеркивал то, *как фотографии или статьи в печати содействуют обсуждению вопросов, которые представляют общий интерес...* Суд приходил к выводу, что использование определенных высказываний относительно частной жизни лица не было «оправдано соображениями общественного интереса» и что такие высказывания не «имели отношения к вопросам общественного значения»... и в дальнейшем постановил, что нарушение статьи 10 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не имело места. Однако, в другом деле Европейский Суд придал особое значение тому обстоятельству, что предметом рассмотрения было информационное сообщение, которое представляло «большой общественный интерес», и что опубликованные фотографии «не раскрывали подробностей частной жизни» лица..., и постановил, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции. Аналогично, в недавнем деле о публикации бывшим личным врачом президента Миттерана книги с данными о состоянии здоровья президента Европейский Суд заметил, что «чем больше проходит времени, тем больший интерес общественности к обсуждению истории двух сроков пребывания на должности президента Миттерана превалирует над требованиями защиты прав президента относительно конфиденциальности медицинских данных»..., и постановил, что имело место нарушение статьи

---

²²³ «Баланс между защитой частной жизни и свободой выражения взглядов гарантируется статьей 10 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В связи с этим Суд напоминает, что свобода выражения взглядов является одним из основных принципов демократического общества. Согласно пункту 2 статьи 10 такая свобода распространяется не только на «информацию» или «идеи», которые воспринимаются одобрительно или считаются безобидными или нейтральными, но и на такие, что обижают, шокируют или приводят в негодование. Такими являются требования плюрализма, терпимости и либерализма, без которых невозможно «демократическое общество»... Таким образом, пресса играет существенную роль в демократическом обществе. Хотя пресса не должна переступать определенные границы, в частности, относительно репутации и прав других лиц, она, тем не менее, обязана доносить информацию и идеи по всем вопросам, которые представляют интерес для общества, способами, не противоречащими ее обязанностям и ответственности... *Журналистская свобода также предусматривает возможность обратиться к определенному преувеличению или даже провокативности*» (пункт 58 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).

10 Конвенции (пункт 60 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).²²⁴

*[П]убликация... фотографий и статей, единой целью которых было удовлетворение любопытства определенного круга читателей о подробностях частной жизни заявительницы, не может считаться взносом в обсуждение вопросов общественного значения, несмотря на то, что заявительница широко известна общественности (пункт 65 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).²²⁵*

Европейский Суд... принимает во внимание Резолюцию Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность частной жизни,²²⁶ в которой подчеркивается «*одностороннее толкование права на свободу выражения взглядов*» определенными средствами массовой информации, которые стараются оправдать нарушение прав, которые защищаются статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], заявляя, что «*их читатели имеют право знать все о публичных лицах*» (пункт 67 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).

Суд напоминает *основополагающее значение защиты частной жизни с точки зрения развития личности каждого человека. Такая защита, как отмечалось выше, распространяется за пределы частного семейного круга и включает также социальный аспект.* Суд считает, что любое лицо, даже хорошо известное общественности, должно иметь возможность «*правомерного ожидания*» защиты и уважения своей частной жизни (пункт 69 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).

---

²²⁴ «Однако, Европейский Суд считает, что *необходимо установить основные отличия между сообщением, которое основывается на фактах, – даже противоречивых, – что способно стать толчком к дискуссии в демократическом обществе, например, когда речь идет о политических деятелях, которые выполняют свои официальные функции, и, с другой стороны, между сообщением о подробностях частной жизни лица, которое, кроме того, как в этом деле, не выполняет таких официальных функций.* Если в первом случае пресса выполняет присущую ей роль «сторожевого пса» в демократическом обществе, осуществляя свой взнос в «предоставление информации и идей, представляющих общественный интерес»..., то во втором случае пресса не выполняет такой роли» (пункт 63 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).

²²⁵ «При таких условиях свободу выражения взглядов нужно подвергать более узкому толкованию» (пункт 66 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).

²²⁶ Резолюция № 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о праве на неприкосновенность частной жизни (Режим доступа (на английском языке): <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewPDF.asp?FileID=16641&lang=en>).

*[П]ри защите частной жизни необходимо повышенное внимание, чтобы противостоять новым коммуникационным технологиям, которые позволяют сохранять и воссоздавать личные данные... Это также касается систематической съемки специфического типа фотографий и их распространения среди широких кругов общественности (пункт 70 постановления от 24 июня 2004 г. по делу фон Ганновер против Германии).*²²⁷

См. также *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения.*²²⁸

---

²²⁷ «76. Как уже отмечал Суд, он считает, что решающим фактором установления равновесия между защитой частной жизни и свободой выражения взглядов является то, что опубликованные статьи или фотографии привносят в дискуссию, которая представляет общий интерес. Ясно, что в данном случае они ничего такого не привносят, поскольку заявительница не выполняет никаких официальных функций, и фотографии и статьи касаются исключительно подробностей ее частной жизни.

77. Более того, Суд считает, что общественность не имеет законного права знать, где находится заявительница и как она вообще ведет себя в своей частной жизни, даже если она появляется в местах, которые не всегда можно описать как отделенные или безлюдные, и, несмотря на то, что она хорошо известна общественности. Даже если существует какой-либо публичный интерес типа коммерческого интереса журналов к обнародованию этих фотографий и статей, в данном случае, по мнению Суда, такие интересы должны быть подчинены праву заявительницы на эффективную защиту ее частной жизни.

78. В конце концов, по мнению Суда, критерии, примененные национальными судами, не оказались достаточными для обеспечения права на уважение частной жизни заявительницы, которая имела все основания на «законные ожидания» относительно защиты ее частной жизни.

79. Учитывая все указанные выше факторы и вопреки данным Государству пределов усмотрения в этой сфере, Суд считает, что немецкие суды не смогли обеспечить справедливое равновесие между противоположными интересами.

80. Таким образом, имело место нарушение статьи 8 Конвенции» (пункты 76-80 постановления от 24 июня 2004 г. по делу фон Ганновер против Германии).

²²⁸ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26427/

7.2.4. Умаление личной (деловой) репутации

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

*[П]раво на защиту репутации – это право, которое защищено статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] как часть права на уважение личной жизни. Понятие «личная жизнь» является широким и не подлежит исчерпывающему определению, которое охватывает также физическую и психологическую неприкосновенность лица. Однако чтобы статья 8 Конвенции была применима, посягательство на репутацию лица должно достигнуть определенной степени серьезности²²⁹ и осуществляться способом, причиняющим вред осуществлению лицом права на уважение личной жизни»... С другой стороны, статья 8 Конвенции не может использоваться для обжалования утраты репутации, которая является предсказуемым последствием собственных действий лица, таких, например, как совершение преступления (пункт 76 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).²³⁰*

²²⁹ «Европейский Суд учитывает, что не утверждалось и не представляется, что обвинения, выдвинутые против M.S. в письме заявителей, затрагивали поведение, которое рассматривалось как преступное в соответствии с внутрисударственным законодательством.... Однако он считает, что обвинение M.S. в неуважении к другой национальности и религии не только могло повредить ее репутации, но и причинить ей ущерб в профессиональной и социальной среде.... Следовательно, обвинения достигли требуемого уровня серьезности, который мог нарушить права M.S. в соответствии со статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] ... » (пункт 79 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

²³⁰ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 6(18)2018. Перевод с английского языка Г.А. Николаева.

В данном деле заявители обжаловали судебные решения, в соответствии с которыми они были привлечены к ответственности за диффамацию, которой были признаны их высказывания в отношении взглядов и мнений редактора публичной радиостанции, претендующую на должность ее директора. Суд отметил, что важным фактором, имеющим значение при установлении равновесия статей 8 и 10 конвенции по делу, была достоверность информации, переданной властям и национальным сми. То, что заявители не доказали соответствие действительности их информации, привело суд к выводу о том, что их утверждения не имели достаточной фактической основы для выдвижения спорных обвинений в отношении редактора в их письме.

По делу требования статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод нарушены не были.

Если... интересы «защиты репутации или прав иных лиц» обуславливают применение статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], от Европейского Суда может потребоваться проверить, *достигли ли власти государства-ответчика справедливого равновесия*, защищая две ценности, гарантируемые Конвенцией, а именно, с одной стороны, свободу выражения мнения, защищаемую статьей 10 Конвенции, и, с другой стороны, право на уважение личной жизни, провозглашенное в статье 8 Конвенции. Общие принципы, применимые к сопоставлению этих прав, были впервые сформулированы в [п]остановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)» (*Von Hannover v. Germany*) (№ 2) .... и в.... [п]остановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Издательский дом “Аксель Шпрингер АГ” против Германии»..., а затем более подробно изложены в [п]остановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудерк и компания “Ашетт Филипакки Ассосье” против Франции»..., еще позднее обобщены в [п]остановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» .... следующим образом:

«(i) В такого рода делах результат рассмотрения жалобы не должен меняться в зависимости от того, была она подана в Европейский Суд лицом, о котором говорится в заявлении, со ссылкой на статью 8 Конвенции, или лицом, сделавшим это заявление, со ссылкой на статью 10 Конвенции, поскольку *права, гарантированные этими статьями Конвенции, в принципе заслуживают уважения в равной степени*.

(ii) Выбор средств, которыми обеспечивается соблюдение статьи 8 Конвенции в сфере отношений частных лиц между собой, в принципе является вопросом, охватываемым свободой усмотрения государства-участника, независимо от того, о позитивных или негативных его обязательствах идет речь. *Уважения личной жизни можно добиться разными способами, и характер обязательств зависит от того, какой конкретно аспект личной жизни является предметом спора*.

(iii) Аналогичным образом *статья 10 Конвенции наделяет власти государств-участников некоторой свободой усмотрения при определении того, было ли необходимо вмешательство в осуществление права на свободу выражения мнения, и если да, то в какой степени*.

(iv) *Свобода усмотрения государств, однако, подлежит общеевропейскому контролю, который распространяется как на законодательство, так и на правоприменительные акты, даже на те, которые приняты независимыми судами*. Задача Европейского Суда при осуществлении его контрольных полномочий заключается не в том, чтобы поставить себя на место компетентных внутригосударственных органов власти, а в том, чтобы с учетом обстоятельств дела в целом проверить вынесенные ими решения на предмет их соответствия требованиям тех статей Конвенции, о которых идет речь в жалобе.

(v) *Если внутригосударственные власти нашли баланс между различными правами и интересами в соответствии с критериями, установленными в прецедентной практике Европейского Суда, Европейскому Суду потребуются веские основания, чтобы подменить позицию внутригосударственных судов своей собственной точкой зрения»* (пункт 77 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу

Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины).

В отсутствии проблемы лояльности, сдержанности и осмотрительности у Европейского Суда нет необходимости рассматривать разновидность проблемы, занимавшей центральное место в вышеупомянутой прецедентной практике о разоблачителях, а именно имелись ли альтернативные каналы или иные эффективные средства, с помощью которых заявители могли устранить предполагаемые проступки (такие как обращение к руководству лица или в иной компетентный орган), которые заявители намеревались разоблачить (пункт 80 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).²³¹

«[О]дной из составляющих верховенства права» является «возможность граждан сообщать компетентным государственным органам о действиях государственных служащих, которые представляются им неправильными или незаконными»... Предшествовавший принцип и применявшие его постановления демонстрируют, что Европейский Суд готов оценивать добросовестность заявителя и меры, принимаемые для установления истины в соответствии с более субъективным и мягким подходом, чем в других видах дел (пункт 82 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).²³²

²³¹ «Европейский Суд также рассмотрел вопрос о том, могло ли сообщение заявителей квалифицироваться, как утверждали вступившие в дело третьи стороны, в качестве разоблачения, как это явление определено в его прецедентной практике. Вместе с тем Европейский Суд учитывает, что заявители не находились в субординированных трудовых отношениях с публичной радиостанцией ВД..., которые могли связывать их обязанностью лояльности, сдержанности и осмотрительности по отношению к радио, что является особыми признаками данного понятия, выработанными в его прецедентной практике.... Заявители, которые не являлись сотрудниками радиостанции ВД, не имели эксклюзивного доступа к этой информации и прямой осведомленности о ней... ..., но, по-видимому, действовали в качестве «средства коммуникации»... между сотрудниками радиостанции (относительно предполагаемого ненадлежащего поведения М.С. на рабочем месте) и властями ВД. Не была представлена информация о том, что эти сотрудники столкнулись какими-либо последствиями их сигналов о предполагаемых проступках.... Заявители также не утверждали, что их письмо должно было рассматриваться как разоблачение...» (пункт 80 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

²³² «Европейский Суд находит особенно заслуживающим внимания подход, которому следовал Конституционный суд Боснии и Герцеговины в настоящем деле ....., ссылавшийся по существу на конвенционную прецедентную практику, разработанную в сопоставимой группе дел, где Европейский Суд на основании фактов установил, что

В то же время следует подчеркнуть, что в вышеупомянутых делах²³³ решающим аргументом для оценки пропорциональности Европейским Судом был тот факт, что *оспариваемые диффамационные высказывания делались в порядке частной переписки*, которую заявитель вел с вышестоящим сотрудником данной потерпевшей стороны... или с должностными лицами государства.... В некоторых случаях оспариваемые утверждения следовали из личного опыта заявителей²³⁴ ..., тогда как в остальных делах жалобы были поданы заявителями, которые не были прямо затронуты обжалуемыми проблемами (дело *Захарова* возникло по жалобе лица на то, что должностное лицо администрации населенного пункта злоупотребляло своими должностными полномочиями и способствовало захвату земли; в деле «*Софрански против Республики Молдова*» заявитель, являвшийся членом избирательного штаба кандидата на должность мэра их села, написал письмо с критикой другого кандидата) (пункт 83 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

[Н]астоящее дело выявляет потребность учета более широкого спектра факторов, чем в делах типа дела *Захарова*, в которых Европейский Суд придавал «решающее значение» тому факту, что заявители изложили свои

«требования защиты в соответствии со статьей 10 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] долж[ны] сопоставляться не с интересами свободы прессы или открытой дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес, а с правом заявителей сообщать о предполагаемых недостатках в поведении должностных лиц государства» (пункт 82 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

²³³ См. постановление Европейского Суда по делу «*Захаров против Российской Федерации*» от 5 октября 2006 г., постановление Европейского Суда по делу «*Сырык против Украины*» от 31 марта 2011 г., постановление Европейского Суда от 21 декабря 2010 г. по делу «*Софрански против Республики Молдова*», постановление Европейского Суда по делу «*Безымянный против Российской Федерации*» от 8 апреля 2010 г., постановление Европейского Суда по делу «*Казаков против Российской Федерации*» от 18 декабря 2008 г.

²³⁴ Дело «*Сырык против Украины*» касалось утверждений заявительницы о том, что должностные лица Академии налоговой службы, где обучался ее сын, требовали от нее взятки; в деле «*Безымянный против Российской Федерации*» заявитель сообщал о предполагаемом незаконном поведении судьи, который рассматривал его дело; в деле «*Казаков против Российской Федерации*» бывший военнослужащий направил письменную жалобу на предполагаемое незаконное поведение командира войсковой части; в деле «*Лешиник против Словакии*» заявитель жаловался на злоупотребления и коррупцию со стороны прокурора, который отклонил его заявление о возбуждении уголовного дела против третьего лица.

претензии в порядке частной переписки... Сопоставляя затронутые конкурирующие интересы, а именно право заявителей на свободу выражения мнения против права *M.S.* на уважение ее личной жизни....., Европейский Суд считает целесообразным принять во внимание также критерии, которые обычно применяются к распространению дискредитирующих высказываний средствами массовой информации при осуществлении их функции общественного контролера, а именно

степень известности затронутого лица,

предмет новостного сообщения,

содержание, форма и последствия публикации, а также

способ, которым получена информация, и ее достоверность, а также

тяжесть примененной санкции (пункт 88 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).²³⁵

²³⁵ «[С]ледует подчеркнуть, что роль НПО [неправительственной организации], сообщающей о предполагаемом ненадлежащем поведении или нарушениях со стороны публичных должностных лиц, не менее важна, чем та, которую исполняет лицо в соответствии с линией в деле Захарова прецедентной практики, даже если, как в настоящем случае, она не основана на прямом личном опыте. Действительно, Европейский Суд признал, что, если НПО придает значение вопросам публичного интереса, она осуществляет роль общественного контролера той же важности, что и пресса..., и может быть охарактеризована как «общественный контролер», требующий той же защиты в соответствии с Конвенцией [о защите прав человека и основных свобод], что и предоставленная прессе... Европейский Суд признавал, что гражданское общество вносит важный вклад в обсуждение общественных дел... Также заслуживает внимания, что в основополагающих принципах о статусе неправительственных организаций в Европе... подчеркивается важный вклад НПО в «развитие, реализацию и длящееся сохранение демократических обществ» и необходимость в таких обществах приветствовать участие [НПО] в... механизмах диалога, консультации и обмена» (пункт 86 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

«[Н]е следует пренебрегать тем фактом, что так же, как и пресса, НПО, играющая роль общественного контролера, по-видимому, имеет большее влияние, когда сообщает о нарушениях со стороны публичных должностных лиц, и часто располагает более широкими средствами для проверки и подтверждения достоверности критики, чем лицо, сообщающее о том, что оно наблюдало лично. В сфере свободы прессы Европейский Суд указывал, что, «поскольку осуществлению свободы выражения мнения присущи «обязанности и ответственность», гарантии, предоставленные статьей 10 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] журналистам в отношении освещения вопросов, представляющих общественный интерес, применяются при условии, что они действуют добросовестно, предоставляя точную и надежную информацию в соответствии с журналистской этикой»... Недавно в... деле «*Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии*» Европейский Суд подтвердил, что те же соображения применимы к НПО, принявшей функции общественного контролера... Аналогичный

Европейский Суд полагает, что не может быть сомнений в том, что *любое обсуждение по поводу этнического баланса сотрудников государственной службы является серьезным и относится к публичной сфере*. Высокий стандарт публичной службы, на которой гражданские служащие, в частности, «оказывающие важное влияние на проблемы общества, имеющие политический интерес»...., уважают этническую и религиозную идентичность лиц²³⁶...., является важным вопросом общественного интереса (пункт 94 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

В контексте свободы прессы Европейский Суд указал, что необходимо существование особых причин для освобождения средства массовой информации от его обычной обязанности проверки *утверждений о фактах, умаляющих репутацию частных лиц*. Наличие таких причин зависит, в частности, от

характера и степени диффамации и от того,

насколько средство массовой информации может разумно считать свои источники надежными в отношении данных утверждений... Эти факторы в свою очередь требуют рассмотрения иных элементов, таких как провела ли газета разумный объем исследовательской работы до публикации...., представила ли газета повествование разумно сбалансированным образом (пункт 108 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

То обстоятельство, что оспариваемые утверждения были сообщены государственным органам в рамках частной переписки, хотя и является важным фактором, не наделяет заявителей полностью неограниченной свободой по распространению непроверенных порочащих сведений. Обязанность властей проверять такие утверждения не может рассматриваться как замена обычной обязанности проверки фактических утверждений, которые являются диффамационными, даже в отношении государственных служащих. То, что заявители воспринимались.... и на

подход отражен в Кодексе этики и поведения НПО, ... согласно которому «НПО не должны нарушать основных прав человека, которыми наделен каждый», «должны предоставлять *точную информацию*... в отношении... любого лица» и «информация, которая распространяется [НПО] среди... людей, принимающих решения, должна быть достоверной и представленной в надлежащем контексте» (пункт 87 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

²³⁶ Проживающих в Боснии и Герцеговине.

самом деле действовали как представители интересов конкретных слоев населения ВД²³⁷, усиливало их обязанность проверять точность информации до ее сообщения властям. Европейский Суд проанализирует, исполнили ли заявители свою обязанность в отношении каждого из оспариваемых высказываний. Разумность усилий, предпринятых в этом отношении, должна определяться с учетом ситуации, существовавшей во время подготовки письма, а не ретроспективно (пункт 109 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

Европейский Суд подчеркивает, что *чем серьезнее обвинение, тем бóльшая осмотрительность требуется при доведении его до сведения соответствующих властей* (пункт 115 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

Европейский Суд напоминает, что *характер и суровость примененного наказания являются факторами, которые необходимо учитывать при оценке соразмерности вмешательства* (пункт 118 постановления Большой Палаты от 27 июня 2017 г. по делу *Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others) против Боснии и Герцеговины*).

См. также приведенный выше раздел «*Вмешательство в право лица на изображение*» и *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения.*²³⁸

7.2.5. Вмешательство в право лица на уважение частной жизни на рабочем месте

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

[Т]рудовое законодательство отличается особыми чертами, которые следует принимать во внимание. Взаимоотношения работодателя и работника носят договорный характер с особыми правами и обязанностями каждой стороны и

²³⁷ Религиозной общины мусульман в округе *Брчко* (Боснии и Герцеговины).

²³⁸ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26427/

характеризуются юридической субординацией. Они регулируются отдельными правовыми нормами, которые значительно отличаются от правил, действующих в отношении взаимоотношений между частными лицами (пункт 117 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).²³⁹

С регулирующей точки зрения трудовое законодательство оставляет место для переговоров между сторонами трудового договора. Так, обычно сами стороны регулируют значительную часть своих взаимоотношений.... Из имеющегося в распоряжении Европейского Суда сравнительного правового материала... следует, что в Европе отсутствует консенсус по данному вопросу. *Только в нескольких государствах-членах четко урегулирован вопрос осуществления работниками своего права на уважение личной жизни и корреспонденции на рабочем месте* (пункт 118 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

Договаривающимся Государствам должна быть предоставлена широкая свобода усмотрения при оценке необходимости установления правовой базы, регулирующей условия, при которых работодатель может контролировать электронные или иные средства общения своих работников нерабочего характера, осуществляемые с рабочего места (пункт 119 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

[П]редоставляемая государствам в этом отношении свобода усмотрения не может быть безграничной. *Внутригосударственные органы власти должны обеспечить, чтобы применение работодателем мер по контролю корреспонденции и других средств общения, независимо от степени и продолжительности этих мер, сопровождалось бы надлежащими и достаточными гарантиями против злоупотреблений* (пункт 120

---

²³⁹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2017. № 10. С. 106-138.

«[О]бжалуемая заявителем мера, а именно *просмотр его переписки*, осуществленной с помощью программы обмена мгновенными сообщениями компании Yahoo, что привело к возбуждению против заявителя дисциплинарного производства и увольнению за нарушение правил внутреннего распорядка компании-работодательницы, которыми запрещалось пользоваться ресурсами компании в личных целях, была осуществлена не органом государственной власти, а коммерческой частной компанией» (пункт 109 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

«[З]ащитные меры должны содержаться *не только в трудовом законодательстве*, но и в гражданском и уголовном законах» (пункт 116 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

Европейский Суд осознает происходящие быстрые изменения в этой области. Вместе с тем он считает, что *пропорциональность и процессуальные гарантии против произвола являются существенными*. В этом контексте внутригосударственные власти должны рассматривать как относящиеся к делу следующие факторы:

(i) *был ли сотрудник уведомлен о вероятности того, что работодатель может принять меры для контроля корреспонденции и других средств общения, а также об осуществлении таких мер*. Хотя на практике работников можно уведомлять различными способами, в зависимости от фактических обстоятельств каждого дела Европейский Суд считает, чтобы меры соответствовали требованиям статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в уведомлении обычно должен ясно быть указан характер контроля, а само уведомление направлено заранее;

(ii) *степень контроля со стороны работодателя и степень вмешательства в личное пространство работника*. В этом отношении следует проводить различие между контролем за характером переписки и ее содержанием. Также необходимо учитывать, контролируются ли все сообщения или только часть из них, а также вопрос о том, ограничен ли контроль по времени и ограничено ли количество лиц, которое может изучать его результаты .... То же самое применимо и к объему контролируемой информации;

(iii) *указал ли работодатель законные причины для оправдания контроля за сообщениями и оценки их содержания...* Поскольку контроль содержания переписки по своей природе носит более агрессивный характер, его применение требует более серьезных оправданий;

(iv) *будет ли возможно установить систему контроля, основанную на менее агрессивных методах и мерах проникновения в личную жизнь человека, чем прямой просмотр содержания переписки работника*. В связи с этим в свете определенных обстоятельств каждого дела должна проводиться оценка того, могла ли поставленная работодателем цель быть достигнута без прямой оценки полной переписки переговоров работника;

(v) *последствия контроля для работника, в отношении которого он осуществляется ...*, и использование работодателем результатов контроля, в частности, были ли эти результаты использованы для достижения заявленной цели примененной меры...;

(vi) *были ли работнику обеспечены надлежащие гарантии, особенно если контроль со стороны работодателя характеризовался мерами вмешательства в личную сферу*. Данные гарантии должны особенно обеспечивать то, что работодатель не сможет ознакомиться с содержанием

рассматриваемых сообщений, если только работник не был заранее уведомлен о такой возможности.

В рассматриваемом контексте стоит повторить следующее: *чтобы трудовые отношения были плодотворными, они должны основываться на взаимном доверии* (пункт 121 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

[В]нутригосударственные органы власти должны обеспечивать, чтобы работник, чья переписка стала предметом контроля, имел бы доступ к средству правовой защиты в суде, имеющему полномочия определять как минимум по существу, насколько были соблюдены приведенные выше критерии и была ли обжалуемая мера законной (пункт 122 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

Европейский Суд признает, что *работодатель законно заинтересован в бесперебойной работе его компании* и что этого можно достичь путем создания механизмов проверки того, осуществляют ли работники компании свои обязанности надлежащим образом и с необходимым усердием (пункт 127 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

[Ч]тобы считаться предварительным, уведомление от работодателя должно поступить до начала наблюдения, особенно если наблюдение связано с оценкой содержания писем работника. В этом направлении указывают и международные, и европейские стандарты, требуя, чтобы субъект наблюдения был бы уведомлен до проведения каких-либо контролирующих мероприятий (пункт 133 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).²⁴⁰

---

²⁴⁰ «Представленные Европейскому Суду доказательства свидетельствуют о том, что заявитель был уведомлен о правилах внутреннего распорядка компании-работодательницы, согласно которым запрещалось использование ресурсов компании в личных целях... Заявитель ознакомился с содержанием этого документа и 20 декабря 2006 г. расписался в прочтении на его копии .... Кроме того, работодатель разослал всем сотрудникам информационное письмо, датированное 26 июня 2007 г., в котором им напоминалось о запрете использовать ресурсы компании в личных целях и сообщалось, что один сотрудник уже был уволен за нарушение данного правила ... Заявитель ознакомился с информационным письмом и расписался на копии в его прочтении в неустановленный день между 3 и 13 июля 2007 г. ... В заключение Европейский Суд отмечает, что 13 июля 2007 г. работодатель дважды вызывал заявителя для дачи объяснений относительно использования заявителем Интернета в личных целях ... Первоначально, после того, как заявителю показали схемы интернет-соединений его и его коллег, заявитель утверждал, что использовал программу обмена мгновенными сообщениями компании Yahoo только в рабочих целях ... Впоследствии, когда через 50 минут заявителю представили 45-страничную расшифровку его сообщений с братом и

[П]ри определенных обстоятельствах лицо имеет «правомерное ожидание» защиты и уважения ее частной жизни. Соответственно, в деле о прослушивании телефонных разговоров в служебных помещениях Суд постановил, что у заявителя «существовало правомерное ожидание частного характера таких разговоров» (пункт 51 постановления от 24 июня 2004 г. по делу *фон Ганновер против Германии*).²⁴¹

7.2.6. Производство принудительных действий, связанных с ограничением права лица на уважение частной жизни

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Европейский Суд ранее приходил к выводу, в контексте обыска на улице, что независимо от того, найдены ли в каком-либо конкретном случае при таком обыске и прочтены корреспонденция или дневники или иные личные документы либо обнаружены иные предметы сугубо личного характера, использование полномочий принуждения, которые установлены законодательством и требуют от лица подчиниться тщательному личному обыску, обыску его одежды и личных вещей, представляет собой однозначное вмешательство в право на уважение личной жизни (пункт 64 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).²⁴²

невестой, он сказал работодателю, что, по его мнению, последний совершил преступление, нарушив тайну корреспонденции» (пункт 130 постановления Большой Палаты от 5 сентября 2017 г. по делу *Бэрбулеска против Румынии*).

²⁴¹ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108728>

Заявительница утверждала, что решение немецких судов по ее делу нарушило ее право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции. С начала 90-х годов прошлого века заявительница пыталась, часто через суд, предотвратить публикации в бульварной печати нескольких европейских стран фотографий, касающихся ее частной жизни. Заявительница жаловалась не на действия государства, а, на отсутствие достаточной защиты государством ее частной жизни и своего собственного имиджа.

²⁴² Прецеденты Европейского Суда по правам человека № 4. 2018.

Заявитель жаловался по статье 8 Конвенции на то, что таможенные органы незаконно и без каких-либо уважительных причин исследовали данные, содержащиеся на его портативном компьютере и информационных устройствах, и скопировали электронные данные, относящиеся как к его личной жизни, так и к профессиональной деятельности.

Имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

В одном из... дел²⁴³ Европейский Суд счёл, что имело место «вмешательство» в право заявителя на уважение её «личной жизни» вследствие обыска её сумки и изъятия у неё блокнота, так как предполагалось, что он содержит сведения, имеющие значение для расследования уголовного дела в отношении неё (пункт 65 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).

В постановлении по делу «Гиллен и Кинтон»... Европейский Суд... сделал следующие выводы относительно контекста обыска, которому подвергаются пассажиры в аэропортах или при входе в публичные здания преимущественно по соображениям безопасности:

«64. Европейский Суд... не видит необходимости решать, представляет ли собой обыск лица и его сумок при таких обстоятельствах вмешательство в права лица по статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], пусть даже явно оправданное соображениями безопасности, поскольку по причинам, приведённым заявителями, эти ситуации несравнимы. Воздушный путешественник может считаться давшим согласие на такой обыск решением совершить путешествие. Он знает, что он сам и его сумки подлежат обыску до посадки в самолёт и имеет свободу выбора, поскольку он может оставить личные вещи дома и уйти, не подвергаясь обыску. Полномочия по производству обыска [на улице] качественно различаются. Лицо может быть остановлено в любом месте и в любое время, без уведомления и без какого-либо выбора относительно того, подчиняться или не подчиняться обыску» (пункт 66 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).

Европейский Суд подчёркивает, что настоящее дело касается контекста таможенного контроля «товаров», перемещаемых лицом, которое прибыло на таможенную для их декларирования, а не контекста проверок в интересах безопасности, в частности тех, которые могут производиться в отношении лица или его вещей до посадки в самолёт, поезд и тому подобного... По мнению Европейского Суда, *лицо, предъявляя свои вещи для таможенного контроля, не отказывается или иным образом не отрекается автоматически и во всех случаях от права на уважение его «личной жизни» или, как это может иметь место в других жалобах, его «корреспонденции»* (пункт 68 постановления от 13 февраля 2018 г. по делу *Иващенко против Российской Федерации*).

«[П]ри установлении вмешательства или отсутствия вмешательства в права заявителей, гарантированные статьей 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], Европейский Суд проводил оценку с точки зрения наличия «правомерных ожиданий соблюдения тайны». При этом

²⁴³ См. постановление Европейского Суда по делу «Какучи и компания “С.К. Вирра и Конт Пад С.р.л.” против Румынии» (*Cacuci and S.C. Virra and Corn Pad S.r.l. v. Romania*), жалоба № 27153/07, §§ 70-71.

Европейский Суд отмечал, что наличие у лица правомерных ожиданий относительно соблюдения тайны являются важным, но не обязательно решающим фактором. Вопросы неприкосновенности частной жизни могут возникнуть в том случае, когда аудио- или видеозапись действий лица начинает носить систематический или непрерывный характер, даже если это лицо во время записи находилось в общественном месте» (пункт 38 постановления от 7 ноября 2017 г. по делу *Ахлюстин против Российской Федерации*).

Практика Комитета ООН по правам человека

Статья 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] требует, чтобы неприкосновенность и конфиденциальность корреспонденции были гарантированы де-юре и де-факто. Корреспонденция должна доставляться адресату без перехвата, не вскрываться и не прочитываться так или иначе. Должно быть запрещено электронное или иное наблюдение, перехватывание телефонных, телеграфных и других сообщений, прослушивание и запись телефонных разговоров. Обыск жилища должен ограничиваться поиском *необходимых* доказательств и не должен причинять излишнее беспокойство проживающим в данном жилище лицам. Что касается личного обыска, то необходимо принимать эффективные меры к тому, чтобы этот обыск производился так, чтобы это не оскорбляло достоинства обыскиваемого лица. Лица, подвергаемые личному досмотру государственными должностными лицами или медицинским персоналом, действующим по поручению государства, должны досматриваться только лицами того же пола (пункт 8 Замечания общего порядка № 16. Статья 17. Право на личную жизнь. Принято Комитетом по правам человека на его 32-й сессии (1988)).

См. также *Защита права лица на беспрепятственное пользование имуществом, права лица на уважение частной (личной), семейной жизни и жилища, в том числе в аспекте обеспечения тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права лица не подвергаться дискриминации в рамках уголовного судопроизводства. Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, а также позиций, выработанных в рамках специальных процедур Совета ООН по правам человека.*²⁴⁴

²⁴⁴ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrff.ru/documents/international_practice/26335/

8. Возможные сферы вмешательства в право лица на уважение семейной жизни²⁴⁵

8.1. Установление и оспаривание отцовства

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Хотя в задачу Европейского [С]уда не входит подмена собой компетентных властей страны в определении наиболее подходящего метода установления отцовства посредством национального судебного разбирательства, он обязан проверить, *соблюдались ли властями при рассмотрении требований заявительницы требования и дух статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]* (пункт 32 постановления от 7 мая 2009 г. по делу *Калачева против Российской Федерации*).

Статья 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] требует, чтобы национальные власти осуществляли справедливое правосудие в интересах ребенка и родителей, а также, при осуществлении правосудия, придавали особое значение интересам ребенка, которые по своей природе или важности, могут превышать интересы родителей. В частности, статья[я] 8 не разрешает родителям применять меры, которые могут нанести вред здоровью или развитию ребенка (пункт 116 постановления от 1 августа 2013 г. по делу *Антонюк против Российской Федерации*).

[У]становление срока подачи иска об оспаривании отцовства оправдано желанием обеспечить правовую определенность в семейных отношениях и защитить интересы ребенка... В решении по делу «*Йилдирым против Австрии*» Европейский Суд признал, что «когда срок подачи заявителем иска об оспаривании отцовства истек, интересы ребенка начинают превалировать над интересом заявителя в опровержении его отцовства». Однако этот вывод был сделан в случаях, *когда заявителю было точно известно или он имел основания предположить, что он не являлся отцом ребенка, с первого дня жизни ребенка, но, по внеправовым причинам, не попытался оспорить отцовство в установленный законом срок* (пункт 39 постановления от 24 ноября 2005 года по делу *Шофман против Российской Федерации*).

Европейский Суд отметил, что правовые системы Договаривающихся Государств предлагают различные решения данной проблемы, возникающей, когда соответствующие обстоятельства становятся известными только после истечения установленного срока. В некоторых государствах в

²⁴⁵ Упомянутые здесь сферы вмешательства не носят исчерпывающего характера.

исключительных случаях суд может предоставить разрешение о возбуждении процедуры и по истечении установленного срока... В других подобными полномочиями наделяется прокурор (пункт 42 постановления от 24 ноября 2005 года по делу *Шофман против Российской Федерации*).

*[У]становление отцовства в отношении дочери заявительницы является вопросом, связанным с «личной жизнью» заявительницы, которая несла полную ответственность за свою малолетнюю дочь. Признание биологического отца помимо финансовых и эмоциональных целей также могло быть важно с точки зрения социального статуса заявительницы, медицинской истории ее семьи и системы взаимосвязанных прав и обязанностей биологической матери, биологического отца и ребенка (пункт 29 постановления от 7 мая 2009 г. по делу *Калачева против Российской Федерации*).*

Суд отмечает, что по тем делам, по которым было установлено наличие семейной связи, государство в принципе должно действовать таким образом, чтобы всячески способствовать поддержанию этой связи. *Право родителей и детей на взаимное общение друг с другом является основополагающим элементом семейной жизни и предпринимаемые на национальном уровне меры, препятствующие такому общению, представляют собой вмешательство в право, гарантированное статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]* (пункт 60 постановления от 16 июля 2015 г. по делу *Назаренко против Российской Федерации*).

Суд не убежден, что наилучшие интересы детей в области права на общение действительно могут определяться общеправовым предположением. Принимая во внимание большое разнообразие семейных ситуаций, которые могут быть затронуты данным положением, Суд считает, что справедливое соотношение прав всех заинтересованных лиц требует изучения конкретных обстоятельств дела... Соответственно, статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] может толковаться как накладывающая на государства-члены обязательство рассмотрения в индивидуальном порядке вопроса о том, будет ли поддержание контакта в интересах ребенка, независимо от того, является ли соответствующее лицо, заботившееся о нем в течение достаточно длительного периода времени, биологическим родственником данного ребенка или нет²⁴⁶ (пункт 66

---

²⁴⁶ Отрицая право заявителя на поддержание связи с А. без рассмотрения вопроса о том, будет ли такой контакт в интересах А., Российская Федерация, по мнению Европейского Суда, нарушила данное обязательство.

постановления от 16 июля 2015 г. по делу *Назаренко против Российской Федерации*).²⁴⁷

*[Л]ицо, которое какое-то время занималось воспитанием ребенка как своего собственного, не должно полностью исключаться из жизни ребенка после того, как был установлен тот факт, что оно не является его биологическим отцом, за исключением случаев, когда на это имеются соответствующие обоснования, связанные с соблюдением наилучших интересов ребенка (пункт 67 постановления от 16 июля 2015 г. по делу *Назаренко против Российской Федерации*).*

Европейский [С]уд принимает во внимание, что на сегодняшний день *ДНК-тест является единственным научным методом точного установления отцовства по отношению к конкретному ребенку и его доказательственная ценность существенно перевешивает любое другое доказательство*, представленное сторонами с целью подтвердить или опровергнуть факт интимных отношений (пункт 34 постановления от 7 мая 2009 г. по делу *Калачева против Российской Федерации*).

8.2. Вопросы усыновления. Отобрание ребенка у родителей. Ограничение родительских прав

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Право на усыновление не предусмотрено и внутригосударственным законодательством или иными международными документами, такими как Конвенция о правах ребенка (пункт 378 постановления от 17 января 2017 г. по делу *А.Н. и другие против Российской Федерации*).²⁴⁸

[О]тобрание ребенка под опеку должно рассматриваться как временная мера, которая должна быть прекращена, как только позволят обстоятельства, и любые меры, включающие такую опеку, должны соответствовать конечной цели воссоединения фактического родителя и ребенка. Позитивная обязанность по принятию мер с целью содействовать скорейшему возможному воссоединению семьи начнет довлеть над компетентными органами с возрастающей силой с начала периода помещения ребенка под опеку государства..., при том неперенном условии, что наряду с соблюдением этой обязанности необходимо учитывать наилучшие интересы

²⁴⁷ В результате применения внутригосударственного законодательства заявитель был полностью и автоматически исключен из жизни А. после лишения его отцовства.

²⁴⁸ Бюллетень Европейского Суда по правам человека № 3 [189] 2018.

ребенка. По прошествии значительного периода времени после того, как ребенок был взят под опеку государства, интерес ребенка в том, что бы его *de facto* ситуация в семье не изменилась снова, может превысить интересы родителей по воссоединению семьи (пункт 143 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу *Агеевы против Российской Федерации*).²⁴⁹

Согласно сложившейся прецедентной практике [Европейского] Суда, такие меры²⁵⁰ должны применяться только в исключительных обстоятельствах и могут быть оправданы, только если они мотивированы приоритетным требованием в отношении наилучших интересов детей (пункт 144 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу *Агеевы против Российской Федерации*).

[Европейский] Суд может признать, что в обстоятельствах ... дела подозрение в жестоком обращении с ребенком со стороны родителей могло оправдать временное отобрание... у родителей..., а также возможные дальнейшие ограничения контактов между ними, в ожидании более тщательного расследования вопроса....; однако Суд не может считать такое подозрение, без отсутствия других убедительных причин, достаточным обоснованием для отмены усыновления (пункт 151 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу *Агеевы против Российской Федерации*).

[В]заимное общение родителя и ребенка друг с другом является основополагающим элементом семейной жизни, и, кроме того, семейные отношения не прекращаются в силу того факта, что ребенок помещен под опеку государства (пункт 91 постановления от 8 января 2009 г. по делу *Куимов против Российской Федерации*).

[Стороны согласились с тем, что] *ограничение родительских прав первого заявителя в отношении второй заявительницы представляло собой вмешательство в их право на уважение их семейной жизни* (пункт 89

---

²⁴⁹ «Европейский Суд принимает во внимание свободу усмотрения, предоставленную государствам-участникам. В этом контексте Европейский [С]уд... напоминает, что распоряжение о передаче под опеку должно в принципе рассматриваться как временная мера, подлежащая прекращению, как только обязательства позволят это, и что любые меры, влекущие установление временной опеки, должны быть совместимы с конечной целью воссоединения родителей и ребенка... Таким образом, существует особенно большая вероятность того, что строгие и постоянные ограничения доступа к ребенку, действующие в течение долгого времени, несоизмерены преследуемой законной цели» (пункт 96 постановления от 8 января 2009 г. по делу *Куимов против Российской Федерации*).

²⁵⁰ Отмена усыновления.

постановления от 19 марта 2016 г. по делу *Кочеров и Сергеева против Российской Федерации*).

Практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин

[В] вопросах попечительства над детьми и прав на свидание приоритет интересов ребенка имеет первостепенное значение и что при принятии соответствующих решений национальные органы обязаны учитывать наличие контекста насилия в семье (пункт 9.4 Суждений Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 16 июля 2014 г. по делу *Анхела Гонсалес Карреньо против Испании*).

Общение со своим ребенком. Установление порядка такого общения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[П]раво родителей и детей на взаимное общение друг с другом является основополагающим элементом семейной жизни и *предпринимаемые на национальном уровне меры, препятствующие такому общению, представляют собой вмешательство* в право, гарантированное статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... Любое такое вмешательство является нарушением данной статьи, за исключением случаев, когда оно

производится «в соответствии с законом»,

преследует цель или цели, являющиеся законными в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции, и может

рассматриваться в качестве «необходимого в демократическом обществе» (пункт 88 постановления от 19 марта 2016 г. по делу *Кочеров и Сергеева против Российской Федерации*).

При определении оправданности по пункту 2 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] отказа в передаче под опеку или в общении Европейскому Суду необходимо исследовать вопрос о том, были ли в свете дела в целом относимыми и достаточными причины, приведённые в оправдание этой меры. Несомненно, *рассмотрение того, в чём заключаются наилучшие интересы ребёнка, имеет критически важное значение в каждом деле такого рода*. Кроме того, следует не забывать о том, что национальные власти пользуются преимуществом непосредственного контакта со всеми затрагиваемыми лицами. Из этих соображений следует, что задача Европейского Суда состоит не в том, чтобы подменять собой внутригосударственные власти в осуществлении ими своих обязанностей по

вопросам опеки над ребёнком и общения с ним, а в проверке в свете Конвенции решений, принимаемых этими властями при осуществлении своих полномочий... С этой целью Европейский Суд должен удостовериться в том, *провели ли внутригосударственные суды всестороннее исследование всей семейной ситуации и целого ряда факторов*, в частности фактического, эмоционального, психологического, материального и медицинского характера, и дали ли они сбалансированную и обоснованную оценку соответствующих интересов каждого лица в неизменном стремлении определить, в чём состояло бы наилучшее решение для ребёнка (пункт 98 постановления от 23 октября 2018 г. по делу *Петров и Х. против Российской Федерации*).²⁵¹

Пределы усмотрения, предоставляемого компетентным национальным властям, будут различаться в зависимости от характера вопросов и важности стоящих на кону интересов. Так, Европейский Суд признавал, что власти пользуются широкими пределами усмотрения при решении вопросов опеки. Однако требуется строгий контроль в том, что касается любых дополнительных ограничений, таких как устанавливаемые этими властями в отношении прав родителей на общение, и что касается любых юридических гарантий, призванных обеспечивать эффективную защиту права родителей и детей на уважение их семейной жизни. Такие дополнительные ограничения чреваты опасностью того, что семейные отношения малолетнего ребёнка с одним из родителей или с ними обоими в действительности ухудшатся (пункт 99 постановления от 23 октября 2018 г. по делу *Петров и Х. против Российской Федерации*).

Европейский Суд не сможет удовлетворительным образом оценить, были ли приведённые внутригосударственными судами причины «достаточными» для целей пункта 2 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], если он в то же самое время не определит, был ли процесс принятия решений, рассматриваемый в целом, справедливым... Хотя статья 8 Конвенции не содержит явно выраженных процессуальных требований, *процесс принятия решений, касающихся мер вмешательства, должен быть справедливым и как таковой обеспечивать надлежащее уважение интересов*, гарантированных статьёй 8 Конвенции. Европейский Суд, следовательно, должен определить, участвовал ли заявитель, с учётом обстоятельств дела и особенно важности подлежащих принятию решений, в процессе принятия решений в степени, достаточной для предоставления ему требуемой защиты его интересов (пункт 101 постановления от 23 октября 2018 г. по делу *Петров и Х. против Российской Федерации*).

---

²⁵¹ Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека № 1(154)2019.

Европейский Суд полагает, что при осуществлении им своего контроля в контексте статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] он может также учитывать *длительность процесса принятия решений* местными властями и любого связанного с этим судопроизводства. В делах подобного рода всегда есть опасность того, что любые процессуальные задержки могут привести к разрешению *de facto* представленного в суд вопроса до проведения им своего заседания. При этом *действительное уважение семейной жизни требует, чтобы будущие отношения между родителем и ребёнком определялись исключительно в свете всех относимых соображений, а не одним лишь течением времени* (пункт 102 постановления от 23 октября 2018 г. по делу *Петров и Х. против Российской Федерации*).

Европейский Суд признаёт, что при вынесении решений о мерах обращения с детьми национальные власти и суды часто сталкиваются с чрезвычайно трудной задачей. Он не упускает из виду тот факт, что у национальных властей не было иного выбора, кроме вынесения решения об определении места жительства ребёнка в пользу одного из проживающих отдельно родителей, поскольку внутригосударственное законодательство не предусматривает возможности вынести решение о поочерёдном проживании ребёнка с каждым из родителей (пункт 105 постановления от 23 октября 2018 г. по делу *Петров и Х. против Российской Федерации*).

В задачу Европейского Суда не входит подмена собой внутригосударственных властей в разрешении вопроса о том, в чью пользу следует вынести решение об определении места жительства ребёнка разведённых родителей. Однако в этой сфере контроль Европейского Суда не ограничен удостоверением в том, осуществило ли государство-ответчик своё усмотрение разумным, тщательным и добросовестным образом; *он должен установить, были ли относимыми и достаточными причины, приведённые внутригосударственными судами в производстве по делу об определении места жительства ребёнка*. В частности, Европейский Суд компетентен удостовериться в том, провели ли внутригосударственные суды, принимая такое решение, всестороннее исследование всей семейной ситуации и целого ряда относимых факторов и дали ли они сбалансированную и обоснованную оценку соответствующих интересов каждого лица при неизменном стремлении к выработке того, что могло бы быть наилучшим решением для ребёнка.... Если такое рассмотрение было недостаточно тщательным, это будет представлять собой нарушение статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В отличие от этого, если внутригосударственные суды тщательно исследовали данный вопрос в соответствии с принципами, изложенными в прецедентной практике Европейского Суда, то ему потребуются очень веские причины, чтобы

подменить своей собственной оценкой оценку внутригосударственных судов (пункт 106 постановления от 23 октября 2018 г. по делу *Петров и Х. против Российской Федерации*).

Европейский Суд напоминает, что *дети имеют право на то, чтобы с ними консультировались и их заслушивали по затрагивающим их вопросам*. В частности, поскольку по мере взросления детей и с течением времени они приобретают способность формулировать свои собственные мнения, суды должны придавать надлежащий вес их взглядам и чувствам, а также их праву на уважение личной жизни.... От этого отличается ситуация с самыми маленькими детьми, которые ещё не способны формировать или выражать свои желания. в постановлении Большой Палаты по делу «Захин».... Европейский Суд сделал вывод о допустимости отказа от проведения в судебном заседании опроса пятилетней девочки с надлежащим учётом её возраста и зрелости. Делая этот вывод, Европейский Суд принял во внимание, что был назначен эксперт, который несколько раз встречался с ребёнком и обоими родителями и проанализировал отношение ребёнка к обоим родителям, а также возможность заслушивания девочки в судебном заседании. В настоящем деле, в отличие от этого, никакое экспертное заключение даже не запрашивалось по таким важным вопросам, как отношения *Х* с каждым из родителей, способности каждого из родителей к воспитанию или возможность опроса *Х* в суде с учётом его возраста и зрелости, при необходимости с помощью специалиста по детской психологии (пункт 108 постановления от 23 октября 2018 г. по делу *Петров и Х. против Российской Федерации*).

Европейский Суд с самого начала отмечает, что *российское законодательство не проводит различий между полами, мужчина и женщина имеют равные права на получение решения об определении места жительства их ребёнка независимо от его возраста*. Внутригосударственные суды должны оценивать все значимые обстоятельства и родительские способности сторон при поиске наиболее целесообразного решения в наилучших интересах ребёнка.... Первый заявитель, однако, утверждал, что решения в его деле основывались на общей презумпции, преобладающей в России, о том, что интересам детей до определённого возраста соответствует проживание с матерью, а не с отцом (пункт 127 постановления от 23 октября 2018 г. по делу *Петров и Х. против Российской Федерации*).²⁵²

²⁵² «Должны быть приведены очень веские причины для того, чтобы различие в обращении по признаку пола можно было считать совместимым с Конвенцией [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 125 постановления от 23 октября 2018 г. по делу *Петров и Х. против Российской Федерации*).

8.3. Исполнение судебных постановлений в аспекте защиты права лица на уважение семейной жизни

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Суд напоминает, что если статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] имеет целью защитить гражданина от вмешательства со стороны публичных властей, это влечет за собой, помимо этого, *позитивные обязательства*, неотъемлемые от «уважения» его семейной жизни как самостоятельного понятия с точки зрения Конвенции. Говоря об обязательстве Государства принимать позитивные меры, Суд напоминает, что *статья 8 Конвенции предполагает право родителя на меры, необходимые для его воссоединения со своим ребенком, а также обязательство внутригосударственных органов власти принимать их...*, и что *обязательство Государства является обязательством действия, а не обязательством результата* (пункт 77 постановления от 16 октября 2014 г. по делу *Ворожба против Российской Федерации*).²⁵³

Суд подчеркивает, однако, что *это обязательство* [по принятию государством мер по воссоединению родителя со своим ребенком] *не является абсолютным*, так как случается, что воссоединение родителя и

---

²⁵³ «[К]ажное Договаривающееся Государство обязано обеспечить себя правовыми средствами, надлежащими и достаточными для обеспечения соблюдения позитивных обязательств, налагаемых на него в соответствии со статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], и что в рамках выполнения своей задачи ему надлежит исследовать, соблюдались ли внутригосударственными органами власти при применении и толковании соответствующих правовых положений гарантии по статье 8 Конвенции, с учетом, в частности, интересов ребенка, имеющих первостепенное значение» (пункт 80 постановления от 16 октября 2014 г. по делу *Ворожба против Российской Федерации*).

«Если [Европейский] Суд не указывает внутригосударственным органам власти на необходимость применения принудительных мер, таких как задержание или помещение под стражу в конкретном случае, так как этот вопрос относится исключительно к компетенции этих органов власти, он может, тем не менее, рассмотреть вопрос, являлись ли меры, принятые в деле, достаточными и надлежащими по отношению к преследуемой цели» (пункт 90 постановления от 16 октября 2014 г. по делу *Ворожба против Российской Федерации*).

«[К]ажное государство должно располагать соответствующими правовыми средствами, достаточными для того, чтобы обеспечить соблюдение обязательств, которые возлагаются на него согласно статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 77 постановления от 3 октября 2013 г. по делу *Зеленевы против Российской Федерации*).

ребенка невозможно произвести немедленно, и требуются подготовительные меры. Характер и продолжительность подготовительных мер зависят от обстоятельств каждого дела, но в любом случае важными составляющими этого процесса будут являться взаимопонимание и сотрудничество всех заинтересованных сторон. Хотя национальные власти должны сделать все возможное для содействия такому сотрудничеству, *любое принуждение в этой области должно быть ограничено*, и необходимо, чтобы национальные власти учитывали интересы, а также права и свободы ребенка и родителей, в частности, особое внимание должно было уделено интересам ребенка и правам, которые признаются за ним в соответствии со статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 78 постановления от 16 октября 2014 г. по делу *Ворожба против Российской Федерации*).

Суд считает, что *столкнувшись с доказанным настойчивым отказом одного из родителей передать ребенка другому родителю, власти обязаны принять эффективные и реальные принудительные меры, способные заставить неподчинившегося родителя исполнить решение* (пункт 79 постановления от 16 октября 2014 г. по делу *Ворожба против Российской Федерации*).

Европейский Суд учитывает то обстоятельство, что споры об опеке над детьми по своей природе являются весьма чувствительными для всех заинтересованных сторон и национальным органам не всегда просто обеспечить исполнение судебного решения в таком споре, где поведение одного или обоих родителей далеко от конструктивного... Хотя принудительные меры при участии ребенка нежелательны в этой чувствительной области, применение санкций не должно быть исключено в случае неправомерного поведения родителя, с которым живет ребенок (пункт 105 постановления от 13 ноября 2012 г. по делу *У. У. против Российской Федерации*).

[Э]ффективность меры определяется скоростью ее реализации: *производства, связанные с наделением родительскими правами, в том числе, исполнение решения, принятого в результате этих производств, требуют немедленного проведения*, поскольку задержка может повлечь неустранимые последствия в отношениях между ребенком и родителем, с которым он не живет (пункт 81 постановления от 16 октября 2014 г. по делу *Ворожба против Российской Федерации*).

[В]ласти должны уделять ему особое внимание, когда речь идет об охране интересов ребенка, *тем более, когда.... ребенок является грудным*. Интересы ребенка требуют его немедленного воссоединения с матерью (пункт 72 постановления от 3 октября 2013 г. по делу *Зеленевы против Российской Федерации*).

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

То, что усилия, приложенные национальными компетентными органами, потерпели неудачу, не означает автоматическим образом, что государство не исполнило свои позитивные обязанности, вытекающие из статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 52 постановления от 4 ноября 2014 г. по делу Токаренко против Республики Молдова).²⁵⁴

[П]озитивные обязательства государства, касающиеся уважения семейной жизни, подразумевают адекватное и эффективное применение законодательства для обеспечения законных прав лиц. Это должно позволить государству принять соответствующие меры для восстановления контакта между родителем и ребенком, в том числе в случае конфликта между родителями (пункт 53 постановления от 4 ноября 2014 г. по делу Токаренко против Республики Молдова).

[С]вобода усмотрения, которой обладают национальные органы, варьирует в зависимости от характера вопроса и степени важности затронутых интересов. Обязанность национальных органов принимать конкретные меры для облегчения проведения встреч между родителем и ребенком не является абсолютной. Статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] требует от национальных властей соблюдения строгого баланса между интересами ребенка и интересами родителей, и в процессе соотнесения этих интересов приоритетом являются интересы ребенка, которые в зависимости от их характера и значения могут перевешивать интересы родителей (пункт 55 постановления от 4 ноября 2014 г. по делу Токаренко против Республики Молдова).

[Д]аже если поведение и содействие между вовлеченными лицами всегда является важным фактором, отсутствие содействия между разведенными родителями не освобождает компетентные органы от обязанности принимать все адекватные меры для обеспечения сохранения семейной связи

---

²⁵⁴ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154957>

Заявительница утверждала, что было нарушено её право на уважение семейной жизни, поскольку государство не предприняло соответствующих мер для восстановления контакта между ней и её сыном.

Национальные компетентные органы потворствовали процессу отчуждения родительской связи, нарушив её право на уважение семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции.

(пункт 56 постановления от 4 ноября 2014 г. по делу *Токаренко против Республики Молдова*).

[Европейский] Суд напоминает, что в его задачу не входит замена компетентных национальных органов для решения вопросов об опеке и встречах, а скорее на основании Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] проанализировать действия, предпринятые национальными органами при исполнении своих полномочий... Также, Суд должен определить, если национальные органы разумным образом предприняли все необходимые меры для облегчения контакта между заявителем и его ребенком (пункт 57 постановления от 4 ноября 2014 г. по делу *Токаренко против Республики Молдова*).

[К]огда появляются трудности, а именно из-за отказа родителя, с которым проживает ребенок, разрешать ему регулярный контакт со вторым родителем, *компетентные органы отвечают за принятие адекватных мер* для наказания за не содействие и обращение за взысканием не должно исключаться в случае явно незаконного поведения со стороны одного из родителей, с которым проживает ребенок (пункт 60 постановления от 4 ноября 2014 г. по делу *Токаренко против Республики Молдова*).

8.4. Признание решений иностранных судов в аспекте защиты права лица на уважение семейной жизни. Вопросы реализации государством положений Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г.²⁵⁵

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Европейский Суд отмечает, что дела со сравнимыми фактическими обстоятельствами, а именно те, в которых ребенок, обычно проживающий в одном государстве, был вывезен и удерживался на территории другого государства одним из родителей, как правило, рассматриваются со ссылкой на Гаагскую конвенцию 1980 года о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. Гаагская конвенция устанавливает критерий для определения того, является ли перемещение ребенка в другую страну одним из родителей «неправомерным» действием, и требует ли оно принятия соответствующих мер органами власти государства, в котором удерживается ребенок. В частности, в делах, касающихся международного похищения детей, Европейский Суд всегда исходил из того, что наилучшим образом интересы ребенка соблюдаются в результате восстановления *status*

²⁵⁵ Российская Федерация является участником указанного международного договора.

*quo*²⁵⁶ посредством принятия решения о незамедлительном возвращении ребенка в страну его или ее обычного постоянного проживания в случае похищения (пункт 125 постановления от 18 июля 2017 г. по делу *Макилрот (McIlwrath) против Российской Федерации*).²⁵⁷

В таких случаях существует презумпция в пользу незамедлительного возвращения ребенка «отстраненному от общения» родителю. Данное правило подкрепляется серьезными соображениями публичного порядка: *«родителю-похитителю» не следует позволять извлекать выгоду из собственных неправомερных действий и не следует предоставлять возможность легализовать фактическую ситуацию, создавшуюся в силу неправомерного перемещения ребенка, и ему не следует разрешать выбирать новое место для спора, который уже был урегулирован в иной стране.* Презумпция в пользу возвращения призвана препятствовать данному типу поведения и должна содействовать «общей заинтересованности в обеспечении соблюдения принципа верховенства права» (пункт 126 постановления от 18 июля 2017 г. по делу *Макилрот (McIlwrath) против Российской Федерации*).

В случае, когда один родитель незаконно препятствует осуществлению родительских прав другого родителя, Суд неоднократно постановлял, что *статья 8* [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] *включает в себя право родителей принимать меры, направленные на воссоединение с детьми*, а также обязательство государственных органов по принятию таких мер (пункт 125 постановления от 23 октября 2014 г. по делу *В. П. против Российской Федерации*).

---

²⁵⁶ *Status quo* (лат.) – существовавшее положение вещей. «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 6 (192) 2018 г. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

Заявитель жаловался на нарушение права на уважение его семейной жизни, поскольку власти Российской Федерации не помогли ему воссоединиться с его детьми после того, как их мать увезла их из Италии в Российскую Федерацию.

²⁵⁷ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 6 (192) 2018 г. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

Заявитель жаловался на нарушение права на уважение его семейной жизни, поскольку власти Российской Федерации не помогли ему воссоединиться с его детьми после того, как их мать увезла их из Италии в Российскую Федерацию.

Европейский Суд посчитал, что власти Российской Федерации не выполнили своего обязательства помочь заявителю при рассмотрении поданных им ходатайств и, таким образом, не выполнили свое позитивное обязательство в соответствии со статьей 8 Конвенции.

[О]бъем позитивного обязательства государства, в котором ребенка удерживал один из родителей, зависит от того, являлись ли вывоз ребенка из страны обычного проживания и последующее удержание «неправомерными действиями» с точки зрения статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Если да, то презумпция должна быть сделана в пользу возвращения ребенка (пункт 130 постановления от 23 октября 2014 г. по делу *В. П. против Российской Федерации*).

При осуществлении оценки баланса²⁵⁸ Суд придает особое значение наилучшим интересам ребенка, которые, в зависимости от их характера и серьезности, могут перевешивать интересы родителя. В частности, *родитель не имеет права согласно статье 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] принять меры, которые могут причинить вред здоровью и развитию ребенка* (пункт 160 постановления от 11 декабря 2014 г. по делу *Громадка и Громадкова против Российской Федерации*).

В спорах, касающихся прав опеки, национальным судам приходится решать сложную задачу, а именно, *взвешивать законные интересы каждого родителя по сохранению личных отношений и непосредственного контакта с ребенком*, в сравнении с «наилучшими интересами ребенка», причем последние имеют первостепенное значение. Это предусмотрено требованиями Нью-Йоркской Конвенции 1989 года о правах ребенка, а также общепринятой устоявшейся практикой Суда (пункт 134 постановления от 23 октября 2014 г. по делу *В. П. против Российской Федерации*).

[В] случаях исполнения спустя определенное время после похищения ребенка, распоряжение о возвращении может потенциально нарушать права ребенка, защищенные Конвенцией [о правах ребенка]... Этот подход глубоко уходит корнями в прецедентную практику Суда: *Суд всегда требовал от национальных судов при оценке заявления о возвращении ребенка рассматривать возможный «серьезный риск» для ребенка в случае его возвращения* и выносить решение с указанием определенных причин в свете обстоятельств дела (пункт 136 постановления от 23 октября 2014 г. по делу *В. П. против Российской Федерации*).

Принципы, касающиеся неисполнения решений о возвращении, были впервые изложены... по делу *Иньякколо-Дзениде*. Суд изложил несколько принципов, которые, в основном, воспроизводятся в большинстве последующих дел о неисполнении распоряжений о возвращении....

Суд установил, что статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] включает в себя право *родителей на меры, принимаемые с*

²⁵⁸ Между интересами ребенка и интересами одного из родителей.

целью их воссоединения со своими детьми, и обязательство национальных властей принимать такие меры.

При применении таких мер органам власти *следует учитывать лучшие интересы ребенка*, которые рассматриваются с точки зрения возможности применения принудительных мер по возвращению...

Позитивные обязательства по статье 8 Конвенции следует толковать в свете Гаагской Конвенции [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей]...

Достаточность меры определяет скорость ее реализации. Судебные разбирательства, относящиеся к исполнению вынесенного решения, требуют срочного урегулирования, поскольку по прошествии времени возможно появление неустраимых последствий для отношений между детьми и родителем, который не живет с ними... Наконец, Суд определил свою роль в таких делах как рассмотрение «достаточности и эффективности» мер, примененных национальными органами власти (пункт 142 постановления от 23 октября 2014 г. по делу *В. П. против Российской Федерации*).

[П]о делу *П.П. против Польши*... Суд постановил, что «несмотря на то, что применение принудительных мер в отношении детей является нежелательным, Суд напоминает, что *не следует воздерживаться от применения санкций в случае неправомерного поведения родителя, с которым проживает ребенок*» (пункт 143 постановления от 23 октября 2014 г. по делу *В. П. против Российской Федерации*).

Следует напомнить, что в делах, возникающих в результате споров между родителями, *родитель, имеющий право на опеку, осуществляет защиту интересов ребенка* (пункт 119 постановления от 11 декабря 2014 г. по делу *Громадка и Громадкова против Российской Федерации*).

[П]резумпция²⁵⁹ в пользу возвращения должна отбить желание действовать таким образом и содействовать «общей заинтересованности в обеспечении уважения верховенства права»... Также напоминает, что *распоряжение о возвращении ребенка не может быть вынесено автоматически или механически в случае применимости Гаагской конвенции* [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей]. *Наилучшие интересы ребенка, с точки зрения персонального развития, зависят от множества*

²⁵⁹ Презумпция принимается в пользу немедленного возвращения ребенка «покинутому» родителю. Это правило поддерживается серьезными соображениями общественного порядка: *родителю - «похитителю» не следует разрешать пользоваться преимуществами своего неправомерного поведения и не следует предоставлять возможность легализации фактической ситуации, создавшейся в силу неправомерного вывоза ребенка, а также не следует позволять выбирать новую площадку для спора, который уже был урегулирован в другой стране.*

*индивидуальных обстоятельств, в частности, его возраста и степени дееспособности, наличия или отсутствия его родителей, его окружающей среды и его опыта. По этой причине, такие наилучшие интересы подлежат оценке в каждом отдельном случае (пункт 152 постановления от 11 декабря 2014 г. по делу *Громадка и Громадкова против Российской Федерации*).*

Суд напоминает, что его первоочередной задачей является рассмотрение ситуации заявителя в свете требований статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Суд принимает тот факт, что Гаагская конвенция [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей] не применялась непосредственно к взаимоотношениям между Чешской Республикой и Россией на момент рассматриваемых событий. Однако даже *если Гаагская [к]онвенция неприменима непосредственно в настоящем деле, Суд не может не опираться на определенные общие принципы, разработанные в ходе его собственной прецедентной практики на основе Гаагской [к]онвенции* (пункт 154 постановления от 11 декабря 2014 г. по делу *Громадка и Громадкова против Российской Федерации*).

*[О]бязательство национальных органов власти по принятию мер для обеспечения воссоединения не является абсолютным. Изменение соответствующих обстоятельств, имеющее место не по причине действий государства, в исключительных случаях может обосновать неисполнение окончательного распоряжения об опеке в отношении ребенка (пункт 162 постановления от 11 декабря 2014 г. по делу *Громадка и Громадкова против Российской Федерации*).*

*[О]тсутствие сотрудничества между проживающими отдельно родителями не является обстоятельством, которое может само по себе освободить власти от их позитивных обязательств в соответствии со статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Оно скорее налагает на органы власти обязательство по принятию мер для примирения конфликтующих интересов сторон, принимая во внимание интересы ребенка (пункт 165 постановления от 11 декабря 2014 г. по делу *Громадка и Громадкова против Российской Федерации*).*

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств²⁶⁰*

---

²⁶⁰ Ниже приводятся выдержки из *Обзора*, подготовленного в 2012 г. Европейским Судом по правам человека и посвящённого защите прав родителей. Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Parental_RUS.pdf

---

При рассмотрении этих дел Суд интерпретирует Конвенцию в свете Гаагской [к]онвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года.

В преамбуле Гаагской конвенции государства-участники выразили своё твёрдое убеждение, что «интересы детей являются проблемой первостепенного значения в вопросах, касающихся попечительства над ними», и подчеркнули своё стремление «защитить детей в международном масштабе от вредных последствий их незаконного перемещения или удержания и установить процедуры, обеспечивающие их незамедлительное возвращение в государство их постоянного проживания, а также обеспечить защиту прав доступа».

В вопросе о попечительстве над ребёнком Суд полагает, что «наилучшие интересы ребёнка» должны преследовать двоякую цель: во-первых, гарантировать, чтобы ребёнок развивался в здоровой атмосфере и чтобы ни один из родителей не мог предпринять действия, которые могут навредить здоровью или развитию ребёнка; во-вторых, сохранить связи ребёнка с его семьёй, за исключением случаев, когда доказано, что семья не отвечает соответствующим требованиям, поскольку разрыв связей означает отрыв ребёнка от его корней.

Ignaccolo-Zenide против Румынии (жалоба № 31679/96) 25.01.2000 г. Заявительница, гражданка Франции, вышла замуж за гражданина Румынии, с которым у неё было двое детей. После развода суд во Франции присудил заявительнице право доступа к детям. Дети были увезены в США их отцом, который отказывался показывать их матери, чтобы она могла реализовать свое право. Заявительница обжаловала действия румынских властей, которые не исполнили постановление Бухарестского суда первой инстанции, подлежащее немедленному исполнению, о возвращении ей детей.

Допущено нарушение статьи 8: не были предприняты никакие меры, предписанные статьёй 7 Гаагской [к]онвенции (в частности, никакие принудительные меры не были предприняты п. о отношению к отцу, не было предпринято никаких мер для организации встречи наедине между матерью и её детьми с целью их возвращения, затем было принято решение Министерства о том, что их не следует возвращать матери, и далее никакие действия не были предприняты для воссоединения заявительницы и её детей).

Iglesias Gil u A.U.I. против Испании (жалоба № 56673/00) 29.04.2003 г. Заявительница утверждает, что испанские власти не предприняли соответствующих мер, чтобы обеспечить незамедлительное выполнение судебного решения, на основании которого ей было предоставлено право попечения и присуждены исключительные родительские права в отношении её ребёнка, который был вывезен в США его отцом. В своей жалобе она, в частности, указала, что после подачи ею заявления о похищении ребёнка власти не проявили должного усердия.

Допущено нарушение статьи 8: власти обязаны были предпринять необходимые меры, предусмотренные соответствующими положениями Гаагской конвенции, чтобы обеспечить возвращение ребёнка матери. Никакие меры не были предприняты, чтобы обеспечить выполнение решения, вынесенного в пользу заявительницы и её ребёнка.

Bianchi против Швейцарии (жалоба № 7548/04) 22.06.2006 г. Дело касалось похищения ребёнка у итальянского отца (заявитель) его швейцарской матерью. Заявитель обжаловал чрезмерную длительность разбирательства властями кантона Люцерны и неспособность швейцарских властей добиться исполнения судебных решений о возвращении его сына в Италию.

Суд установил, что было допущено нарушение статьи 8, поскольку бездействие властей, противоречащее целям и задачам Гаагской конвенции, привело к полному разрыву отношений между грудным ребёнком и его отцом, что никак нельзя признать служащим «наилучшим интересам ребёнка».

См. также дела:

Monory против Румынии и Венгрии (жалоба № 71099/01) 05.04.2005

Carlson против Швейцарии (жалоба № 49492/06) 06.11.2008 г.

Shaw против Венгрии (жалоба № 6457/09) 26.07.2011 г. В этом деле власти Венгрии не сумели обеспечить, чтобы ребёнок, вывезенный из Франции его матерью, был возвращён в Париж для встречи с отцом, что делало невозможным доступ отца к ребёнку, хотя право попечения должно было осуществляться родителями совместно.

Допущено нарушение статьи 8: власти ничего не сделали для того, чтобы обеспечить исполнение судебного решения, обязывающего вернуть ребёнка. Заявитель не виделся со своей дочерью три с половиной года, поскольку венгерские суды решили, что они не в состоянии обеспечить его право доступа.

Karrer против Румынии (жалоба № 16965/10) 21.02.2012 г. Жалоба была подана от имени отца и его дочери относительно разбирательства в румынских судах на основании Гаагской конвенции, в соответствии с которой первый заявитель добивался возвращения его дочери в Австрию. Заявитель был женат на гражданке Румынии в Австрии, и его жена вернулась в Румынию вместе с их дочерью, хотя разбирательство относительно предоставления права на попечение в Австрии ещё не было завершено.

Допущено нарушение статьи 8: суды в Румынии не провели глубокого анализа вопроса о доступе в наилучших интересах ребёнка и не дали первому заявителю возможность подробно изложить свою позицию, как того требует Европейская [к]онвенция по правам человека, толкуемая в свете Гаагской конвенции.

İlker Ensar Uyanık против Турции (жалоба № 60328/09) 03.05.2012 г. Дело касалось разбирательства, начатого в Турции первым заявителем, чтобы добиться возвращения его ребёнка в Соединённые Штаты Америки, где он проживал со своей женой. Она осталась в Турции вместе с дочерью после того, как они приехали в Турцию на отдых.

Допущено нарушение статьи 8: турецкие суды не провели глубокого изучения всей семейной ситуации заявителя – в частности, они не рассмотрели её в свете принципов, заложенных в Гаагской конвенции.

Жалобы, подаваемые родителем, совершившим похищение

Eskinazi u Chelouche против Турции (жалоба № 14600/05) 06.12.2005 г. (решение) Франко-турецкая мать и её дочь подали жалобу на решение турецких властей о возвращении ребёнка в Израиль (мать вывезла дочь на отдых в Турцию с согласия отца и отказалась возвращаться в Израиль).

Жалоба неприемлема (является... плохо обоснованной). Решение о возвращении в Израиль ребёнка, который считается неправомерно перемещённым с точки зрения Гаагской конвенции, не может рассматриваться как нарушение обязательства властей на основании статьи 8 – в частности, у турецких властей не было никаких оснований для отказа в ходатайстве заявителя.

Maumousseau u Washington против Франции (жалоба № 39388/05) 15.11.2007 г. Первая заявительница, гражданка Франции, вышла замуж за гражданина США, и у них родилась дочь (вторая заявительница). Мать отказалась вернуться в США после поездки во Францию, на которую отец дал согласие. Первая заявительница утверждала, что возвращение ребёнка в США (как того требовало решение суда штата Нью-Йорк) не отвечало её интересам и ставило её в невыносимую ситуацию, поскольку она была ещё маленьким ребёнком. Она далее утверждала, что прибытие полиции в детский сад, где находился ребёнок, с целью исполнения постановления об её возвращении, нанесло её дочери серьёзную психологическую травму.

Нарушения статьи 8 допущено не было. Суд пришел к выводу, что французские суды приняли во внимание «наилучшие интересы» ребёнка – а именно, что она должна быть незамедлительно возвращена в привычную ей обстановку, – после проведения общего и глубокого изучения ситуации и после того, как заявителям были предоставлены все возможности для защиты их прав. Что касается вмешательства полиции, хотя оно не может быть признано самым подходящим способом и, возможно, нанесло ребёнку травму, оно происходило в присутствии прокурора, перед которым полиция отчитывается за свои действия. Кроме того, когда полицейские столкнулись с сопротивлением со стороны людей, которые хотели защитить заявительниц, власти оставили попытки забрать ребёнка.

Neulinger u Shuruk против Швейцарии (жалоба № 41615/07) 06.07.2010 г. (Большая Палата) Дело касалось исполнения судебного постановления о возвращении ребёнка (второй заявитель), который был незаконно вывезен в Швейцарию его матерью (первый заявитель). Отец, который проживал в Тель-Авиве и принадлежал к общине Шабат-Любавич, имел право на совместное попечение над ребёнком.

Суд постановил, что статья 8 будет нарушена в случае исполнения указанного судебного постановления. Приняв во внимание, в частности, промежуточные меры, предписанные Административным судом – ребёнок будет проживать со своей матерью, родительские права отца будут временно приостановлены, родительские права переданы матери, чтобы она могла восстановить бумаги, удостоверяющие личность ребёнка, – Суд не уверен, что возвращение ребёнка в Израиль соответствует его наилучшим интересам.

Sneersone u Kampanella против Италии (жалоба № 14737/09) 12.07.2011 г. Дело касалось решения итальянских судов, обязывавшее вернуть отцу в Италию маленького мальчика, проживавшего со своей матерью (первая заявительница) в Латвии.

Допущено нарушение статьи 8: решения, принятые итальянскими судами, почти не содержат объяснений и не являются адекватным ответом с учётом психологической травмы, которая неизбежно будет нанесена в случае резкого и необратимого разрыва связей между матерью и ребёнком. Помимо этого, суды не изучили никакой другой возможности, чтобы обеспечить контакт между ребёнком и его отцом.

M.R. u L.R. против Эстонии (жалоба № 13420/12) 04.06.2012 г. (решение) Заявители – мать и дочь, отец которой добивается её возвращения в Италию на основании Гаагской конвенции. Заявители не вернулись в Италию после поездки в Эстонию. Суд обратился к Правительству Эстонии на основании Правила 39 Регламента Суда (временные меры) с просьбой не возвращать ребёнка до окончания разбирательства в Страсбурге. Учитывая срочность этого дела, Суд рассмотрел его менее чем за три месяца.

Жалоба неприемлема (является... плохо обоснованной). Власти Эстонии, отвергнув доводы матери, что она не может вернуться в Италию, не превысили свои

В [п]остановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Нойлингер и Шурук против Швейцарии*» ... Европейский Суд выработал и сформулировал ряд принципов, которые вытекают из *его прецедентной практики по вопросу о международном похищении детей*, следующим образом.

(i) *Конвенция* [о защите прав человека и основных свобод] не может *толковаться в вакууме*, но в соответствии с подпунктом «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 года) должны учитываться любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками...

(ii) *Позитивные обязательства*, которые статья 8 Конвенции возлагает на государства в отношении воссоединения родителей с их детьми, *должны, таким образом, толковаться с учетом Конвенции ООН и Гаагской конвенции* [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей]....

(iii) Европейский Суд вправе проверять процедуру, применяемую национальными судами, в частности, удостовериться в том, что эти суды, применяя и толкуя положения Гаагской конвенции [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей], соблюдают гарантии Конвенции и особенно ее статьи 8...

(iv) В этой сфере главный вопрос заключается в том, *установлено ли справедливое равновесие между затронутыми конкурирующими интересами* – ребенка, двух родителей и публичного порядка – в пределах усмотрения, которыми пользуются государства в таких вопросах ..., однако с учетом того, что наилучшие интересы ребенка должны быть приоритетным соображением...

(v) «*Интересами ребенка*», прежде всего, считаются следующие два: сохранение связей с семьей, если не установлено, что эти связи являются нежелательными, и

границы усмотрения. Не существует также никаких доказательств того, что их решение о возвращении ребёнка было необоснованным или что власти не сумели выполнить своё обязательство соблюдать равновесие между противоборствующими интересами в этом деле.

Суд также принял решение об отмене действия статьи 39 своего Регламента в отношении данного дела.

В. против Бельгии (жалоба № 4320/11) 10.07.2012 г. Дело касалось решения о возвращении в США девочки, которую мать увезла в Бельгию без согласия отца или решения американского суда.

Допущено нарушение статьи 8: Апелляционный Суд, который вынес решение о возвращении ребёнка в США, не приложил достаточных усилий, чтобы оценить риск, который был связан с возвращением к отцу; суд должен был также принять во внимание продолжительность пребывания ребёнка в Бельгии и её интеграцию в этой стране».

возможность развития в здоровой среде... Наилучшие интересы ребенка с точки зрения перспективы личного развития зависят от множества индивидуальных обстоятельств, в частности, его возраста и уровня зрелости, присутствия или отсутствия его родителей, окружающей среды и впечатлений.

(vi) *Решение о возвращении ребенка не может приниматься автоматически или механически с применением Гаагской конвенции* [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей], как о том свидетельствует наличие в этом акте ряда исключений из обязанности возвращения ребенка..., основанных на соображениях относительно действительной личности ребенка и его среды, что показывает необходимость применения судом, рассматривающим дело, *in concreto* подхода к нему...

(vii) Таким образом, *задача оценки наилучших интересов в каждом индивидуальном деле возлагается на национальные органы*, которые часто пользуются преимуществом прямых контактов с заинтересованными лицами. Для этого они имеют некие пределы усмотрения, которые, однако, подлежат европейскому контролю, в рамках которого Европейский Суд проверяет в соответствии с Конвенцией решения, принимаемые этими органами при осуществлении этих полномочий...

(vii) Кроме того, Европейский Суд должен убедиться в том, что *процесс принятия решений*, повлекший принятие оспариваемых мер национальным судом, *был справедливым и позволял заинтересованным лицам представить свою позицию в полном объеме*... При этом Европейский Суд должен удостовериться в том, провели ли национальные суды тщательное исследование всей семейной ситуации и целого ряда факторов, в частности, фактического, эмоционального, психологического, материального и медицинского характера, и произвели ли сбалансированную и разумную оценку соответствующих интересов каждого лица, с постоянным стремлением к определению наилучшего решения для похищенного ребенка в контексте требования о его возвращении в страну происхождения (пункт 85 постановления 12 июля 2011 г. по делу *Шнеерсоне и Кампанелла против Италии*).²⁶¹

[В]мешательство имеет место, если национальные меры препятствуют взаимному общению родителя и ребенка... Европейский Суд не раз указывал, что решение о возвращении, даже если оно не было исполнено, само по себе

²⁶¹ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116196>

По делу рассматривалось решение суда о возвращении несовершеннолетнего ребенка, проживающего со своей матерью в Латвии, к отцу в Италию без надлежащего учета интересов ребенка. Допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

составляет вмешательство в право на уважение семейной жизни (пункт 88 постановления 12 июля 2011 г. по делу *Шнеерсоне и Кампанелла против Италии*).

Гаагская конвенция [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей] является в основном *инструментом процессуального характера*, а не правозащитным договором, защищающим лиц на объективной основе (пункт 92 постановления 12 июля 2011 г. по делу *Шнеерсоне и Кампанелла против Италии*).

Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] должна применяться в соответствии с принципами международного права, в частности с теми, которые связаны с международной защитой прав человека... Более конкретно в отношении позитивных обязательств, которые статья 8 Конвенции налагает на Высокие Договаривающиеся Стороны в области воссоединения родителя со своими детьми, они должны толковаться в свете Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (пункт 83 постановления от 1 февраля 2011 г. по делу *Каруссиотис против Португалии*).²⁶²

Европейский Суд... напомнил принцип, установленный в его прецедентной практике, в соответствии с которым *целью Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] является защита не теоретических или иллюзорных прав, а прав конкретных и эффективных...* Исходя из этой логики, Европейский Суд указал, что эффективное уважение семейной жизни диктует, чтобы будущие отношения между родителем и ребенком строились только на основании комплекса соответствующих элементов, а не просто с течением времени. Европейский Суд может также принять во внимание на основании статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] способ и длительность решающих процессов (пункт 84 постановления от 1 февраля 2011 г. по делу *Каруссиотис против Португалии*).

В отношении разбирательства, касавшегося заявления о возвращении ребенка, Европейский Суд... отметил, что не обладает компетенцией для того, чтобы определить, носило перемещение законный или незаконный характер. Действительно, именно национальные власти, в частности суды,

²⁶² Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117488>

Заявительница утверждала, что власти Португалии не предприняли эффективных и быстрых мер для того, чтобы, с одной стороны, вернуть ее ребенка в Германию, а с другой стороны, предоставить ей право содержать и воспитывать ребенка в нарушение статьи 8 Конвенции.

должны решать вопрос толкования национального законодательства. Данное правило также применимо, когда национальное законодательство ссылается на общепризнанные нормы международного права или международные соглашения. Роль Европейского Суда сводится к оценке того, *совместимы ли последствия такого толкования с Конвенцией*, что он и делает (пункт 87 постановления от 1 февраля 2011 г. по делу *Каруссиотис против Португалии*).

Практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин

[В] соответствии с Гаагской конвенцией [о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г.] центральные управления обязаны сотрудничать друг с другом и обеспечивать скорейшее возвращение неправомерно вывезенных детей, а также гарантировать эффективное соблюдение прав на опеку и доступ согласно законодательству одного договаривающегося государства на территории другого договаривающегося государства (пункт 5.7 Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 22 февраля 2016 г. по делу *М. В. против Дании*).

8.5. Защита права лица на проживание со своей семьей (вопросы иммиграционного контроля)

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[Г]осударство имеет право контролировать въезд иностранцев на свою территорию и их проживание на своей территории — как в силу соответствующих международно-правовых норм, так и во исполнение соответствующих обязательств в рамках заключенных им международных договоров... *Конвенция не гарантирует иностранцу права на въезд на территорию какой-либо страны или проживание в ней*, и, стремясь выполнять возложенные на них задачи по поддержанию общественного порядка, государства-участники Конвенции могут по праву выдворить со своей территории иностранца, признанного виновным в совершении уголовных преступлений. При этом, *принимая решения в данной области, они обязаны следить за тем, чтобы каждое такое решение, в той мере, в которой оно может воспрепятствовать осуществлению какого-либо права, охраняемого в соответствии с пунктом 1 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], находилось в соответствии с законом, было необходимым в демократическом обществе, то есть было оправдано насущной социальной потребностью, и, в частности, было*

пропорциональным преследуемым правомерным целям (пункт 30 постановления от 25 октября 2016 г. по делу *Джураев и Шалкова против Российской Федерации*).

[П]раво иностранца въехать в конкретную страну или поселиться в ней не гарантировано Конвенцией. В вопросах иммиграции статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] или любое другое конвенционное положение не может рассматриваться как возлагающее на государство общую обязанность уважать выбор супружеских пар места жительства и разрешить воссоединение семьи на своей территории ... [Х]отя статья 8 Конвенции не включает права поселиться в определенной стране или права получения разрешения на проживание, *государство тем не менее должно осуществлять свою иммиграционную политику способом, совместимым с правами человека иностранного гражданина*, в частности с правом на уважение его личной или семейной жизни и правом не подвергаться дискриминации (пункт 53 постановления от 10 марта 2011 г. по делу *Кюютин против Российской Федерации*).

Можно полагать, что *не все поселившиеся мигранты, как бы давно они ни проживали в стране, из которой они должны быть высланы, обязательно ведут в ней «семейную жизнь» в значении статьи 8 Конвенции* [о защите прав человека и основных свобод].... Однако понятие «*семейная жизнь*» должно в любом случае включать связи, которые возникают из законного и реального брака²⁶³ (пункт 55 постановления от 10 марта 2011 г. по делу *Кюютин против Российской Федерации*).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Из права государства контролировать миграционные потоки логически следует *обязанность иностранных граждан, в том числе и заявительницы, подчиняться контрольным механизмам и процедурам в области иммиграции и покидать территорию соответствующего государства-участника по его требованию, если им на законных основаниях отказались разрешить въезд в страну или проживание там* (пункт 100 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).²⁶⁴

²⁶³ Вместе с тем см. приведенный выше раздел «Понятие «*семейной жизни*» («*семьи*»)».

²⁶⁴ Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Заявительница жаловалась на то, что отказ выдать ей вид на жительство в Нидерландах нарушил ее право на уважение семейной жизни, которое гарантируется статьей 8 Конвенции. Европейский Суд пришел к выводу, что между противоречащими друг другу интересами, о которых идет речь в деле, не было найдено справедливого равновесия.

[В] принципе *государства-участники имеют право требовать от иностранцев, желающих проживать на их территории, подавать соответствующее ходатайство из-за границы*. Таким образом, они не обязаны разрешать иностранным гражданам дожидаться результатов рассмотрения ходатайств по иммиграционным вопросам на их территории (пункт 101 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).

Когда государство-участник допускает присутствие иностранца на своей территории, разрешая ему тем самым дожидаться вынесения решения по ходатайству о выдаче вида на жительство, по жалобе на отказ удовлетворить это ходатайство или по новому ходатайству о выдаче вида на жительство, данное государство-участник позволяет иностранцу принимать участие в жизни общества в стране пребывания, завязать там отношения и создать там семью. Тем не менее *это не приводит к тому, что у властей соответствующего государства-участника автоматически появляется обязанность разрешить иностранцу поселиться в стране на основании статьи 8 Конвенции* [о защите прав человека и основных свобод]. Аналогичным образом, *если власти страны пребывания были поставлены перед фактом начавшейся семейной жизни, это не означает, что вследствие этого они обязаны разрешить заявительнице поселиться в стране на основании статьи 8 Конвенции*. Ранее Европейский Суд приходил к выводу, что, по общему правилу, лица, находящиеся в подобном положении, не вправе ожидать наделения их правом на проживание в стране (пункт 103 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).

[Н]астоящее дело отличается от дел, касающихся *«натурализованных мигрантов»* в том смысле, в каком это понятие используется в прецедентной практике Европейского Суда, то есть лиц, которым формально уже было предоставлено право на проживание в той стране, где они находятся. Последующее лишение этого права, например из-за того, что мигранта признают виновным в совершении преступления, будет являться вмешательством в осуществление им права на уважение личной и (или) семейной жизни по смыслу положений статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В этих случаях Европейский Суд будет рассматривать вопрос об обоснованности такого вмешательства с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд примет во внимание различные критерии, сформулированные в его прецедентной

Таким образом, власти Нидерландов не обеспечили заявительнице права на уважение ее семейной жизни, гарантированного статьей 8 Конвенции.

практике с целью определить, было ли соблюдено справедливое равновесие между основаниями, лежащими в основе решения властей о лишении мигранта права на проживание в стране, и правами этого мигранта, предусмотренными статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 104 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).

Поскольку *фактическое и юридическое положение натурализованного мигранта отличается от положения иностранца, добывающегося, чтобы ему разрешили проживать в стране, где он находится* (пусть даже он, как заявительница, неоднократно подавал ходатайства о выдаче вида на жительство и много лет фактически прожил в этой стране), критерии, разработанные в прецедентной практике Европейского Суда для определения того, соответствует ли лишение натурализованного мигранта вида на жительство требованиям статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], нельзя автоматически распространять на положение, в котором находится заявительница. Вопрос, который необходимо рассмотреть в настоящем деле, скорее заключается в том, *обязаны ли были власти Нидерландов на основании статьи 8 Конвенции выдать ей вид на жительство с учетом всех обстоятельств дела в целом, предоставив ей тем самым возможность вести в Нидерландах семейную жизнь*. Таким образом, настоящее дело касается не только семейной жизни, но и иммиграционных вопросов. Следовательно, его нужно рассматривать с точки зрения жалобы на несоблюдение государством-ответчиком позитивного обязательства, вытекающего из статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 105 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).

[В] деле, касающемся не только иммиграции, но и семейной жизни, *содержание обязательств государства по допуску на свою территорию родственников проживающих там лиц изменяется в зависимости от конкретных обстоятельств, в которых эти лица оказались, и общих интересов*. В этом контексте нужно принимать во внимание, насколько сильно в действительности пострадают семейная жизнь, прочность связей, сложившихся в государстве-участнике, существование непреодолимых препятствий к проживанию семьи в родной стране иностранца, а также наличие факторов, влияющих на прохождение иммиграционного контроля (например, случаи нарушения иностранцем иммиграционного законодательства) или соображений публичного порядка, свидетельствующих в пользу высылки (пункт 107 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).

Еще один важный аспект касается вопроса о том, *началась ли у лиц семейная жизнь к тому моменту, когда они узнали, что из-за иммиграционного статуса одного из них продолжение семейной жизни в стране пребывания стало рискованным с самого начала.* Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда в подобных случаях *высылка члена семьи, не имеющего гражданства страны пребывания, приводит к нарушению статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] лишь в исключительных обстоятельствах* (пункт 108 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).

Если речь идет о детях, их интересы нужно обязательно принимать во внимание... По этому конкретному вопросу Европейский Суд напоминает о существовании широкого консенсуса, в том числе и в международном праве, в пользу того, что *при вынесении любых решений, касающихся детей, их интересы должны иметь первостепенную важность...* Сами по себе эти интересы не могут быть решающим фактором, но они, разумеется, должны иметь достаточно большое значение. Соответственно, принимающие решения *внутригосударственные органы власти в принципе должны рассматривать и оценивать доказательства практической целесообразности, осуществимости и соразмерности высылки обоих родителей или одного из них, не имеющих гражданства страны пребывания, с точки зрения того, чтобы интересам их детей, которых эти решения непосредственно затрагивают, обеспечивалась эффективная защита* и придавалось наибольшее значение (пункт 109 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).

Когда власти оказываются перед свершившимся фактом, *высылка члена семьи, не имеющего гражданства страны пребывания, приводит к нарушению статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] лишь в исключительных обстоятельствах...* Следовательно, Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о существовании в деле заявительницы исключительных обстоятельств, требующих прийти к выводу о том, что, отказавшись выдать заявительнице вид на жительство, власти Нидерландов не достигли справедливого равновесия между противоречащими друг другу интересами (пункт 114 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).

[3]ащита, которую обеспечивает... статья [8] Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], распространяется на семью в целом (пункт 117 постановления от 3 октября 2014 г. по делу *Жонесс против Нидерландов*).

Европейский Суд не раз признавал, что иммиграционный контроль, который отвечает общим интересам экономического благосостояния страны, преследует правомерную цель по смыслу статьи 8 Конвенции (пункт 117 постановления Большой Палаты от 24 мая 2016 г. по делу *Биао (Biao) против Дании*).²⁶⁵

Практика Комитета ООН по правам человека

Право основывать семью подразумевает в принципе возможность произведения потомства и совместного проживания. Когда государства-участники проводят политику планирования семьи, она должна быть совместимой с положениями Пакта и, в частности, не должна носить дискриминационный или принудительный характер. Равным образом, обеспечение возможности совместного проживания подразумевает принятие соответствующих мер, как внутри страны, так и, возможно, в сотрудничестве с другими государствами, для обеспечения сохранения или воссоединения семей, особенно тогда, когда раздельное проживание их членов зависит от причин политического, экономического или аналогичного характера (пункт 5

²⁶⁵ Перевод с английского языка *Г.А. Николаева*. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. № 7 / 2017. ООО «Развитие правовых систем».

Заявители жаловались на то, что отказ властей Дании разрешить им воссоединение семьи в Дании нарушал статью 8 Конвенции как таковую и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции. Они утверждали в этой связи, что поправки к Закону «Об иностранцах», действовавшие с 1 января 2004 г., устранили требование о связи для тех, кто имел гражданство Дании не менее 28 лет (известное как 28-летнее правило), что повлекло неоправданное различие в обращении между двумя группами граждан Дании: а именно урожденными гражданами Дании и теми, которые, как Биао, приобрели гражданство Дании в течение жизни, а также гражданами Дании датского этнического происхождения и датскими гражданами иного этнического происхождения.

В настоящем деле Большая Палата Европейского Суда пришла к выводу, что власти Дании не доказали, что имелись непреодолимые или весьма веские причины, несвязанные с этническим происхождением, которые оправдывают косвенный дискриминационный эффект 28-летнего правила. Это правило благоприятствует гражданам Дании датского этнического происхождения и ставит в неблагоприятное положение или оказывает непропорционально негативное воздействие на лиц, которые получили гражданство Дании в течение жизни и имели иное этническое происхождение по отношению к датскому.

«Европейский Суд напоминает, что относительно вопросов иммиграции статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не может рассматриваться как возлагающая на государство общую обязанность уважать выбор места жительства семьи, сделанный супружескими парами, или разрешить воссоединение семьи на своей территории. Тем не менее в делах, которые касаются семейной жизни и иммиграции, объем обязанности государства допустить родственников лиц, пребывающих на его территории, будет зависеть от конкретных обстоятельств лиц и их основных интересов...» (пункт 117 постановления Большой Палаты от 24 мая 2016 г. по делу *Биао (Biao) против Дании*).

Замечания общего порядка № 19. Статья 23 (семья). Принято Комитетом по правам человека на его 39-й сессии (1990 г.).

Комитет напоминает, что в статье 23 Международного пакта о гражданских и политических правах семья признается естественной и основной ячейкой общества²⁶⁶, а статья 17 предусматривает право каждого человека на защиту от произвольного или незаконного посягательства на неприкосновенность этого права²⁶⁷. Комитет напоминает... о своей правовой практике, в соответствии с которой *могут быть случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи оставаться на его территории будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь этого лица в нарушение статей 17 и 23*²⁶⁸. Комитет отмечает..., что *сам факт проживания членов семьи на территории какого-либо государства-участника отнюдь не гарантирует автору право вновь въехать на территорию этого государства. Согласно правилам, касающимся иммиграции, государство-участник может, преследуя законную цель, отказать в праве въезда. Однако это дискреционное право не является безграничным и не может произвольно применяться. Комитет напоминает, что, для того чтобы любое вмешательство в семейную жизнь можно было считать допустимым в соответствии со статьей 17, такое вмешательство должно отвечать одновременно ряду условий, указанных в пункте 1, т.е. оно должно быть предусмотрено законом, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и быть разумным в конкретных обстоятельствах данного дела*²⁶⁹ (пункт 7.2 Соображений Комитета по правам человека от 23 июля 2014 г. по делу *Тимур Ильясов против Казахстана*).

См. также *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при*

²⁶⁶ Замечание общего порядка № 19, пункт 1.

²⁶⁷ Замечание общего порядка № 16, пункт 1.

²⁶⁸ См. сообщения № 1959/2010, *Уорсейм против Канады*, Соображения, принятые 21 июля 2011 года, пункт 8.7; № 930/2000, *Вината против Австралии*, Соображения, принятые 26 июля 2001 года, пункт 7.1; № 1011/2001, *Мадафферри против Австралии*, Соображения, принятые 26 июля 2004 года, пункт 9.7; № 1222/2003, *Биахуранга против Дании*, Соображения, принятые 1 ноября 2004 года, пункт 11.5; и № 1792/2008, *Дофен против Канады*, Соображения, принятые 28 июля 2009 года, пункт 8.1.

²⁶⁹ См. Замечание общего порядка № 16, пункты 3.4; сообщения № 930/2000, *Вината против Австралии*, Соображения, принятые 26 июля 2001 года, пункт 7.1; и № 1246/2004, *Гонсалес против Гайаны*, Соображения от 25 марта 2010 года, пункт 14.3.

назначении им наказания в виде административного выдворения (по состоянию на 1 августа 2018 г.).²⁷⁰

8.6. Защита права лишенного свободы лица на уважение семейной жизни

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

*[О]бязательной частью права заключенного на уважение его семейной жизни является предоставление ему властями возможности или, по необходимости, оказание ему помощи в поддержании контакта с близкими родственниками, так как при содержании под стражей заключенный продолжает пользоваться всеми основными правами и свободами, за исключением права на свободу... Суд также повторяет, что вмешательство в право заключенного на уважение его семейной жизни не должно обязательно приводить к запрету свиданий с родственниками, но может заключаться в других мерах, принятых администрацией тюрьмы. Таким образом, Суд часто признавал, что ограничения частоты и продолжительности свиданий с родственниками, надзор за такими свиданиями и применение к заключенному особых условий посещения являются вмешательством в право заявителей, предусмотренное статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 35 постановления от 15 марта 2016 г. по делу *Видиш против Российской Федерации*).²⁷¹*

---

²⁷⁰ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/27085/

²⁷¹ В настоящем деле администрация лечебно-исправительного учреждения разрешила заявителю встретиться с дочерьми. Тем не менее, это посещение было сокращено с трех до одного дня по причине того, что ни заявитель, ни его дети не были в состоянии внести плату, установленную в отношении свиданий с родственниками. Следовательно, в настоящем деле имеет место дополнительное финансовое ограничение, согласно которому осуществление законного права заявителя на долгосрочное свидание с родственниками зависело от его способности оплатить такое посещение. Суд считает, что так как указанная мера вынудила заявителя сократить продолжительность разрешенного свидания с родственниками, она привела к вмешательству в его право на уважение семейной жизни, что привело к нарушению статьи 8 Конвенции, если не будет доказано, что такое вмешательство «соответствовало закону», преследовало законную цель или цели, определенные в пункте 2 статьи 8, и являлось «необходимым в демократическом обществе» для достижения таких целей (пункт 36 постановления от 15 марта 2016 г. по делу *Видиш против Российской Федерации*).

*[П]раво на уважение семейной жизни – это неотъемлемая часть прав заключенного, которые предоставляют ему власти, или при необходимости оказать ему помощь в поддержании связи с близкими родственниками..., и что, по вопросу семейных посещений, согласно статье 8 Конвенции государство обязано учитывать интересы осужденного и его родных, а также членов семьи .... Также Суд констатировал, что помещение осужденного в особое исправительное учреждение может привести к возникновению вопроса по статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], если это повлияет на его личную или семейную жизнь и выйдет за рамки «обычных» лишений и невзгод и ограничений, характерных для самого понятия о тюремном заключении (пункт 81 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).*

*[У]важение человеческого достоинства является самой сутью Конвенции [о защите прав человека и основных свобод].... В целом, заключенные продолжают пользоваться основными правами и свободами, гарантированными Конвенцией, за исключением права на свободу, в случаях когда законное содержание под стражей подпадает под действие статьи 5 Конвенции. Нет сомнений, что заключенными утрачиваются конвенционные права в связи с их статусом лиц, содержащихся под стражей после вынесения обвинительного приговора... Любое ограничение конвенционных прав заключенных должно быть обосновано в каждом отдельном случае. Обоснование может быть выстроено, в частности, от необходимых и неизбежных последствий лишения свободы или от адекватной связи между ограничением и обстоятельствами заключенного, о котором идет речь (пункт 87 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).*

[Р]еабилитация, то есть реинтеграция осужденных в общество, является обязательной для любого общества, в системе ценностей которого человеческое достоинство занимает центральное место ..... Статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] требует от государства оказания всей возможной помощи заключенным по созданию и поддержанию отношений с людьми, находящимися вне тюрьмы, в целях содействия социальной реабилитации заключенных. В этом контексте имеет значение расположение места содержания заключенного под стражей ..... В то время как возмездие остается одной из целей лишения свободы, акцент в европейской пенитенциарной политике в настоящее время делается на реабилитационную цель лишения свободы, особенно к концу длительного срока тюремного заключения .... Принцип реабилитации не только был признан, но и со временем приобрел еще большую значимость в практике Европейского Суда в соответствии с различными положениями

Конвенции... Несмотря на тот факт, что Конвенция не гарантирует право на реабилитацию как таковое, практика Европейского Суда предполагает, что *осужденные, включая пожизненно осужденных, имеют возможность реабилитироваться* (пункт 88 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

Что касается права на посещение, *государство не имеет полной свободы в отношении установления ограничений в общем, не позволяя никакой гибкости в определении того, являются ли уместными ограничения в отдельных случаях, особенно в отношении заключенных после осуждения ...* Согласно Европейским пенитенциарным правилам..., *национальные власти обязаны предотвращать разрыв семейных связей и обеспечивать для заключенных разумную степень контакта с их семьями, предоставляя возможности для посещения так часто, насколько это возможно, и максимально нормальным образом....* Круг предоставляемых государству-ответчику свобод усмотрения в отношении оценки допустимых пределов вмешательства в личную и семейную жизнь в области регулирования прав заключенных на посещение, *продолжает сужаться* (пункт 89 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

[Ф]акторы, влияющие на возможность родных заключенного навещать его или ее в определенном исправительном учреждении, могут существенно различаться в каждом конкретном случае. Финансовая ситуация в семьях и реалии транспортной системы в различных областях могут значительно различаться. Таким образом, даже если географическое расстояние между домом заключенного и исправительным учреждением для двух разных заключенных одинаково, возможности их родных навещать их могут в корне отличаться друг от друга. Тем не менее, *законодательство должно обеспечивать определенную степень правовой защиты от произвольного вмешательства со стороны властей...* Требования к национальному законодательству в области географического распределения заключенных заключаются не в том, чтобы установить критерий для измерения расстояния между домом заключенного и исправительным учреждением или составить исчерпывающий перечень причин отступить от общих применяемых правил, а скорее в том, чтобы предоставить условия для адекватной оценки исполнительной властью индивидуальной ситуации такого заключенного и его или ее родных, и учесть все факторы, которые на практике влияют на возможность посещения заключенного в определенном исправительном учреждении (пункт 92 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

Суд отметил, что *дух и цель общего правила распределения из статьи 73 УИК РФ²⁷² состояли в том, чтобы сохранить социальные и семейные связи заключенных с местом, где они проживали до заключения...* Таким образом, общее правило распределения совпадает с правилом 17.1 Европейских пенитенциарных правил, и рекомендует, по мере возможностей, определять заключенных в места лишения свободы, которые находятся вблизи места их проживания или социальной реабилитации..., а также с принципом исправления (пункт 94 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

[П]равило 17.3 Европейских пенитенциарных правил указывает, что, *по мере возможности, с заключенными следует консультироваться по поводу их первоначального распределения и по поводу любого дальнейшего перевода из одной тюрьмы в другую* (пункт 99 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

[Х]отя Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] не предоставляет осужденным права выбирать место отбывания наказания, а тот факт, что осужденные могут быть отделены от своих семей и отбывать наказание на определенном расстоянии от них, является неизбежным следствием лишения их свободы ..., для того, чтобы обеспечить уважение достоинства, присущего человеческой личности, *целью государств должно стать поощрение и поддержание контактов заключенных с внешним миром.* Для достижения этой цели национальное законодательство должно предоставить заключенному (или, при необходимости, его (ее) родственникам) реальную возможность выдвигать свои требования до того, как государственные органы власти примут решение о размещении его (ее) в определенное исправительное учреждение, а также убедиться в том, что какие-либо другие их распоряжения соответствуют требованиям статьи 8 Конвенции (пункт 100 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

Существуют различные способы включения соображений, изложенных в статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в процесс принятия решения, а процедура консультаций является одной из гарантий отсутствия произвола. При этом наибольшее значение имеет то, что *прежде, чем принять решение о размещении заключенного в исправительном учреждении, национальные власти проводят индивидуальную оценку его ситуации.* Формальная ссылка на, например, соображения безопасности без изучения обстоятельств лица не может заменить такую индивидуальную

---

²⁷² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

оценку²⁷³ (пункт 101 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

*[К]онцепции законности и верховенства права в демократическом обществе требуют, чтобы на меры, затрагивающие основополагающие права человека, распространялась некая состязательная процедура в независимом органе государственной власти, уполномоченном рассматривать причины принятия решения и соответствующие доказательства, при необходимости с соответствующими процессуальными ограничениями (пункт 108 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).*

*[Д]ля соответствия требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], обстоятельства оспариваемого вмешательства в право заявителей на уважение семейной жизни, по самой своей сути, требуют особенно тщательного рассмотрения независимым органом юстиции (пункт 109 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).*

*[В] отношении семейных визитов, статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] от Властей требуется принять во внимание интересы осужденного, его родных и членов семьи .... Помимо этого, Суд ранее выразил явную поддержку современного Европейского и международного права относительно принципа, согласно которому *всем заключенным предлагается возможность исправления ...* Обязательство государства содействовать контактам заключенного с внешним миром для последующей реабилитации отражено в правиле 24.5 Европейских пенитенциарных правил²⁷⁴ и в пункте 51 стандартов ЕКПП²⁷⁵ ... Посещения*

---

²⁷³ «Ввиду отсутствия последней, Суд пришел к выводу, что пункты 2 и 4 статьи 73 УИК не предоставляют возможности сопоставить конкурирующие личные и общественные интересы и не позволяют оценить пропорциональность ограничения соответствующих прав, изложенных в статье 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], в контексте распределения заключенных, как исключения из общего правила распределения» (пункт 101 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

²⁷⁴ Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420361984>

²⁷⁵ Стандарты ЕКПП 2002 года (редакция от 2015 года) (Выдержки из 2-го общего доклада [СРТ/Inf (92) 3]).

Режим доступа:

https://www.coe.int/en/web/cpt/standards?p_p_id=56_INSTANCE_rmo9MHZGnl46&p_p_lifecycle=0&p_p_state=normal&p_p_mode=view&p_p_col_id=column-4&p_p_col_count=1&_56_INSTANCE_rmo9MHZGnl46_languageId=ru_RU (Тюремное заключение).

семьей и друзьями во время тюремного заключения представляют собой эффективное средство для достижения такой реабилитации ..... Европейский Суд учитывает то, что органы государственной власти, [ответственные за] географическо[е] распределени[е] заключенных, неизбежно столкнутся с различными трудностями при осуществлении данной сложной задачи. Тем не менее, как неоднократно подчеркивал Европейский Суд, *Власти обязаны организовывать свою систему вынесения наказаний таким образом, чтобы обеспечить уважительное отношение к человеческому достоинству лиц, содержащихся под стражей, вне зависимости от каких-либо финансовых или материально-технических трудностей* (пункт 113 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Полякова и другие против Российской Федерации*).

См. также в соответствующей части *Защита права лица на беспрепятственное пользование имуществом, права лица на уважение частной (личной), семейной жизни и жилища, в том числе в аспекте обеспечения тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права лица не подвергаться дискриминации в рамках уголовного судопроизводства. Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, а также позиций, выработанных в рамках специальных процедур Совета ООН по правам человека.*²⁷⁶

---

²⁷⁶ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/26335/

9. Возможные сферы вмешательства в право лица на уважение (достаточного) жилища²⁷⁷

9.1. Принудительное выселение²⁷⁸

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Европейский Суд напоминает, что *распоряжение о выселении представляет собой вмешательство в право на уважение жилища, независимо от того, было оно исполнено или нет..., и независимо от наличия у выселяемого лица в собственности другого жилого помещения* (пункт 57 постановления от 29 января 2015 г. по делу *Стоярова против Российской Федерации*).

²⁷⁷ Упомянутые здесь сферы вмешательства не носят исчерпывающего характера.

²⁷⁸ «64. Европейский [С]уд напоминает свою последовательную прецедентную практику о структуре статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и порядке применения трех правил, содержащихся в этом положении .....

65. Европейский [С]уд напоминает, что для соответствия общему правилу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции *вмешательство должно соблюдать принцип законности и преследовать законную цель средствами, разумно пропорциональными преследуемой цели.....*

66. Вмешательство в право на уважение собственности, следовательно, должно устанавливать *«справедливое равновесие»* между потребностями общества или общим интересом и требованиями защиты фундаментальных прав лица. Необходимость достижения этого равновесия отражена в структуре статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции как таковой, которая должна применяться с учетом общего принципа, изложенного в ее первом предложении. В частности, *должно быть достигнуто разумное соотношение пропорциональности между применяемыми средствами и целью, преследуемой мерой, которая лишает лица его имущества или контролирует его использование. Условия компенсации по соответствующему законодательству имеют значение для оценки того, насколько оспариваемая мера учитывает требуемое справедливое равновесие и возлагает ли она несоразмерное бремя на заявителя ....*

67. В этой связи изъятие имущества без уплаты суммы, разумно связанной с его стоимостью, обычно составляет несоразмерное вмешательство, которое не может быть оправдано с точки зрения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако это положение не гарантирует полной компенсации при всех обстоятельствах, поскольку *законный «публичный интерес» может требовать возмещения в меньшем размере по сравнению с полной рыночной стоимостью ...*

68. Хотя статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не содержит прямых процессуальных требований, данное разбирательство также должно предоставлять лицу *разумную возможность представить свою позицию компетентным органам для цели эффективного оспаривания мер, представляющих вмешательство в права, гарантированные этим положением ...»* (пункты 64-68 постановления от 6 декабря 2011 г. по делу *Гладышева против Российской Федерации*).

Суд неоднократно рассматривал дела по жалобам на [истребование] Российской Федерацией или органами государственной власти (первоначальными собственниками) *жилых помещений с добросовестных приобретателей* после признания незаконными сделок с указанными объектами недвижимого имущества²⁷⁹....Изучив конкретные условия и процедуры, на основании которых происходило отчуждение государственных активов в пользу частных лиц, Суд отметил, что они находятся в исключительной компетенции государства, и постановил, что *недостатки указанных процедур, повлекшие за собой утрату государством собственного недвижимого имущества, не должны устраняться за счет добросовестных приобретателей имущества*. Суд также отметил, что *возвращение собственности государству или муниципальным органам власти без выплаты какой-либо компенсации добросовестному владельцу сводится к возложению на последнего чрезмерного бремени и влечет за собой нарушение справедливого баланса между требованиями общественного интереса, с одной стороны, и правом заявителей на беспрепятственное пользование имуществом, с другой стороны* (пункт 25 постановления от 2 мая 2017 г. по делу *Клименко против Российской Федерации*).

Суд полагает, что *заявитель не должен нести риск лишения права собственности на квартиру в результате бездействия органов государственной власти при проведении процедур, направленных на предотвращение мошеннических действий при регистрации сделок с объектами недвижимого имущества*. Суд напоминает, что *любой риск ошибки государственного органа должно нести государство, и эти упущения нельзя исправлять за счет лиц, чьи интересы они затрагивают* (пункт 27 постановления от 2 мая 2017 г. по делу *Клименко против Российской Федерации*).²⁸⁰

²⁷⁹ См. постановление Европейского Суда по делу «Гладышева против России», пункты 77-83; постановление Европейского Суда от 29 января 2015 года по делу «Столярова против России» (*Stolyarova v. Russia*), жалоба № 15711/13, пункты 47-51); постановление Европейского Суда от 13 сентября 2016 года по делу «Андрей Медведев против России» (*Andrey Medvedev v. Russia*), жалоба № 75737/13, пункты 42-47); постановление Европейского Суда от 13 сентября 2016 года по делу «Кириллова против России» (*Kirillova v. Russia*), жалоба № 50775/13, пункты 33-40); постановление Европейского Суда от 4 октября 2016 года по делу «Анна Попова против России» (*Anna Popova v. Russia*), жалоба № 59391/12, пункты 33-39.

²⁸⁰ Суд отмечает, что спорная квартира выбыла из собственности муниципалитета в результате недобросовестных действий третьего лица. Вместе с тем, в своих доводах Власть не пояснили, когда и при каких обстоятельствах были выявлены указанные недобросовестные действия, и не ответили на вопрос заявителя о том, почему органы государственной власти не проверили документы, которые были предположительно

Европейский Суд не находит, что предоставление жильцу права ссылаться на статью 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] может иметь серьезные последствия для функционирования национальных систем или национального законодательства о собственности и пользовании недвижимостью (пункт 83 постановления от 3 февраля 2011 г. по делу *Игорь Васильченко против Российской Федерации*).

В недавнем постановлении по делу «*Винтерштейн и другие против Франции*» Суд напоминал *общие принципы в сфере соблюдения права на жилище в вопросах, связанных с выселением представителей цыганской общины с земель, занимаемых ими в течение продолжительного периода времени:*

«147. Вмешательство в осуществление прав человека считается «необходимым в демократическом обществе» для достижения правомерной цели, *если оно отвечает «настоятельной общественной потребности»* и, в частности, соразмерно преследуемой правомерной цели и если основания, на которые ссылаются национальные органы власти, являются «соответствующими и достаточными». Хотя первоначальная оценка данных вопросов производится национальными властями, окончательное определение необходимости вмешательства подлежит контролю со стороны Европейского Суда на предмет его соответствия требованиям Конвенции ...

148. При проведении такой оценки национальным властям должна предоставляться некоторая свобода усмотрения, объем которой варьируется в зависимости от множества факторов, в том числе от характера конвенционного права, о котором идет речь в деле, от его важности для человека, от характера вмешательства и цели, которую оно преследует... Практикой Европейского Суда были сформулированы следующие выводы...:

а) В вопросах, касающихся социальной или экономической политики, в том числе в жилищной сфере, Суд предоставляет национальным властям *значительную свободу усмотрения*. Так, Суд постановил, что «в той мере, насколько осуществление дискреционных полномочий с учетом множества факторов местного значения осуществляется по усмотрению национальных властей и в рамках реализации политики в сфере землеустройства, национальные органы власти, в принципе, пользуются широкими пределами усмотрения»..., даже в том случае, если, по мнению Суда, была допущена явная ошибка в вопросах оценки...;

б) В тоже время *пределы свободы усмотрения, предоставленной национальным властям, сужаются по мере увеличения значимости соответствующего права* для обеспечения заинтересованному лицу эффективной реализации признанных за ним основополагающих или «личных» прав. Это особенно касается прав, гарантированных ст. 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], которые имеют существенное значение для личности человека, его самоопределения, физической и психической неприкосновенности, поддержания его социальных связей, стабильности и безопасности его положения в обществе....;

представлены для регистрации права собственности на квартиру (пункт 26 постановления от 2 мая 2017 г. по делу *Клименко против Российской Федерации*).

γ) В целях установления факта превышения или непревышения государством пределов усмотрения при создании нормативно-правовой базы *представляется необходимым изучить предоставленные лицу процессуальные гарантии*. В частности, Суду следует определить, являлся ли процесс принятия решений, в результате которого были применены соответствующие меры вмешательства, справедливым и осуществлялся ли он с соблюдением интересов лица, гарантированных ст. 8 Конвенции....;

δ) *Лишение жилья является одним из наиболее серьезных вмешательств в право на уважение жилища*. Любое лицо, которому грозит опасность стать жертвой такого посягательства, должно иметь возможность добиться рассмотрения соразмерности данной меры независимым судом с учетом принципов, вытекающих из ст. 8 Конвенции, *даже в том случае, если соответствующее вмешательство имело место в результате применения национального законодательства* ... Помимо прочего, подобный подход означает, что национальные судебные органы обязаны подробно рассмотреть аргументы, сформулированные заявителем в ходе судебного разбирательства на внутригосударственном уровне, относительно пропорциональности такого вмешательства и дать им надлежащую оценку....;

ε) Оценка соразмерности такой меры вмешательства как выселение должна осуществляться с учетом следующих факторов:

законность постройки (законность постройки ставит под сомнение правомерность вмешательства, и, напротив, в случае незаконности постройки заинтересованное лицо оказывается в более слабой позиции),

недоступность альтернативного варианта размещения (при отсутствии альтернативного варианта размещения степень вмешательства представляется гораздо более высокой, чем в случае предоставления такого альтернативного варианта размещения),

учет, с одной стороны, конкретных потребностей соответствующего лица и, с другой стороны, коллективного права на охрану окружающей среды....;

ζ) Наконец, особо уязвимое положение цыган и других кочевых народов как представителей меньшинства требует особого внимания к их потребностям и образу жизни, которое должно проявляться как в наличии соответствующей нормативно-правовой базы в жилищной сфере, так и в процессе принятия решений по конкретным делам....; таким образом, ст. 8 Конвенции возлагает на Договаривающиеся Стороны позитивное обязательство по предоставлению цыганам и иным кочевым народам возможности следовать их образу жизни....» (пункт 97 постановления от 11 октября 2016 г. по делу *Багдонавичюс и другие против Российской Федерации*).²⁸¹

²⁸¹ «В упоминавшемся... постановлении по делу «*Винтерштейн и другие против Франции*» Суд, со ссылкой на постановление по делу «*Йорданова и другие против Болгарии*», заключил: «151. В завершение, Суд отмечает, что в постановлении по делу «*Йорданова и другие против Болгарии*» вывод Суда о нарушении требования пропорциональности, вытекающего из п. 2 ст. 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в первую очередь, основывался на том, что органы местного самоуправления, в соответствии с требованиями национального законодательства, не указали в постановлении о выселении иные мотивы, помимо факта незаконного занятия земельных участков, а, во-вторых, на нежелании национальных судебных органов заслушать доводы заявителей относительно пропорциональности вмешательства и продолжительности беспрепятственного проживания самих заявителей и членов их семей на соответствующих земельных участках (п. 122)»» (пункт 98 постановления от 11 октября 2016 г. по делу *Багдонавичюс и другие против Российской Федерации*).

[В] постановлении по делу *«Йорданова и другие против Болгарии»* Суд заключил, что *несовершение органами государственной власти в течение многих лет действий по выселению заявителей, проживавших на муниципальной земле в отсутствие законных на то оснований, de facto свидетельствует о толерантном отношении властей к такого рода незаконному землепользованию*. Соответственно, Суд признал данный фактор существенным и пришел к выводу о необходимости его учета при рассмотрении дела; даже если допустить, что подобные обстоятельства не могли породить у заявителей законной надежды на последующее проживание на данной земле, *в результате бездействия органов государственной власти у заявителей возникли тесные связи с соответствующей землей, в пределах которой проживала сложившаяся община*. Суд постановил, что в соответствии с принципом пропорциональности подобные ситуации, свидетельствующие о существовании устойчивого сообщества в течение продолжительного периода времени, существенным образом отличаются от стандартного выселения лица из жилища, занятого им в отсутствие законных на то оснований (пункт 100 постановления от 11 октября 2016 г. по делу *Багдонавичюс и другие против Российской Федерации*).

Практика Комитета ООН по правам человека

Комитет считает, что *государства-участники должны ограничивать использование принудительных выселений* путем принятия всех возможных вариантов, альтернативных выселению, и гарантировать альтернативное жилье затрагиваемым семьям (пункт 12.4 Соображений Комитета по правам человека от 3 ноября 2016 г. по делу *«И Эльпида» – культурная ассоциация греческих цыган из Халандри и пригородов и Стилианосом Каламиотисом против Греции*).²⁸²

---

²⁸² Комитет должен был определить, будут ли выселение авторов и снос их домов представлять собой нарушение статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах в том случае, если распоряжение о выселении будет выполнено. Нет никаких сомнений в том, что в случае выполнения распоряжения о выселении авторы лишатся своих жилищ и что, соответственно, будет иметь место посягательство на неприкосновенность их жилища.

Практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

Комитет считает, что случаи принудительного выселения²⁸³ являются *prima facie*²⁸⁴ несовместимыми с требованиями... [Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах] и могут быть оправданными только при самых исключительных обстоятельствах и согласно соответствующим принципам международного права (пункт 18 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 6-й сессии (1991 г.). E/1992/23).

В своем [З]амечании общего порядка 4 (1991) Комитет [по экономическим, социальным и культурным правам] отметил, что *все лица должны пользоваться определенными гарантиями против необоснованного выселения*, которые обеспечивают правовую защиту от принудительного выселения, преследования и других угроз (пункт 1 Замечания общего порядка № 7. Право на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).

---

²⁸³ «Использование термина «принудительные выселения» в некоторых отношениях является проблематичным. Это определение направлено на то, чтобы отразить элемент произвольности и незаконности. Для многих специалистов, однако, термин «принудительные выселения» представляет собой тавтологию, в то время как другие критикуют словосочетание «незаконные выселения» на том основании, что оно предполагает наличие соответствующего закона, обеспечивающего адекватную защиту права на жилище и соответствующего положением... [Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах], что не всегда соответствует действительности. Утверждается также, что термин «несправедливые выселения» носит еще более субъективный характер в силу того факта, что он не вписывается ни в одну правовую структуру. Международное сообщество, особенно в рамках Комиссии по правам человека, предпочитает использовать термин «принудительные выселения» прежде всего потому, что все предлагаемые альтернативные варианты являются столь же небезупречными. Термин «принудительные выселения», используемый в тексте настоящего Замечания общего порядка, определяется как постоянное или временное выселение отдельных лиц, семей и/или общин из их домов и/или с их земель против их воли, без предоставления надлежащей правовой или иной защиты или без обеспечения доступа к такой защите. Запрещение принудительных выселений, однако, не относится к выселениям, осуществляемым в принудительном порядке в соответствии с законом и согласно положениям Международных пактов в области прав человека (пункт 3 Замечания общего порядка № 7. Право на достаточное жилище» (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).

²⁸⁴ С первого взгляда.

Во всех этих случаях²⁸⁵ *право на надлежащее жилище и право не подвергаться принудительному выселению может нарушаться в результате широкого круга действий или бездействия государств-участников. Даже в ситуациях, когда, возможно, требуется ввести определенные ограничения на осуществление такого права, необходимо в полной мере соблюдать статью 4... [Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах] таким образом, чтобы любые ограничения «определялись законом настолько, насколько это совместимо с природой [экономических, социальных и культурных] прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе»* (пункт 5 Замечания общего порядка № 7. Право на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).

В соответствии с пунктом 1 статьи 2... [Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах] государства-участники должны использовать «все надлежащие способы», включая принятие законодательных мер, для обеспечения защиты всех прав, предусмотренных в Пакте. Хотя Комитет в своем Замечании общего порядка № 3 (1991) отметил, что такие меры не являются обязательными в отношении всех прав, очевидно, что *законодательство, запрещающее принудительные выселения, является важной основой, на которой строится система эффективной защиты*. Такое законодательство должно предусматривать меры

- a) обеспечивающие максимальные гарантии владельцам жилья и земли,
- b) соответствующие положениям Пакта и
- c) направленные на жесткий контроль за условиями, при которых могут осуществляться выселения. Это законодательство должно также применяться ко всем лицам, наделенным государственными полномочиями или подотчетным государству. Кроме того, с учетом усиливающейся в некоторых государствах тенденции к существенному сокращению роли государства в жилищном секторе, *государства-участники должны обеспечивать, чтобы законодательные и другие меры были достаточными для предотвращения принудительных выселений, осуществляемых без*

²⁸⁵ «Хотя может сложиться впечатление, что практика принудительных выселений применяется в первую очередь с плотно заселенных городских районов, она также применяется в связи с принудительным перемещением населения, перемещением внутри страны, принудительным перемещением в условиях вооруженного конфликта, массовым исходом населения и передвижением беженцев» (пункт 5 Замечания общего порядка № 7. Право на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).

надлежащих гарантий частными лицами или государственными органами, и, при необходимости, для вынесения наказаний за такие действия (пункт 9 Замечания общего порядка № 7. Право на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).

Даже в тех случаях, когда выселение может быть обоснованным, например при длительном невнесении арендной платы или при причинении ущерба арендуемой собственности без каких-либо разумных причин, соответствующие органы должны обеспечивать, чтобы такие выселения осуществлялись на основе закона, соответствующего положениям... [Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах], и чтобы затрагиваемые лица имели все средства правовой защиты (пункт 11 Замечания общего порядка № 7. Право на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).²⁸⁶

До проведения выселения, особенно в случае выселения больших групп людей, государству-участнику в консультации с затрагиваемыми лицами следует изучить все возможные альтернативы, с тем чтобы избежать или, по крайней мере, свести к минимуму необходимость использовать силу. Лицам, которые затрагиваются постановлениями о выселении, должна быть предоставлена возможность пользоваться средствами или процедурами правовой защиты. Государства-участники также должны обеспечивать, чтобы все затрагиваемые лица имели право на надлежащую компенсацию за любую затрагиваемую собственность, как движимую, так и недвижимую. В этой связи следует упомянуть пункт 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, в соответствии с которым государства-участники должны обеспечивать «эффективные средства правовой защиты» для лиц, права которых нарушены, а также на обязательство «обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются» (пункт 13 Замечания общего порядка № 7. Право на

---

²⁸⁶ «Все лица должны пользоваться определенной степенью обеспечения проживания, которая гарантирует правовую защиту от принудительного выселения, преследования и других угроз. Эта гарантия распространяется также на лиц, которые проживают в арендуемых помещениях, как государственных, так и частных, и которые должны иметь право на жилище, в том числе по истечении срока аренды» (пункт 13.2 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).

В случае когда выселение считается обоснованным, оно должно проводиться при строгом соблюдении соответствующих положений международного гуманитарного права и согласно общим принципам целесообразности и пропорциональности. В этой связи особенно важно напомнить Замечание общего порядка Комитета по правам человека, относящееся к статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, в котором говорится, что *посягательство на жилище того или иного лица может происходить только «в случаях, предусмотренных законом».* Комитет отметил, что такое законодательство «должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае должно отвечать принципам разумности в конкретных обстоятельствах». Комитет также указал, что «соответствующее законодательство должно детально оговаривать конкретные обстоятельства, при которых может разрешаться такое посягательство» (пункт 14 Замечания общего порядка № 7. Право на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).

Комитет считает, что в рамках процессов принудительного выселения или процессов, в которых может быть затронуто обеспечение проживания и которые могут в конечном итоге привести к выселению, государствам-участникам следует обеспечить соблюдение надлежащих процессуальных норм, с тем чтобы, в частности, все заинтересованные лица получили реальную возможность проведения консультаций, а также заблаговременное уведомление этих лиц в достаточные и разумные сроки до установленной даты выселения²⁸⁷ (пункт 11.2 Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 17 июня 2015 г. по делу *И. Д. Г. против Испании*).²⁸⁸

²⁸⁷ См. Замечание общего порядка № 7 Комитета, пункт 15.

²⁸⁸ *«Право человека на достаточное жилище является основополагающим правом, которое представляет собой основу для пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами и всецело связано с другими правами человека, включая те из них, которые изложены в Международном пакте о гражданских и политических правах. Право на жилище должно обеспечиваться всем, вне зависимости от уровня дохода или доступа к экономическим ресурсам, и государства-участники обязаны принимать все необходимые меры, с тем чтобы обеспечить полную реализацию этого права. Многие элементы права на достаточное жилище тесно связаны с наличием надлежащих внутренних средств юридической защиты в целях обеспечения эффективного*

[Х]отя спор в связи с истечением срока действия договора аренды.... возник[ает] между двумя частными лицами, государство-участник обязано, помимо прочего, гарантировать, чтобы выселение арендатора не противоречило пункту 1 статьи 11 Пакта (пункт 14.1 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

*Государства-участники обязаны не только соблюдать права, закрепленные в Пакте, в соответствии с которым им следует воздерживаться от их нарушения, но и защищать эти права, принимая меры для предотвращения прямого или косвенного вмешательства частных лиц в их осуществление*²⁸⁹. Если государство-участник не принимает надлежащих мер для защиты одного из предусмотренных в Пакте прав, оно нарушает свое обязательство даже в том случае, если действие, приведшее к нарушению права, было произведено частным лицом или субъектом. Таким образом, хотя Пакт устанавливает, главным образом, права и обязательства в рамках взаимоотношений государства-участника и частных лиц, положения Пакта также применимы к отношениям между частными лицами. Выселение по истечении срока действия договора аренды, заключенного между частными лицами, может, соответственно, повлиять на осуществление прав, закрепленных в Пакте. В этой связи довод государства-участника о том, что настоящее сообщение касается конфликта между отдельными лицами и не имеет никакого отношения к Пакту, представляется необоснованным (пункт 14.2 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

При определенных условиях выселение лиц из арендуемого жилья может быть совместимо с положениями Пакта, если этой действие предусмотрено законодательством, предпринимается в качестве крайней меры, а затрагиваемые лица заблаговременно получают доступ к эффективным средствам судебной правовой защиты, чтобы удостовериться в том, что выселение является надлежащим образом обоснованным, например, в случае систематической невыплаты аренды или причинения ущерба арендуемой собственности без каких-либо разумных причин. Кроме того, затрагиваемые лица должны иметь реальную и

осуществления этого права» (пункт 11.1 Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 17 июня 2015 г. по делу *И. Д. Г. против Испании*).

²⁸⁹ Замечание общего порядка № 7, пункт 9. См. также Замечания общего порядка № 22 (2016 год) о праве на сексуальное и репродуктивное здоровье, пункт 42; и № 23 (2016 год) о праве на справедливые и благоприятные условия труда, пункт 59.

эффективную возможность получить предварительную консультацию у государственных органов, должны отсутствовать альтернативные и не столь радикальные меры, а затрагиваемые лица не должны оказаться в ситуации, которая сама по себе нарушает прочие права, предусмотренные Пактом, и другие права человека или подвергает затрагиваемых лиц такому нарушению (пункт 15.1 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

В частности, *выселение не должно приводить к бездомности затрагиваемых лиц*. Таким образом, если эти лица не могут позволить себе альтернативное жилье, государство-участник должно принять все необходимые меры при максимальном использовании имеющихся ресурсов для предоставления в зависимости от обстоятельств надлежащего альтернативного жилья, расселения или доступа к плодородным землям²⁹⁰. Государствам-участникам следует уделять особое внимание случаям, когда с выселением сталкиваются женщины, дети, пожилые люди, инвалиды, а также другие лица или группы лиц, подвергающиеся систематической дискриминации или находящиеся в уязвимом положении. Государство-участник обязано принимать разумные меры для предоставления альтернативного жилья лицам, которые в результате выселения могут остаться без крыши над головой, независимо от того, было ли решение о выселении принято властями государства-участника или частными лицами, например арендодателем (пункт 15.2 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

Обязательство по предоставлению альтернативного жилья нуждающимся в этом выселенным лицам подразумевает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Пакта государства-участники должны прилагать все необходимые усилия в максимальных пределах имеющихся у них ресурсов для соблюдения этого права. Для достижения этой цели государства-участники могут принимать самые разнообразные политические меры, включая предоставление субсидий на жилье лицам, которые не могут себе его позволить²⁹¹. Вместе с тем любые принимаемые меры должны быть осознанными, конкретными и как можно более четко нацеленными на осуществление вышеупомянутого права²⁹². При разработке политики по предоставлению альтернативного жилья в случае выселения должны учитываться потребности затрагиваемых лиц и *срочность* ситуации, а также

---

²⁹⁰ Замечание общего порядка № 7, пункт 16.

²⁹¹ Замечание общего порядка № 4, подпункт с) пункта 8. См. также пункт 13.

²⁹² Замечание общего порядка № 3, пункт 2. См. также письмо Председателя Комитета государствам-участникам Пакта от 16 мая 2012 года.

принцип уважения достоинства человека. Кроме того, государства-участники должны принимать меры на согласованной и скоординированной основе в целях устранения институциональных недостатков и структурных причин бездомности²⁹³ (пункт 15.3 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

Права человека неделимы и взаимосвязаны. Таким образом, обязательства государств-участников в области соблюдения права на жилище должны толковаться в совокупности с другими правозащитными обязательствами, в особенности в контексте выселения, в целях предоставления семье по возможности самой широкой охраны (пункт 1 статьи 10 Пакта). Обязательства государств-участников по предоставлению в максимальных пределах имеющихся у них ресурсов альтернативного жилья нуждающимся в этом выселенным лицам, включают обязательства по защите семьи, в особенности в тех случаях, когда эти лица отвечают за заботу о находящихся на их иждивении детях и их образование (пункт 15.4 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

Если в случае выселения государство-участник не гарантирует или не предоставляет затрагиваемому лицу альтернативное жилье, то оно должно продемонстрировать, что им были рассмотрены конкретные обстоятельства дела и что даже после принятия всех разумных мер в максимальных пределах имеющихся ресурсов право этого лица на жилище не может быть удовлетворено. Представленная государством-участником информация должна позволять Комитету оценить целесообразность мер, принятых в соответствии с пунктом 4 статьи 8 Факультативного протокола²⁹⁴ (пункт 15.5 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

Комитет считает, что *в целях оптимизации ресурсов своих социальных служб государствам-участникам следует устанавливать требования и условия для получения социальных пособий. Вместе с тем эти условия должны быть разумными и тщательно разрабатываться не только во избежание*

²⁹³ См., например, материалы, представленные Специальным докладчиком по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте и ее доклад (A/HRC/31/54), пункты 28–38.

²⁹⁴ См. также заявление Комитета по вопросу об оценке обязательства по принятию мер «в максимальных пределах имеющихся ресурсов» в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту (2007 год).

возможной стигматизации, но и потому, что, когда какое-либо лицо ходатайствует о предоставлении ему альтернативного жилья, его поведение не может само по себе служить основанием для отказа в предоставлении социального жилья со стороны государства-участника. Кроме того, информация об этих условиях должна доводиться до сведения просителя в рамках транспарентной процедуры, своевременно и в надлежащей форме (пункт 17.2 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

Комитет считает, что государства-участники обладают определенной свободой при распределении бюджетных ресурсов наиболее приемлемым образом, с тем чтобы гарантировать полную эффективность при осуществлении прав, предусмотренных Пактом²⁹⁵, и что при определенных обстоятельствах они могут принимать *регрессивные меры*. Тем не менее в таких случаях государство-участник *обязано доказать, что его решение было принято после самого тщательного изучения вопроса и что оно является полностью оправданным применительно ко всей совокупности прав, предусмотренных Пактом, в контексте полного использования максимального объема имеющихся ресурсов*²⁹⁶. В условиях серьезного экономического и финансового кризиса любые изменения или возможные корректировки политики должны, помимо прочего, *носить временный характер и приниматься в соответствии с соображениями необходимости, пропорциональности и недискриминации*²⁹⁷. В данном случае государство-участник не обосновало необходимость принятия регрессивной меры, описанной в предыдущем пункте²⁹⁸, сократив тем самым количество

²⁹⁵ Сообщение № 1/2013, *Лопес Родригес против Испании*, Соображения, принятые 4 марта 2016 года, пункт 13.3. См. также письмо Комитета от 16 мая 2012 года (примечание 31 выше).

²⁹⁶ Замечание общего порядка № 4, пункт 9. См. также заявление Комитета о принятии мер «в максимальных пределах имеющихся ресурсов» в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту, пункты 6–8 и 11.

²⁹⁷ Письмо Комитета от 16 мая 2012 года (примечание 31 выше). См. также заявление Комитета о государственном долге, мерах строгой экономии и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (2016 год), пункт 4.

²⁹⁸ «Принимая к сведению меры, принятые в пользу авторов..., Комитет считает, что доводы государства-участника являются недостаточными, так как не свидетельствуют о том, что были предприняты все возможные усилия и использованы все имевшиеся у него ресурсы для того, чтобы в приоритетном порядке обеспечить соблюдение права на жилище лиц, которые, как авторы, оказались в крайне уязвимом положении. К примеру, государство-участник не обосновало необходимость отказа в предоставлении социального жилья авторам в связи с использованием ресурсов для разработки государственными органами общей политики или плана действий в чрезвычайной ситуации в целях поэтапного претворения в жизнь права на жилище, особенно в отношении лиц,

доступных единиц социального жилья в тот момент, когда потребность в нем значительно увеличилась в связи с экономическим кризисом (пункт 17.6 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

Такое предложение²⁹⁹, если рассмотреть его более тщательно, подразумевает *разлучение семьи*, которое противоречит обязательству государства-участника по предоставлению по возможности самой широкой охраны и помощи семье как основной ячейке общества, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 10 Пакта (пункт 17.7 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Определение принудительных выселений согласно международному праву в области прав человека имеет своим центральным элементом отказ в доступе к правосудию, а доступ к правосудию имеет решающее значение для их предотвращения. *Принудительное выселение определяется как «постоянное или временное выселение отдельных лиц, семей и/или общин из их домов и/или с их земель против их воли, без предоставления надлежащей правовой или*

находящихся в крайне уязвимом положении. Более того, государство-участник не разъяснило Комитету причины, по которым региональные власти Мадрида, например УЖФМ, распродали часть социального жилищного фонда в частные инвестиционные фонды, ограничив тем самым доступ к нему, несмотря на то, что количество единиц социального жилья в Мадриде ежегодно оказывается значительно ниже спроса. Также оно не пояснило, каким образом такая мера обосновывается с точки зрения закона и почему она является наиболее подходящей для того, чтобы обеспечить осуществление в полной мере прав, закрепленных в Пакте. К примеру, в 2013 году УЖФМ продал 2 935 домов и других единиц жилья частной компании на сумму 201 млн. евро, объяснив это необходимостью восстановления бюджетного баланса» (пункт 17.5 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

²⁹⁹ «Комитет переходит к рассмотрению довода государства-участника о том, что служба «Самур» сообщила авторам, что если по истечении максимального срока пребывания во временном приюте «Самур сосиаль Мадрид» они не найдут жилья, г-жу Беллини и детей могут разместить в приюте для женщин, а г-на Бен Джазия – в центре помощи бездомным, и о том, что Центр социального обслуживания муниципалитета Мадрид предложил им аналогичную альтернативу» (пункт 17.7 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

иной защиты или без обеспечения доступа к такой защите»³⁰⁰. Это определение также применяется к любому выселению бездомных людей из места их проживания. *Принудительные выселения представляют собой грубое нарушение международных прав человека и должны быть строго запрещено в законодательстве, а судам надлежит должным образом соблюдать такой запрет.* Постановления суда должны полностью соблюдаться и выполняться государственными органами³⁰¹ (пункт 35 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).³⁰²

Согласно международному праву прав человека каждый человек имеет право на достаточное жилище как одну из составляющих права на достаточный уровень жизни. *Право на достаточное жилище включает в себя, в частности,*

право на защиту от произвольного или незаконного посягательства на частную и семейную жизнь,

неприкосновенность жилища и

законное право владения (пункт 13 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Все лица, группы лиц или их общины имеют право на переселение, включающее в себя право на альтернативный участок земли лучшего или аналогичного качества и *жилище, которое должно удовлетворять следующим критериям достаточности:*

доступность,

приемлемость по цене,

пригодность для проживания,

гарантии права владения,

культурная адекватность,

удобство местоположения,

доступность важнейших услуг, таких как услуги здравоохранения и образования (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

³⁰⁰ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 7 (1997) о принудительных выселениях, пункт 4.

³⁰¹ Резолюции 1993/77 и 2004/28 Комиссии по правам человека.

³⁰² Режим доступа: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/40/61

Государства должны признать, что *запрет принудительного выселения включает запрет произвольного перемещения*, меняющего этнический, религиозный или расовый состав затрагиваемого населения (пункт 19 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Государства гарантируют, что *выселения могут проводиться лишь в исключительных случаях*. С учетом их отрицательного влияния на широкий спектр международно-признанных прав человека, *выселения должны быть полностью обоснованными*. Любое выселение должно

- a) быть разрешено законом;
- b) осуществляться в рамках международного права прав человека;
- c) проводиться исключительно для общего блага³⁰³;
- d) быть разумным и пропорциональным;
- e) регулироваться с целью обеспечения полной и справедливой компенсации и реабилитации; и
- f) проводиться в соответствии с настоящими руководящими указаниями. Защитное действие этих процессуальных требований распространяется на всех уязвимых лиц и затрагиваемые группы независимо от того, имеют ли они или нет по внутреннему праву правовой титул на дом или имущество (пункт 21 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Процессы городского и сельского планирования и развития, в которых должны участвовать все те, кто может быть ими затронут, *должны включать в себя следующие элементы*:

- a) все потенциально затрагиваемые лица должны надлежащим образом уведомляться о том, что рассматривается возможность их выселения и что предлагаемые планы и альтернативы будут вынесены на обсуждение общественности;
- b) официальные органы должны обеспечить эффективное заблаговременное распространение информации, в том числе данных земельных архивов и предлагаемых комплексных планов переселения с указанием конкретных мер для защиты уязвимых групп населения;

---

³⁰³ Под *деятельностью для общего блага* понимаются меры, принимаемые государствами в соответствии с их международными правозащитными обязательствами, в частности для обеспечения уважения прав человека наиболее уязвимых слоев населения.

с) для общественного обсуждения предлагаемого плана, представления замечаний и /или возражений по нему должен отводиться разумный период времени;

д) должны приниматься меры и предоставляться возможности для содействия оказанию юридической, технической и иной помощи затрагиваемым лицам, с тем чтобы информировать их об имеющихся у них правах и возможностях; и

е) должны проводиться общественные слушания, в ходе которых затрагиваемые лица и их представители могли бы оспорить решение о выселении и/или предложить альтернативные варианты и сформулировать свои пожелания и приоритеты развития (пункт 37 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Прежде чем принять решение о выселении, власти должны продемонстрировать, что такое выселение является неизбежным и согласуется с международными правозащитными обязательствами, поскольку оно осуществляется на благо общества (пункт 40 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень Милуна Котари. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Любые решения о выселении должны заблаговременно в письменном виде и на местном языке доводиться до сведения всех тех, кого это может коснуться. Уведомления о выселении, в которых должно детально обосновываться принятое решение, должны содержать следующую информацию:

а) доказательства отсутствия разумных альтернатив;
б) все детали предлагаемых альтернативных вариантов;
с) в случае отсутствия альтернатив описание всех мер, принимаемых и планируемых для сведения к минимуму отрицательных последствий выселения. *Должна существовать возможность пересмотра окончательных решений* в административном или судебном порядке. Всем затрагиваемым сторонам должен также гарантироваться своевременный доступ к юристу в случае необходимости бесплатно (пункт 41 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Подлежащим выселению лицам должна... предоставляться возможность оценить и задокументировать нематериальные потери для получения соответствующей компенсации (пункт 42 Доклада Специального докладчика

по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Выселения не должны ущемлять достоинство и права человека на жизнь и безопасность выселяемых лиц (пункт 47 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Выселения не должны проводиться в ненастную погоду, в ночное время, во время фестивалей или религиозных праздников, перед выборами, во время школьных экзаменов или непосредственно перед ними (пункт 49 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Официальные органы и их представители не должны требовать от выселяемых [лиц] заставлять их разрушать свои жилища или иные сооружения. В то же время, затрагиваемым лицам должна предоставляться такая возможность, поскольку это облегчит спасение их имущества и строительных материалов (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Государства и все другие стороны, несущие ответственность за предоставление справедливой компенсации и удовлетворительного альтернативного жилья или реституцию, когда это возможно, должны сделать это сразу же после выселения, за исключением случаев форс-мажора. Независимо от обстоятельств и безо всякой дискриминации компетентные органы должны как минимум обеспечить, чтобы выселяемые лица или группы лиц, особенно те, которые не в состоянии добыть себе средства к существованию, имели постоянный гарантированный доступ к:

- a) важнейшим продуктам питания, питьевой воде и средствам санитарии;
- b) минимально необходимому крову и жилью;
- c) соответствующей одежде;
- d) медицинским услугам первой необходимости;
- e) источникам средств к существованию;
- f) корму для скота и являющимся общественным достоянием ресурсам, от которых они зависели в прежнее время; и

g) услугам образования для детей и учреждениям по уходу за ними. Государствам следует также не допускать того, чтобы расширенные семьи или общины оказывались разобщенными в результате выселения (пункт 52 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

Выбранные места для переселения должны отвечать требованиям к достаточному жилищу с точки зрения международного права прав человека. К их числу относятся:

- a) *гарантированное владение;*
- b) *доступность услуг, материалов, объектов и инфраструктуры, например, питьевой воды, энергии для приготовления пищи, отопления и освещения, средств гигиены, стирки, хранения продовольствия, удаления отходов и водоотвода, экстренных услуг, а также, при необходимости, природных ресурсов и ресурсов, являющихся общим достоянием;*
- c) *доступное жилье;*
- d) *пригодное для проживания достаточно просторное жилье, защищающее от холода, сырости, жары, дождя, ветра и других угроз здоровью, конструкционных угроз и заболеваний и обеспечивающее физическую безопасность жильцов;*
- e) *доступность для уязвимых групп;*
- f) *доступ к занятости, услугам здравоохранения, школам, учреждениям по уходу за детьми и другим социальным службам как в городских, так и в сельских районах; и*
- g) *адекватность жилья с культурной точки зрения. Для того чтобы считаться надежным, достаточное жилище должно обладать следующими важнейшими характеристиками: обеспечивать жильцам уединение и неприкосновенность; участие в процессе принятия решений; свободу от насилия; и доступ к средствам правовой защиты в случае любых нарушений прав (пункт 55 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).*

Когда выселение неизбежно и необходимо для общего блага, государство должно предоставить или обеспечить предоставление справедливой и адекватной компенсации за все утраченное личное, недвижимое и иное имущество или вещи, включая права на такое имущество или интерес в нем. Компенсацию следует предоставлять за любой поддающийся экономической оценке ущерб в установленном порядке и соразмерно серьезности нарушения и обстоятельствам каждого случая, в том числе за

- гибель или увечье;*
- физический или психический вред;*

упущенные возможности, в частности в области трудоустройства, образования и получения социальных льгот;

материальный ущерб и упущенную выгоду, в том числе потерю возможности заработка;

моральный ущерб; и

расходы на правовую или экспертную помощь, лекарства и медицинское обслуживание, а также на услуги психологических и социальных служб. *Денежная компенсация ни в коем случае не должна подменять собой реальную компенсацию землей или доступом к ресурсам, являющимся общим достоянием.* В случае конфискации земли выселенное лицо должно получить в качестве компенсации земельный участок аналогичного или более высокого качества, размера и стоимости (пункт 60 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

*Все выселенные субъекты независимо от того, обладают ли они правовым титулом на свое имущество или нет, имеют право на компенсацию потерь, а также расходов на сохранение и транспортировку своего затрагиваемого имущества, в том числе стоимости жилых помещений и земель, утраченных или поврежденных в процессе выселения. Вопрос о компенсации потерь неофициального имущества, такого, как жилье в трущобах, должен решаться в зависимости от обстоятельств каждого конкретного дела (пункт 61 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).*

При оценке экономического ущерба следует учитывать потери и расходы, не покрываемые предоставляемым на оплату переселения вспомоществованием, например

стоимость земельных участков, жилых зданий, их интерьера и инфраструктуры;

пени в связи с просроченными ипотечными и иными кредитами;

расходы на временное жилье;

административные и юридические расходы;

стоимость альтернативного жилья;

потерю заработной платы и доходов;

утраченные возможности для получения образования;

расходы на охрану здоровья и медицинское обслуживание, переселение и транспортировку (особенно в случае переселения далеко от источников средств к существованию). В тех случаях, когда жилье и земля являются для выселяемых жителей также источником средств к существованию, при оценке причиненного ущерба и потерь *должны приниматься во внимание*

коммерческие потери, а также потери оборудования/товарных запасов, скота, земли, деревьев/урожая и утрата/уменьшение заработной платы/доходов (пункт 63 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

[С]уществуют значительные различия и противоречия в том, как проблема неспособности выплатить задолженность по ипотеке или аренде решается в национальном законодательстве и в практике судов. Во многих юрисдикциях отчуждение недвижимости должника является обычной практикой, независимо от причины возникновения задолженности и последствий, которые будет иметь выселение. Принципы международного права прав человека, запрещающие выселение, например, в том случае, если оно приведет к бездомности, в целом не применяются надлежащим образом национальными судами в случаях выселений, связанных с неспособностью выплатить задолженность по ипотеке или аренде. Специальный докладчик обеспокоена тем, что в сфере жилья такая «мера», как выселение, рутинно применяется в случаях невыплаты долга, *несмотря на наличие множества других средств, которыми могут воспользоваться суды для того, чтобы добиться погашения или реструктуризации задолженности, не прибегая к властным полномочиям государства по конфискации имущества или выселению людей из их домов, например: введение графиков погашения кредита или наложение ареста на заработную плату должника*. Отчуждение имущества и выселение имеют серьезные последствия для здоровья и благополучия людей и могут привести к потере опеки над детьми. Такие последствия неспособности выплатить задолженность по ипотеке или аренде являются неприемлемыми, если имеются другие варианты. Кроме того, они, как правило, противоречат международному праву прав человека (пункт 58 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 18 января 2017 г. A/HRC/34/51).³⁰⁴

Имеются обширные руководящие положения в отношении запрета принудительных выселений и *строгие процессуальные гарантии, обязательные к соблюдению при осуществлении выселений, включая*

³⁰⁴ «По мнению Специального докладчика, слишком распространенная практика лишения людей их домов в качестве меры по погашению задолженности по ипотеке или аренде должна быть более тща-тельно рассмотрена в контексте прав человека, чем это делалось ранее национальными судами и международными правозащитными органами» (пункт 61 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 18 января 2017 г. A/HRC/34/51).

*конструктивные консультации с затрагиваемыми общинами*³⁰⁵ (пункт 54 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

Законодательство о запрещении принудительных выселений считается важным элементом системы защиты. По мнению Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, такое законодательство должно предусматривать меры, которые

- a) обеспечивают наивысший возможный уровень *правовой защищенности* проживания жителям домов и земельных участков,
- b) *соответствуют положениям Пакта и*
- c) *разработаны в целях регулирования обстоятельств, которые могут сопровождать принудительные выселения* (пункт 56 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

Специальный докладчик подчеркивает, что *под правовыми гарантиями проживания следует понимать* как минимум следующее:

- a) *защиту закона* от принудительных выселений, преследования и других угроз;
- b) *признание* государственными органами и частными лицами *права проживать в безопасном месте в условиях мира и достоинства*; такое признание предполагает получение поддержки от властей и наличие всех общественных услуг и равный доступ к ним;
- c) *возможность защиты в судебном порядке*, т.е. возможность обращения в суд в случае нарушения права владения и пользования жильем; для обеспечения эффективности этого критерия может потребоваться юридическая помощь в плане содействия доступу к эффективным средствам правовой защиты; и
- d) *любой другой аспект, необходимый для пользования другими компонентами права на достаточное жилище на равном основании с другими* (пункт 69 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о

³⁰⁵ См., например, Замечание общего порядка № 7 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам (1997 год); и

Основные принципы и руководящие указания, касающиеся выселений и перемещений по соображениям развития (A/HRC/4/18, приложение I). Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Housing/Guidelines_ru.pdf

праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

9.1.1. Доступ к правосудию в случаях принудительного выселения

Практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

В тех случаях, когда выселение является обоснованным..., соответствующие государственные органы должны гарантировать его проведение согласно законодательству, соответствующему положениям Пакта, включая принцип уважения человеческого достоинства, закрепленный в его преамбуле, и общие принципы целесообразности и пропорциональности. Все процессы в контексте принудительного выселения и процессы, которое могут повлиять на правовое обеспечение проживания и привести к выселению, должны осуществляться в соответствии с процессуальными гарантиями, обеспечивающими, в частности, наличие у затрагиваемых лиц реальной и эффективной возможности получить консультацию³⁰⁶. Комитет напоминает о том, что *не может быть права, если нет правового средства его защиты*³⁰⁷, и что таким образом, в соответствии с обязательством, содержащимся в пункте 1 статьи 2 Пакта, государства-участники обязаны обеспечить лицам, чье право на достаточное жилище могло быть затронуто, например в связи с принудительным выселением или истечением срока действия договора аренды, эффективное и надлежащее средство судебной правовой защиты³⁰⁸ аренды (пункт 13.4 Соображений Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 20 июня 2017 г. по делу *Мохамед бен Джазия и Науэль Беллини против Испании*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

³⁰⁶ Замечание общего порядка № 7, пункт 15. См. также решение Конституционного суда Южной Африки по делу *Occupiers Olivia Road v. City of Johannesburg* [2008] ZACC 1, пункты 9–23. Верховный суд Индии также подчеркивал необходимость соблюдения гарантий при выселении: см. *Olga Tellis & Ors v Bombay Municipal Corporation, All India Reporter*, 1986, 180.

³⁰⁷ Сообщение № 2/2014, *И.Д.Г. против Испании*, Соображения, принятые 17 июня 2015 года, пункт 11.3. См. также замечание общего порядка № 9 (1998 год) о применении Пакта во внутреннем праве, пункт 2.

³⁰⁸ Замечания общего порядка № 3 (1990 год) о природе обязательств государств-участников, пункты 1 и 5; № 7, пункты 9, 11 и 15; и № 9, пункт 2; и сообщение № 2/2014, *И. Д. Г. против Испании*, пункты 11.3 и 11.4.

*Государства непосредственно обязаны обеспечивать для всех лиц определенную степень гарантий владения, защищающих их в правовом плане от принудительного выселения, преследования и других угроз*³⁰⁹. Они обязаны... принимать последовательные меры по повышению гарантированности владения для всех лиц, использующих землю или жилье для удовлетворения элементарных потребностей в жилье и в настоящее время не имеющих таких гарантий. Однако *право на гарантированность владения на местах не является абсолютным*, и от него могут делаться отступления в чрезвычайных обстоятельствах, оправдывающих выселение, при соблюдении международно-правовых обязательств в части, касающейся, среди прочего, таких принципов, как

*надлежащая правовая процедура,
разумность и
соразмерность*, а также

с изучением всех практически *возможных альтернатив*. При возникновении таких обстоятельств государства должны гарантировать защитные меры с целью обеспечения того, чтобы в процессе выселения и переселения в полной мере соблюдались права человека затрагиваемых лиц, в том числе право на доступ к альтернативному жилью³¹⁰ (пункт 8 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54).

Надлежащая процедурная защита или надлежащее судебное разбирательство являются важными аспектами всех прав человека, однако они приобретают особенно важное значение в таких случаях, как *принудительные выселения*, которые непосредственно касаются широкого круга прав, признанных в обоих Международных пактах о правах человека. Комитет считает, что процедурные аспекты защиты, которые должны применяться в связи с принудительными выселениями, включают в себя:

- а) *возможность проведения реальных консультаций с затрагиваемыми лицами;*
- б) *надлежащее и обоснованное уведомление всех затрагиваемых лиц до установленной даты выселения;*
- с) *информирование в разумные сроки всех затрагиваемых лиц о планируемых выселениях и, когда это применимо, об альтернативной цели, в которой будет использоваться земля или жилище;*

³⁰⁹ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 4, пункт 8 а).

³¹⁰ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 7 (1997) о праве на достаточное жилище.

d) *присутствие государственных должностных лиц или их представителей в момент выселения, особенно если оно касается групп лиц;*

e) *надлежащее удостоверение личности всех лиц, осуществляющих выселение;*

f) *недопустимость проведения выселений в условиях плохой погоды или в ночное время, если только на это не получено согласие выселяемых лиц;*

g) *обеспечение средств правовой защиты; и*

h) *предоставление, при возможности, правовой помощи нуждающимся в ней лицам, с тем чтобы они могли ходатайствовать в судах о восстановлении своих прав (пункт 15 Замечания общего порядка № 7. Право на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).*

Доступ к правосудию должен обеспечить, чтобы выселение производилось только в качестве крайней меры, в соответствии со всеми правовыми требованиями и с предварительными подлинными консультациями с затрагиваемыми выселением, чтобы были изучены все реальные альтернативы выселению и чтобы никто не оказался бездомным в результате выселения. Суды должны требовать принятия всех соответствующих мер для обеспечения, где это возможно, выделения других необходимых участков земли и жилищ³¹¹. Жертвы принудительного выселения должны получать справедливую и адекватную компенсацию за любой ущерб, как личный, так и реальный, включая потерю другого имущества или вещей³¹². Там, где это возможно, им должно быть предоставлено право на восстановление любого разрушенного жилья или его замену надлежащим жильем³¹³ (пункт 36 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Доступ к правосудию... должен быть предоставлен для устранения основных причин перемещения и выселения. В тех случаях, когда все большее число домохозяйств не могут позволить себе плату за съём жилья или

³¹¹ См. Замечание общего порядка № 7; а также E/C.12/61/D/5/2015, пункты 13.4 и 15.1–15.2.

³¹² См. Замечание общего порядка № 7, пункт 13.

³¹³ A/73/310/Rev.1, пункт 34. См. также A/HRC/4/18, приложение I; а также *High Court of Kenya at Embu, Ibrahim Sangor Osman v. Minister of State for Provincial Administration and Internal Security*, Judgment of 16 November 2011.

ипотечный кредит, суды должны требовать от правительства предоставления финансовой помощи и принятия других мер, позволяющих людям оставаться в своих домах. Необходимо также создать работоспособные механизмы обеспечения рассмотрения возражений на планы застройки, способные привести к перемещению малообеспеченных общин (пункт 40 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Важное значение имеет обеспечение доступа к правосудию для оспаривания принудительного выселения и криминализации в этих случаях, но вызывает тревогу то, что суды не пошли дальше, признав необходимость позитивных мер предоставления доступа к достаточному жилищу. Обеспечение только права жить в картонной коробке или под полиэтиленовой пленкой в самых богатых странах мира даже отдаленно не позволяет удовлетворить стандарт целесообразных мер, требуемых в соответствии с международным правом в области прав человека. Суды должны истолковывать права, на которые они опираются в этих случаях, – на жизнь, безопасность личности и равенство или свободу от жестокого и бесчеловечного обращения – в соответствии с обязательствами государств принимать позитивные меры для решения проблемы бездомности как вопиющего нарушения прав человека³¹⁴ (пункт 44 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте. Доступ к правосудию в связи с правом на жилище. Размещен 15 января 2019 г. A/HRC/40/61).

Государства должны гарантировать отдельным лицам, группам и общинам *защиту от принудительного выселения в период, когда их конкретное дело рассматривается в национальном, региональном или международном правовом органе* (пункт 36 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень *Милуна Котари*. Размещен 5 февраля 2007 г. A/HRC/4/18).

---

³¹⁴ Анализ юриспруденции Соединенных Штатов в этом свете, см. *Eric Tars and others*, «Can I get some remedy? Criminalization of homelessness and the obligation to provide an effective remedy», *Columbia Human Rights Law Review*, vol. 45, Issue 3, pp. 738–771.

9.2. Благоустройство неформальных³¹⁵ поселений

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Государство считается нарушившим международные нормы и стандарты в области прав человека, если значительная часть его населения лишена доступа к элементарному крову или жилью (пункт 12 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Правозащитный подход к благоустройству неформальных поселений, основанный на праве не покидать родные места, когда это возможно, и претендовать на получение поблизости от них достаточного жилища в тех случаях, когда такое переселение считается необходимым или предпочтительным, является важным компонентом более широкой приверженности обеспечению прав человека в городах и реализации новой программы развития городов на основе обеспечения устойчивого инклюзивного развития (пункт 14 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Главная цель деятельности по благоустройству неформальных поселений должна состоять в обеспечении осуществления в полном объеме права на достаточное жилище (пункт 16 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

---

³¹⁵ Неофициальных.

«Неофициальные поселения – это самовольные, спонтанные, самоуправляемые и стихийные постройки и единицы жилья, возникшие в результате действий городской бедноты. Инфраструктура и условия в таких поселениях, как правило, не отвечают никаким стандартам. Самым привычным термином для описания этого явления стали «неофициальные поселения», но используются и другие понятия, такие как «трущобы», «бидонвилли» и «фавеллы»» (пункт 29 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 22 декабря 2012 г. A/HRC/22/46).

Информация о праве на жилище должна доводиться до сведения жителей неформальных поселений (пункт 19 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Конечной целью усилий в области благоустройства должна быть реализация всех аспектов права на достаточное жилище в соответствии с международными нормами в области прав человека. Это предполагает, в частности,

*недопущение дискриминации,
обеспечение безопасности, мира и достоинства,*

предоставление гарантированных прав владения жилищем, которое должно быть недорогим, пригодным для проживания, приемлемым с точки зрения культурных особенностей, доступным и располагаться в приличных районах с функционирующей системой предоставления услуг³¹⁶ (пункт 21 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Предоставление жильцам, независимо от их платежеспособности, доступа к воде и санитарным узлам и другим удобствам первой необходимости является безотлагательным приоритетом при проведении благоустройства (пункт 23 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Жители неформальных поселений должны иметь возможность убедиться в том, что месторасположение и конструкция подвергнувшихся благоустройству домов обеспечивают сохранение источников их средств к существованию (пункт 24 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Право оставаться в своем доме и общине является основополагающим в контексте права на жилище (пункт 26 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный

---

³¹⁶ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 4.

жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Благоустройство по месту проживания позволяет обитателям поселений продолжать поддерживать связи с другими жителями района, сохранить в неприкосновенности сплоченность общества и может помочь избежать подрыва источников средств к существованию³¹⁷ (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Право на благоустройство по месту проживания должно быть закреплено в законодательстве, а в распоряжении жителей поселений должны иметься механизмы, с помощью которых можно было бы добиваться осуществления этого права (пункт 28 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Государствам следует немедленно отказаться и впредь воздерживаться от попыток оправдать выселение жителей неформальных поселений ссылками на внутренние правовые процедуры. Суды должны отказывать в просьбах санкционировать такое выселение в любых обстоятельствах, кроме самых исключительных, и удовлетворять такие просьбы только в тех случаях,

когда жители были в полной мере вовлечены в процесс,

когда им предоставляется альтернативное жилье аналогичного или лучшего качества и

когда соблюдены все другие требования международного права в области прав человека. Обращение с заявлением о выселении почти всегда указывает на ущербность процесса и отсутствие конструктивного взаимодействия с общинами (пункт 29 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

---

³¹⁷ См. Руководящие принципы, касающиеся гарантированности владения имуществом. Доклад Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте *Ракель Рольник*. Размещен 30 декабря 2013 г. A/HRC/25/54. Режим доступа: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp>

<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/191/88/pdf/G1319188.pdf>

Иногда проведение благоустройства невозможно без перемещения и переселения ввиду сопутствующих ему вредных и опасных условий, образование которых нельзя предотвратить, или же сами жители поселения выбирают, в силу каких-то других причин, вариант переселения. В этих случаях *всем затрагиваемым группам и домашним хозяйствам должна предоставляться возможность участвовать в принятии решений, касающихся переселения*, в том числе выбора географического района, сроков переезда, а также принципов распределения нового жилья и его планировки (пункт 31 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

В тех случаях, когда правительство настаивает на переселении, *бремя доказывания возлагается на государство, которое должно показать несостоятельность варианта благоустройства по месту проживания*. Власти должны опубликовать свои доводы в пользу предлагаемого ими варианта и довести их до сведения жителей соответствующего поселения, а также предоставить их на рассмотрение органа, обладающего полномочиями по отмене решения о переселении после проведения полномасштабного слушания с участием жителей (пункт 32 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

В тех случаях, когда большинство населения отдает предпочтение варианту переселения, но некоторые из жителей отказываются переезжать, им, при наличии надлежащих условий, должна предоставляться такая возможность. В случаях, когда для проведения благоустройства по месту проживания требуется временное переселение, оно должно быть ограничено по времени и соответствовать требованиям, касающимся обеспечения надлежащим жильем, и всем нормам в области прав человека (пункт 33 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

При любом переселении, будь то на временной или постоянной основе, с государственной земли или частной, государства должны соблюдать основные принципы и руководящие указания, касающиеся выселений и

перемещений по соображениям развития (A/HRC/4/18, приложение I)³¹⁸. В частности, согласно этим принципам и руководящим указаниям отводимые для переселения места

должны располагаться в непосредственной близости от первоначального места проживания,

должны обеспечивать доступ ко всем необходимым удобствам (прежде всего системам водоснабжения, канализации и электроснабжения) и источникам средств к существованию.

Власти должны обеспечивать полную, достаточную, реальную и персональную компенсацию за любые понесенные расходы.

В выбранных для переселения местах жителям должны предоставляться равноценные или большего размера земельные участки и жилища, не уступающие по качеству местам их предыдущего проживания или превосходящие их по этим показателям (пункт 34 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Общинам необходимо оказывать поддержку в выявлении и документировании форм толкования прав владения имуществом в условиях неформальных поселений посредством проведения переписей и составления реестра обладателей прав владения имуществом в целях обеспечения гарантированности таких прав на долгосрочную перспективу. *Предоставляемые административными органами услуги по оказанию содействия в легализации неформальных поселений должны быть приемлемыми по цене, доступными, не требующими больших временных затрат и не слишком сложными* (пункт 37 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).³¹⁹

³¹⁸ Режим доступа: <http://undocs.org/ru/A/HRC/4/18>

³¹⁹ «Право на безопасное жилище является всеобщим правом, предусмотренным международными стандартами в области прав человека. Отсутствие гарантированных прав владения жилищем ни при каких обстоятельствах не может служить основанием для принудительного выселения лиц, проживающих в неформальных поселениях. Поэтому предусматриваемые национальным законодательством гарантии прав владения жилищем должны распространяться не только на лиц, имеющих официальный документ, подтверждающий их права владения, или лиц, права которых на землю или жилище закреплены в соответствующем договоре. Как было отмечено предыдущим Специальным докладчиком в руководящих принципах, касающихся гарантированности владения имуществом (A/HRC/25/54, пункт 5) [Руководящие принципы, касающиеся гарантированности владения имуществом. Доклад Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте Ракель Рольник. Размещен 30 декабря 2013

Ссылки на планирование и зонирование ни в коем случае не должны использоваться для оправдания необоснованного сноса неформальных поселений, отказа в доступе к услугам или в переселении в район, расположенный по соседству с ликвидируемым поселением (пункт 39 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

При осуществлении планирования приоритетное внимание должно уделяться вопросам выделения достаточных земельных площадей, предоставления надлежащих услуг и отведения под жилищное строительство участков, расположенных вблизи объектов сферы услуг, трудовой деятельности и транспортных коммуникаций, а также развитию сфер услуг и транспорта в районах расположения неформальных поселений (пункт 40 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Нельзя допускать утверждения планов развития городов, не предусматривающих строительство жилья для тех, кто уже живет в районах планируемой застройки. Любые планируемые градостроительные мероприятия должны предусматривать предоставление тем, кто уже живет на подлежащей застройке территории, жилья, в полной мере отвечающего их потребностям с точки зрения ценовой доступности, планировки и жилой площади (пункт 41 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный

г. [A/HRC/25/54.](https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp) Режим доступа: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp>], под гарантированностью владения подразумевается «ряд взаимоотношений по поводу жилья и земли, которые устанавливаются нормами статутного или обычного права или в силу существования неофициальных или гибридных механизмов, которые позволяют человеку жить в своем доме в условиях безопасности, мира и уважения его достоинства». В целях обеспечения защищенности прав владения жилищем в любых обстоятельствах государства обязаны поощрять, защищать и развивать различные формы владения имуществом. Приоритетное внимание при этом должно уделяться механизмам обеспечения прав владения имуществом наиболее уязвимых и маргинализированных групп населения» (пункт 36 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

В тех случаях, когда не представляется возможным обеспечить новых обитателей городских районов готовым жильем, для размещения нуждающихся должны отводиться или приобретаться земельные участки, а на время возведения на выделенных участках домов им должны быть предоставлены доступ к объектам водоснабжения и санитарии и временное жилье (пункт 42 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Программы благоустройства должны разрабатываться с учетом культурных особенностей. А это означает уделение внимания таким аспектам, как

пространственное планирование,

цвет и размеры квартиры,

наличие удобств и

учет различных религиозных обычаев. При осуществлении благоустройства поселений коренных народов необходимо обеспечивать активное участие представителей этих народов в проектировании их будущих жилищ с опорой на накопленные ими знания и практический опыт (пункт 51 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Право на участие должно быть важнейшим компонентом любой стратегии переселения. Это одновременно и юридическое требование, и оперативная необходимость. Неспособность обеспечить участие жителей в процессах планирования и осуществления соответствующих мероприятий ведет к тому, что их представления о сути проблем и их огромный потенциал в плане изыскания путей их преодоления не будут задействованы (пункт 72 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Право на участие должно осуществляться на основе ясных и четких процедур, обеспечивающих взаимодействие непосредственно с жильцами, а не только с хозяевами жилищ или неформальными домовладельцами (пункт 74 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как

компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Должны учреждаться механизмы рассмотрения жалоб, к которым жители могли бы напрямую обращаться со своими проблемами, и которые обеспечивали бы соблюдение их прав и основанных на принципах уважения прав человека процедур разрешения споров (пункт 86 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).³²⁰

Суды и арбитражные учреждения должны строго следить за соблюдением запрета на принудительное выселение и требования о налаживании конструктивного взаимодействия с жителями. Они должны добиваться от правительств выполнения всех компонентов обязательства, предусматривающего неуклонное наращивание усилий по осуществлению права на жилище в неформальных поселениях. Они должны поощрять подачу и обеспечивать рассмотрение системных исков, касающихся, в частности:

недостаточного объема бюджетных ассигнований,
несоблюдения сроков или неспособности достичь согласованных показателей,

недостаточных масштабов взаимодействия и сотрудничества с общинами.... Судам и арбитражным учреждениям должно быть предоставлено право продолжать заниматься находящимися на их рассмотрении вопросами и запрашивать на регулярной основе доклады о проделанной работе и достигнутых результатах до тех пор, пока поставленные задачи не будут решены. Кроме того, суды могут рассмотреть

---

³²⁰ «Обеспечение надлежащего контроля за ходом работ и подотчетности в отношении достижения целей и соблюдения установленных сроков является важнейшим условием осуществления соответствующих прав в ходе работ по благоустройству. Для обеспечения независимой, справедливой и беспристрастной оценки прогресса должны учреждаться органы или назначаться лица, наделенные соответствующими полномочиями, например омбудсмен по вопросам благоустройства или общественная группа по надзору» (пункт 85 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

вопрос о делегировании полномочий по надзору, касающихся постановлений о предоставлении средств правовой защиты, независимому органу, такому как управление омбудсмена или учреждение по правам человека (пункт 92 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

Государствам необходимо предпринять согласованные шаги по устранению препятствий для доступа к правосудию, с которыми сталкиваются жители неформальных поселений. Эти меры должны включать:

а) предоставление судам возможностей для проведения открытых слушаний неподалеку от таких поселений, чтобы обеспечить охват жителей отдаленных районов;

б) обучение судей, юристов и адвокатов более эффективным методам работы с жителями неформальных поселений;

с) учреждение целевых фондов для организации на факультетах права специальных курсов по правозащитной деятельности в условиях неофициальных поселений;

д) оказание правозащитным организациям помощи в их работе с жителями;

е) обеспечение доступности правовой помощи;

ф) введение в действие процедур, предусматривающих проведение судебных разбирательств *amicus curiae* и разбирательств о защите общественных интересов, в целях решения системных вопросов;

г) наделение национальных правозащитных учреждений надлежащими полномочиями и ресурсами для оказания жителям неформальных поселений помощи в отстаивании и обеспечении соблюдения их права на жилище; и

h) обеспечение оперативного вмешательства, принятия промежуточных постановлений и судебных предписаний в связи с чрезвычайными обстоятельствами, в частности в случаях принудительного выселения (пункт 93 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 19 сентября 2018 г. A/73/310/Rev.1).

9.3. Защита права лиц с ограниченными возможностями на жилье

См. в соответствующей части *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере*

*защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав лиц с ограниченными возможностями.*³²¹

9.4. Защита права пожилых лиц³²² на жилье

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Жилье является существенно важным аспектом активного старения и способности пожилых людей жить самостоятельной жизнью и предотвращать их социальную изоляцию... Согласно праву в области прав человека, жилье является не товаром, а одним из основных прав человека, которое требует осуществления на правозащитной основе (пункт 46 Доклада Независимого эксперта по вопросу об осуществлении всех прав человека пожилых людей. Размещен 10 июля 2018 г. A/HRC/39/50).

В широком смысле *право на жилье можно определить как право проживать где-либо в условиях безопасности, спокойствия и уважения достоинства.* Оно охватывает несколько аспектов, в частности правовые гарантии от незаконного выселения, доступность услуг, материалов и инфраструктуры, приемлемого по цене, пригодного для проживания и доступного жилья, размещение жилья в удобном месте и жилья, построенного и размещенного с учетом культурных особенностей. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в своем [3]амечании общего порядка № 6 (1995) об экономических, социальных и культурных правах пожилых людей заявляет, что *жилье – это не просто кров, поскольку это понятие охватывает психологический и социальный аспекты.* Оно также предусматривает необходимость поддержки семьи. Комитет также подтверждает, что *национальная политика должна помогать пожилым людям продолжать жить в собственных домах так долго, как это*

³²¹ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27222/

³²² «Комитет по экономическим, социальным и культурным правам определяет пожилых людей как группу лиц, находящихся в неблагоприятном положении, которые имеют право на первоочередное решение их жилищных проблем (E/2005/22-E/C.12/2004/9). Чрезмерная арендная плата, раздутые расходы на жилье, отсутствие муниципального жилья и доступа к основным услугам могут быть приравнены к дискриминационной практике, требующей вмешательства государства с целью обеспечить всем равный доступ к жилью» (пункт 50 Доклада Независимого эксперта по вопросу об осуществлении всех прав человека пожилых людей. Размещен 10 июля 2018 г. A/HRC/39/50).

возможно (пункт 47 Доклада Независимого эксперта по вопросу об осуществлении всех прав человека пожилых людей. Размещен 10 июля 2018 г. A/HRC/39/50).

10. Защита права лица на уважение частной и семейной жизни и жилища, нарушенного (нарушаемого) в ходе осуществления уголовного судопроизводства

См. приведенный выше раздел «Производство принудительных действий, связанных с ограничением права лица на уважение частной жизни» и *Защита права лица на беспрепятственное пользование имуществом, права лица на уважение частной (личной), семейной жизни и жилища, в том числе в аспекте обеспечения тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права лица не подвергаться дискриминации в рамках уголовного судопроизводства. Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, а также позиций, выработанных в рамках специальных процедур Совета ООН по правам человека.*³²³

11. Соотношение права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища с иными правами

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Европейский Суд... отмечает различный характер интересов, охраняемых статьями 6 и 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В то время как статья 6 Конвенции предусматривает процессуальную защиту, а именно «право на судебное рассмотрение» при определении своих «гражданских прав и обязанностей», статья 8 Конвенции служит более широким целям, обеспечивающим надлежащее уважение, *inter alia*, семейной жизни. Различия между гарантиями, предусмотренными статьями 6 и 8 Конвенции, могут, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, оправдать рассмотрение одних и тех же фактов в соответствии с обеими статьями (пункт 144 постановления от 18 июля 2017 г. по делу *Макилрот (McIlwrath) против Российской Федерации*).³²⁴

³²³ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/26335/

³²⁴ «Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание» № 6 (192) 2018 г. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

*Практика Европейского Суда по правам человека
в отношении третьих государств*

[Н]есмотря на взаимосвязь между двумя положениями³²⁵ в соответствии с пунктом 4 статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] невозможно применить тот же критерий, что используется в силу пункта 2 статьи 8 Конвенции. Европейский Суд ранее подчеркивал, что *статья 8 Конвенции не должна толковаться как закрепляющая право на проживание в определенном месте...* Наоборот, свобода выбора местожительства занимает центральное место в пункте 1 статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции, и указанное положение было бы лишено смысла, если бы оно не требовало от Договаривающихся Сторон учитывать индивидуальные предпочтения по данному вопросу. Следовательно, любое отступление от такого принципа должно быть продиктовано публичными интересами в демократическом обществе (пункт 141 постановления Большой Палаты от 6 ноября 2017 г. по делу *Гариб (Garib) против Нидерландов*).³²⁶

Практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

[П]раво на достаточное жилье не должно рассматриваться изолированно от других прав человека, содержащихся в двух Международных пактах и других применимых международных документах. В этой связи уже упоминалась концепция человеческого достоинства и принцип недискриминации. Кроме того, *полное пользование другими правами*, такими, как право на свободу выражения своего мнения, право на свободу

Заявитель жаловался на нарушение права на уважение его семейной жизни, поскольку власти Российской Федерации не помогли ему воссоединиться с его детьми после того, как их мать увезла их из Италии в Российскую Федерацию.

Заявитель также жаловался на то, что судебное разбирательство, касающееся признания и исполнения решения Трибунала Флоренции от 18 сентября 2012 г., было несправедливым, поскольку его не уведомили о дате проведения кассационного слушания 12 марта 2013 г., поэтому он отсутствовал на указанном слушании. Заявитель ссылаясь на статью 6 Конвенции.

³²⁵ «Возвращаясь к вопросам, поставленным в настоящем деле, Европейский Суд отмечает прежде всего очевидную взаимосвязь между свободой выбора местожительства и правом на уважение «жилища» и «личной жизни» (статья 8 Конвенции). Более того, Европейский Суд ранее уже прямо применял мотивировку, касающуюся права на уважение жилища, к жалобе на нарушение статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции» (пункт 140 постановления Большой Палаты от 6 ноября 2017 г. по делу *Гариб (Garib) против Нидерландов*).

³²⁶ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск № 8 (20) 2018. Перевод с французского языка *Е.Г. Кольцова*.

ассоциации (например, для жильцов и других групп, действующих в рамках общины), право на местожительство и право на участие в ведении государственных дел, *является абсолютно необходимым для осуществления и сохранения всеми группами общества своего права на достаточное жилье*. Аналогичным образом право на свободу от произвольного или незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь какого-либо лица, произвольного или незаконного посягательства на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции представляет собой весьма важное измерение при определении права на достаточное жилье (пункт 9 Замечания общего порядка № 4. Право на достаточное жилище. Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 6-й сессии (1991 г.). E/1992/23).

В связи с взаимосвязанностью и взаимозависимостью всех прав человека *принудительные выселения во многих случаях приводят к нарушению других прав человека*. Так, например, практика принудительных выселений, явно нарушающая права, предусмотренные в Пакте, может одновременно привести к нарушениям гражданских и политических прав, таких, как право на жизнь, безопасность, невмешательство в личную и семейную жизнь и неприкосновенность жилища и право на спокойное пользование собственностью (пункт 4 Замечания общего порядка № 7. Право на достаточное жилище (пункт 1 статьи 11 Пакта). Принято Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам на его 16-й сессии (1997 г.). E/1998/22).

11.1. Соотношение права на жизнь и права на уважение жилища. Бездомность

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Жизненный опыт показывает, что *понятия достаточного жилища, достоинства, безопасности и жизни настолько тесно взаимосвязаны, что практически неотделимы друг от друга*. То же относится и к международному праву прав человека. *Право на жизнь не может быть отделено от права на безопасное место жизни*, тогда как право на безопасное место жизни имеет смысл лишь в контексте права на жизнь в условиях достоинства и безопасности, без какого-либо насилия (пункт 27 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

В своем [3]амечании общего порядка № 4 о праве на достаточное жилище Комитет по экономическим, социальным и культурным правам отверг определения достаточного жилища, концентрирующиеся на наличии физического крова, а вместо этого утвердил определение, непосредственно связанное с правом на жизнь. Комитет заявил: *«Право на жилище не следует толковать в узком смысле, как предоставление крова (стены и крыша над головой); его следует понимать как право жить в безопасности, мире и с достоинством»* (пункт 28 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).³²⁷

В нескольких случаях Комитет анализировал, как бездомность создает серьезную угрозу для жизни, здоровья и личной неприкосновенности для людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Удивительно, однако, то, что Комитет не проявил желания рассматривать бездомность как одно из нарушений права на жизнь. Вместо этого он пришел к выводу, что действия государства, приводящие к бездомности, могут являться проявлением жестокого и бесчеловечного обращения, вопреки статье 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, или незаконным посягательством на неприкосновенность жилища, вопреки статье 17. Признавая взаимозависимость гражданских и политических прав и права на достаточное жилище, Комитет в основном свел такое признание к традиционной концепции негативных прав в связи с бесчеловечным обращением, наказанием или вмешательством и не рассматривал существенные обязательства заниматься проблемами бездомности и ненадлежащего жилища как нарушений права на жизнь (пункт 34 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).³²⁸

³²⁷ «Аналогичным образом, в своем [3]амечании общего порядка № 6 Комитет по правам человека заявил, что право на жизнь является «основополагающим правом», которое «не должно толковаться узко», и что оно «не может быть правильно понято, если его толковать ограниченно, и защита этого права требует от государств принятия конструктивных мер». В своих периодических обзорах Комитет отмечал документально подтвержденное негативное влияние бездомности на здоровье и на жизнь и заявлял, что право на жизнь требует принятия конструктивных мер по борьбе с бездомностью» (пункт 29 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

³²⁸ «Комитет признал тот факт, что на Ямайке ненадлежащие жилищные условия и отсутствуют службы по оказанию помощи лицам с психосоциальными отклонениями, и, что трагично, после депортации автор действительно стал бездомным и живет на стихийной свалке... Тем не менее Комитет счел, что данное заявление о нарушении права

В деле *А.Х.Г. против Канады* Комитет рассмотрел последствия депортации *А.Х.Г.*, которому был поставлен диагноз параноидной шизофрении, на Ямайку, где он может подвергаться "значительному риску ухудшения его здоровья, социального отторжения, изоляции и бездомности" (см. ССРР/С/113/D/2091/2011, пункт 3.2). *А.Х.Г.* заявлял, что депортация явится нарушением права на жизнь (статья 6) и права не подвергаться жестокому и бесчеловечному обращению (статья 7). Комитет признал тот факт, что на Ямайке ненадлежащие жилищные условия и отсутствуют службы по оказанию помощи лицам с психосоциальными отклонениями, и, что трагично, после депортации автор действительно стал бездомным и живет на стихийной свалке (там же, пункт 5.8). Тем не менее Комитет счел, что данное заявление о нарушении права на жизнь является "недостаточно обоснованным" и поэтому неприемлемым. Очевидно, Комитет применил, в контексте индивидуальных обращений, узкий подход к толкованию права на жизнь, против которого он предостерегал в [3]амечании общего порядка № 6, требуя представлять свидетельства прямой и преднамеренной угрозы жизни заявителя. С другой стороны, в отношении права не подвергаться жестокому,

---

на жизнь является «недостаточно обоснованным» и поэтому неприемлемым. Очевидно, Комитет применил, в контексте индивидуальных обращений, узкий подход к толкованию права на жизнь, против которого он предостерегал в [3]амечании общего порядка № 6, требуя представлять свидетельства прямой и преднамеренной угрозы жизни заявителя. С другой стороны, в отношении права не подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению Комитет счел это нарушением, заявив, что целью статьи 7 является защита как достоинства, так и физического и психического здоровья человека – цель, которую также можно отнести к праву на жизнь» (пункт 35 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. А/71/310).

«Аналогичным образом, в деле *Ясин против Дании* [ССРР/С/114/D/2360/2014] Комитет рассматривал последствия бездомности в связи с депортацией матери-одиночки в Италию. Осман Ясин, живя в Сомали, убежала от своего склонного к агрессии мужа и была спасена итальянской береговой охраной при попытке пересечь Средиземное море. В Италии она безуспешно пыталась найти жилище, жила со своей годовалой дочерью на улице, спала на железнодорожных вокзалах и рынках. Г-жа Ясин с дочерью покинула Италию и отправилась в Нидерланды, однако была возвращена в Италию, где она, будучи беременной, снова жила на улице со своей двухлетней дочерью и ночевала на вокзалах. Ей было отказано в медицинской помощи при рождении второго ребенка ввиду отсутствия у нее адреса. Когда она не смогла заплатить за продление своего вида на жительство в Италии, она поехала в Данию. Комитет пришел к выводу, что возвращение ее и детей в Италию было бы жестоким и бесчеловечным актом, поскольку, по всей вероятности, они снова станут бездомными» (пункт 36 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. А/71/310).

бесчеловечному или унижающему достоинство обращению Комитет счел это нарушением, заявив, что целью статьи 7 является защита как достоинства, так и физического и психического здоровья человека – цель, которую также можно отнести к праву на жизнь (пункт 35 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

Признание Комитетом... того факта, что депортация в условиях бездомности может быть проявлением жестокости и бесчеловечного обращения или наказанием и что в этом контексте жертвы бездомности имеют право на защиту своих прав, крайне важно. Не менее важно, однако, и обеспечить доступ к судебному разбирательству и защите прав для тех, кто испытывает такие же тяготы бездомности, обусловленные бездействием или пренебрежением, в своих собственных государствах. В делах *А.Х.Г.* и *Ясин* Комитет рассматривал последствия широко распространенных и систематических нарушений права на жизнь в безопасности и с достоинством. Однако это рассмотрение оставалось в рамках концепции негативных прав относительно запрещенных «бесчеловечного обращения» или «наказания». Эти рамки не дают возможности услышать реальные требования относительно жизни в условиях достоинства, безопасности и без социальной изоляции, поступающие от инвалидов или женщин, спасающихся от насилия, тех, кто не считает реализацией своих прав человека лишь свободу от бесчеловечного обращения и наказания, но ставит вопрос более радикально: свободу иметь место для достойной жизни в условиях безопасности (пункт 37 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

В соответствии со статьей 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, запрещающей произвольное или незаконное вмешательство в личную и семейную жизнь, произвольное или незаконное посягательство на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, Комитет признал определенные компоненты права на достаточное жилище соответствующими Пакту. Он решил, что прекращение прав на проживание ввиду отсутствия в стране проживания является произвольным и поэтому противоречит статье 17³²⁹... и что жилое помещение, построенное без официального разрешения на муниципальной собственности, должно быть признано «жилищем» и должно быть защищено от «незаконного

---

³²⁹ ССРР/С/112/Д/2068/2011.

вмешательства»³³⁰... Комитет также признал разрушительные последствия насильственного выселения для семьи и общины и постановил, что этого нельзя позволять, если оно приводит к бездомности... В деле *Георгопулос* член Комитета по правам человека, Фабиан Сальвиоли, высказал совпадающее мнение, отметив, что в решении Комитета по этому делу признается принцип взаимозависимости и неделимости прав, что соответствует «наметившейся в современном международном праве по правам человека тенденции к переходу от неестественного и искусственного деления прав на «категории» к принципу универсальности и взаимозависимости всех прав человека»³³¹ (пункт 39 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

Отказ заслушивать, выносить судебное решение и предоставлять средства правовой защиты в отношении тех категорий требований, касающихся соблюдения права на жизнь, которые обусловлены такими системными лишениями, как бездомность, имеет серьезнейшие последствия, выходящие далеко за рамки системы Организации Объединенных Наций по мониторингу выполнения договоров. Такой отказ укрепляет практику применения негативных прав, которая продолжает отказывать в доступе к правосудию жертвам многих крайне серьезных нарушений права на жизнь во многих юрисдикциях (пункт 41 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, например, отвечает за толкование и применение... права в отношении достаточного жилища и прочих прав, предусмотренных Международным пактом по экономическим, социальным и культурным правам, как неделимых и взаимосвязанных с правом на жизнь. В своем [3]амечании общего порядка № 7 в отношении насильственного выселения Комитет отметил, что выселения могут нарушать право на жизнь, и в своих периодических обзорах он внес весомый вклад в понимание взаимосвязи между правом на достаточное жилище и правом на жизнь (пункт 46 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

³³⁰ CCPR/C/106/D/2073/2011.

³³¹ CCPR/C/99/D/1799/2008, пункт 3.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам признал, что осуществление права на достаточное жилище в рамках национального законодательства зачастую полагается на признание судами и правительством того факта, что право на жизнь неотделимо от права на достаточное жилище и от других социально-экономических прав. Комитет подчеркнул, что *в тех случаях, когда право на достаточное жилище не пользуется безусловной конституционной защитой, а право на жизнь пользуется, правительство и суды обязаны толковать право на жизнь таким образом, чтобы обеспечить доступ к эффективным средствам правовой защиты закрепленных в Пакте прав*³³² (пункт 47 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

Согласно статье 6 Конвенции о правах ребенка, государства-участники признают, что *каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь, и обязаны обеспечивать в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка*. Председатель редакционного комитета по этой Конвенции пояснил это уникальное положение, отметив, что, *в то время как в других конвенциях подход к праву на жизнь в основном имеет негативный характер, подход Комитета [по правам ребенка] должен быть позитивным и учитывать экономические, социальные и культурные условия*³³³ (пункт 50 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

Право на жизнь и достоинство является базовой ценностью, которая закреплена в Конвенции о правах инвалидов. В статье 3 говорится, что цель Конвенции – способствовать уважению присущего лицам с инвалидностью человеческого достоинства. В статье 10 конкретно упомянуты конструктивные обязательства в отношении уважения права на жизнь. В данной статье говорится, что государства-участники подтверждают неотъемлемое право каждого человека на жизнь и принимают все необходимые меры для обеспечения его эффективного осуществления инвалидами наравне с другими. *Все статьи этой Конвенции должны толковаться таким образом, чтобы они соответствовали основным ценностям жизни в условиях человеческого достоинства*, в том числе статья 9 (доступность), статья 11 (ситуации риска и чрезвычайные гуманитарные ситуации), статья 19 (самостоятельный образ жизни и вовлеченность в

³³² E/C.12/CAN/CO/6, пункты 5–6.

³³³ Sharon Detrick, A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child (The Hague, the Netherlands, Martinus Nijhoff Publishers, 1999).

местное сообщество) и статья 28 (достаточный жизненный уровень и социальная защита) (пункт 52 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

Комитет по правам инвалидов только лишь приступил к рассмотрению сообщений по вопросам крайне неудовлетворительных жилищных условий, отсутствия поддержки для жизни в местном сообществе и отсутствия доступного жилища, что характерно для условий жизни миллионов инвалидов. Однако в своих периодических обзорах Комитет отмечал *важность обязательств государств в отношении принятия конструктивных мер по осуществлению инклюзивных, эффективных стратегий для осуществления права на жилище и социальную защиту* и для решения конкретных вопросов, влияющих на жизнь женщин, мигрантов и молодых людей с инвалидностью (пункт 53 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин имел возможность рассмотреть в рамках своей правовой практики обязательства государств-участников по принятию мер относительно угроз, с которыми сталкиваются женщины в связи с отсутствием жилища. В деле *Г-жа А.Т. против Венгрии* Комитет рассмотрел ситуацию женщины, матери двоих детей, которая подвергалась жестоким избиениям со стороны своего мужа и боялась за свою жизнь. Она не имела возможности перебраться в приют, поскольку там не было места для ее ребенка-инвалида. Национальные суды отклонили просьбу относительно предоставления *А.Т.* собственного жилища в счет прав собственности ее мужа. Комитет счел, что *права человека женщин, такие как право на жизнь и право на физическую и психическую неприкосновенность, не могут замещаться другими правами, включая право на собственность и право на неприкосновенность частной жизни*. Комитет рекомендовал Венгрии принять конструктивные меры, чтобы исправить ситуацию *А.Т.*, обеспечить более эффективную защиту женщин в целом, а также предоставить *А.Т.* вместе с детьми безопасное жилище, а также алименты, правовую помощь и компенсацию за нарушение ее прав³³⁴ (пункт 55 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

³³⁴ Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, сообщение № 2/2003, *Г-жа А. Т. против Венгрии*, 26 января 2005 года.

В ходе своей судебной практики за последние два десятилетия Межамериканский [С]уд по правам человека выработал концепцию *vida digna* (право на достойную жизнь) в контексте статьи 4 (право на жизнь) Американской конвенции о правах человека. Первая ссылка на эту концепцию содержалась в принятом этим Судом знаковым решении по делу «Дети улицы» (*Вильягран-Моралес и др.) против Гватемалы* и, вероятно, изложена наиболее исчерпывающим образом: «Право на жизнь является одним из основных прав человека, и его осуществление необходимо для осуществления всех других прав человека. Если оно не соблюдается, все другие права не имеют значения. Ввиду основополагающей природы права на жизнь ограничительные подходы к нему недопустимы. В сущности, основополагающее право на жизнь включает не только право каждого человека не быть произвольно лишенным жизни, но также и право не подвергаться ограничениям в доступе к таким условиям, которые гарантируют для него достойное существование. На государствах лежит обязанность гарантировать создание таких условий, которые требуются, чтобы не было нарушений этого основного права, в частности обязанность не допускать его нарушения своими агентами» (пункт 57 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. А/71/310).

Суд применял принцип *vida digna* и в ряде других дел, включая иски коренных народов в отношении исконно принадлежавших им земель. Например, в деле *Sawhoyamata против Парагвая* члены данной коренной общины были выселены со своих земель и оставлены жить на обочине. Не имея доступа к достаточному жилищу, основным услугам, включая питьевую воду, услуги санитарии и здравоохранения, многие из них умерли от предотвратимых болезней, обусловленных перемещением и бездомностью. Суд вынес решение о нарушении права на жизнь в свете того физического состояния, в котором жили и продолжали жить члены общины *Sawhoyamata*, а также факта смерти нескольких человек по причине таких условий³³⁵ (пункт 58 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. А/71/310).

Аналогичный подход был принят и в африканской системе. В Преторийской декларации экономических, социальных и культурных прав государства –

---

³³⁵ Межамериканский Суд по правам человека, дело *Коренное сообщество Sawhoyamata против Парагвая*, решение от 29 марта 2006 года.

участники Африканской хартии согласились, что в Хартии *ссылки на социально-экономические права, включая право на жилище, должны пониматься в свете взаимосвязи с правом на жизнь*, указав: «Социальные, экономические и культурные права, в явной форме предусмотренные в Африканской хартии, провозглашаемые наряду с другими правами в данной Хартии, такими как право на жизнь и уважение неотъемлемого человеческого достоинства, подразумевают признание и других социально-экономических прав, включая право на убежище, право на базовое питание и право на социальное обеспечение». Преторийская декларация опиралась на решение Африканской комиссии по правам человека и народов, принятое по делу *Центр действий по социальным и экономическим правам и Центр по экономическим и социальным правам против Нигерии*. Комиссия пришла к выводу, что деградация окружающей среды «превратила жизнь в Огониленде в кошмар» и что уничтожение земли и ферм «негативно сказалось на существовании всей общины Огони». Комиссия сделала вывод, что в этом случае «было нарушено важнейшее из основных прав человека – право на жизнь» (пункт 59 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

Опыт на национальном уровне показывает, что *право на достаточное жилище наиболее эффективно заявляется и рассматривается, когда оно увязывается с правом на жизнь и другими основными принципами прав человека*. Даже в тех юрисдикциях, где право на достаточное жилище признается как самостоятельное право, для эффективного предъявления требований по этому праву и рассмотрения обычно делался упор на признание его неотъемлемой взаимосвязи с достоинством и правом на жизнь. Конституционный суд Южной Африки, например, отказался от дифференцированного подхода к рассмотрению и сосредоточил внимание на оценке того, насколько разумными были принятые правительством конструктивные меры в отношении «невыносимых условий», в которых жила *Айрин Грутбум* и ее община (под пластиковыми тентами на стадионе, без водоснабжения или санитарных условий) и которые резко контрастировали с конституционными ценностями достоинства, равенства и свобод (пункт 62 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

Несмотря на тот факт, что Конституция Индии разделяет право на жизнь как право, которое может отстаиваться в судебном порядке, и право на достаточное жилище как политическую цель, Верховный суд Индии еще в 1981 году признал невозможность разделения этих двух прав, заявив: «*Право*

*на жизнь включает право жить, сохраняя человеческое достоинство и все, что с ним связано, а именно такие самые необходимые жизненные потребности, как достаточное питание, одежда и кров, условия для того, чтобы читать, писать, выразить себя в различных формах, свободно перемещаться и общаться с другими людьми». За этим делом последовал ряд важных решений, в том числе в решении по делу *Ольга Теллис*, в котором было однозначно признано, что *право иметь средства к существованию является неотъемлемой частью права на жизнь*; по делу *Шантистар Билдерз сосайети*, в котором говорилось, что *право на жизнь «должно подразумевать и наличие... разумно приемлемого жилища»*; и делу *Чамели Сингх против штата Утар Прадеш*, в котором были проанализированы обязательства государства в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах и было отмечено, что *«право на жилье, когда оно используется как важный компонент права на жизнь, должно считаться одним из гарантированных основных прав»* (пункт 63 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. А/71/310).*

Некоторым судебным решениям Верховного суда Индии присущи уникальные качества сочувствия, гуманности и приверженности правосудию, поскольку он непосредственно вникал в обстоятельства жизненного опыта истцов, чтобы определить, было ли нарушено их право на жизнь. Истолковывая право на жизнь как право, включающее и право на жилище, суды откликались на социальные движения и в то же время выступали катализатором включения этого вопроса в политическую сферу. Эти решения имеют крайне важное значение ввиду их способности оживить главные устремления Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и Венской декларации и Программы действий (пункт 64 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. А/71/310).

Новая конституция Кении (2010 год) включает как право на жизнь, так и право на доступное и достаточное жилище в качестве прав, которые могут отстаиваться в судебном порядке. Кенийские суды подтвердили комплексное понимание взаимозависимости этих двух прав в соответствии с новой Конституцией. Например, в деле *Гарисса* иск был подан от имени 1122 человек, которые были грубо выселены с земли, где они проживали с 1940-х годов. Суд заявил, что Конституция Кении признает *все права человека правами, подлежащими судебной защите*, отметив, что *«люди, живущие без*

удовлетворения основных жизненных потребностей, лишены человеческого достоинства, свободы и равенства». Суд постановил, данное выселение нарушило права людей на жизнь и жилище, и вынес решение, обязывающее государство вернуть истцов на их землю и восстановить их дома либо предоставить им альтернативное жилище и другие сооружения. Аналогичным образом, в деле *Сантроуз Аюма* (еще одно широкомасштабное выселение) Верховный суд постановил, что *выселение, проводящееся без значимого взаимодействия с выселяемыми и без предоставления им альтернативного жилища, является нарушением права на жизнь и права на достаточное жилище*. Суд настаивал на том, чтобы планы по переселению никоим образом не нарушали права на достойную жизнь (пункт 65 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).
веществ и отходов. Размещен 2 июля 2012 г. A/HRC/21/48).

11.2. Соотношение права на частную жизнь и права на свободу выражения своего мнения

См. приведенные выше разделы *«Использование персональных данных. Их хранение и обработка. Публикация материалов о частной жизни лица»*, *«Умаление личной (деловой) репутации»*, а также *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения.*³³⁶

---

³³⁶ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Раздел «Документы» (подраздел «Международная практика»).

Режим доступа: http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/26427/